

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2011

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Журнал награждён дипломом

**V Международного конкурса «Университетская книга — 2010»
в номинации «Лучшее вузовское периодическое издание»**

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписные индексы:

Почта России 60320

Пресса России 41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2011

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2011

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2011

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

**The journal is awarded the diploma
of the Vth International contest «University Book — 2010»
in the nomination «The best university periodical»**

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription indexes
The Post of RF 60320
Press of RF 41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2011
© Ivanovo State University, 2011

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

От редколлегии журнала «Интеллигенция и мир»

17 февраля 2011 года состоялось заседание редколлегии журнала «Интеллигенция и мир». Члены редколлегии рассмотрели вопросы, поставленные проректором по научной работе Ивановского государственного университета Д. И. Польшинным (ИМ. 2010. № 4. С. 144—151), и приняли решение повысить требовательность к научной экспертизе поступающих материалов, последовательно проводить принципы, лежащие в основе десятилетней деятельности журнала.

На электронной странице «ИМ» (www.ivanovo.ac.ru/ru/science/journals) создан раздел «Отклики читателей», где опубликован ответ В. П. и Ж. Л. Океанских на критику их статьи и в дальнейшем будут размещаться мнения и отзывы читателей на материалы, публикуемые в журнале.

Редколлегия обращается к авторам и читателям с приглашением использовать страницы журнала «Интеллигенция и мир» для публикации результатов новейших исследований актуальных проблем современного интеллигентоведения, социально-политического развития, философии и культуры, соблюдая принципы профессионализма и научной этики, компетентности и корректного творческого диалога.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Сибиряков И. В.* Интеллигенция и террор: исторический опыт
России начала XX века 7
- Корнилов А. А.* Российская интеллигенция и мир перемещённых
лиц стран Европы 19
- Чугунова Т. В.* Античность и тип интеллигентной личности 37

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Павлова Т. В.* Самоорганизация общества глазами русской интел-
лигенции конца XIX — начала XX в. 50
- Ермушин М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие
в годы НЭПа: проблема взаимоотношений 68

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Смирнов Д. А.* Интеллигенция Советской России конца 20-х —
начала 30-х годов XX века глазами немецкого интеллектуала 82

ДИСКУССИЯ

- Семёнов В. Л.* Оценочный аспект деятельности российской интел-
лигенции 97

ДЕБЮТ

- Ветошкина Ю. В.* Интеллигентская рецепция гламура 109

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Усманов С. М., Соловьёв А. А., Зябликов А. В.* Обсуждение про-
блем интеллигентоведения в Костроме 118
- Рябченко О. Л.* «Фрагменты мучительных поисков...» 129
- Аннотации* 138
- От редколлегии журнала «Интеллигенция и мир»* 144
- Информация для авторов* 145

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Sibiryakov I. V.* Intelligentsia and terror: historical experience in Russia
at the beginning of the 20th century 7
- Kornilov A.A.* Russian intelligentsia and the world of the moved per-
sons of European countries 19
- Chugunova T. V.* Antiquity and the type of intelligent personality 37

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Pavlova T. V.* Self-organization of society from the view of Russian
intelligentsia at the end of the 19th — beginning of the 20th century 50
- Ermushin M. V.* Engineer-technical intelligentsia and workers in the
years of New Economic Policy: the problem of relationship 68

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Smirnov D. A.* Intelligentsia of Soviet Russia (at the end of the 20s —
beginning of the 30s of the 20th century) from the view of a German
intellectual 82

DISCUSSION

- Semyonov V. L.* Evaluative aspect of Russian intelligentsia activity 97

DEBUT

- Vetoshkina Y. V.* Intelligentsia's reception of glamour 109

MAKING CONCLUSIONS

- Usmanov S. M., Solovyev A. A., Zyablikov A. V.* Discussion of the
problems of intelligentsia studies in Kostroma 118
- Ryabchenko O. L.* «Fragments of excruciating searches...» 129
- Annotations* 138
- From the editorial board of the journal «Intelligentsia and world»* 144
- Information for authors* 145

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)53-283.2

И. В. Сибиряков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ТЕРРОР: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблема террора является сегодня к одной из ключевых проблем российского социума. Через то или иное её решение происходит формирование системы нравственных, политических, социальных ценностей отдельных групп населения, осуществляется своеобразная групповая идентификация, оформление невидимых, но реально существующих границ группового жизненного пространства. Для российской интеллигенции вопросы террора всегда имели особый характер. Во многом это было связано с тем, что «русский террор» второй половины XIX века существенно изменил статус интеллигенции, расколол её ряды на несколько частей, дестабилизировал не только российское государство, но и общество.

«Многие, считавшие себя частью русской интеллигенции, были возмущены контрреформами Александра III, которые ограничили или же де-факто уничтожили политические достижения

© Сибиряков И. В., 2011

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009—2010 гг.) Мероприятие 1».

1860-х годов. Они так же были разочарованы провалом собственных усилий улучшить социально-политическую ситуацию в стране в так называемую “эпоху малых дел” (середина 1880-х — 1890-е гг.). Всё большее число этих образованных людей склонялось к экстремизму, считая, что эффективная мирная работа в рамках существующей политической системы более невозможна¹.

Политический фактор рождения русского революционного террора сегодня признаёт абсолютное большинство тех, кто профессионально занимается изучением политического экстремизма². При этом немногие из них видят историческую неизбежность участия интеллигенции в этом процессе. На наш взгляд, она связана как с историей возникновения и становления данной социальной группы, так и с особенностями той философской картины мира, которая сформировалась в сознании её наиболее ярких, уважаемых, авторитетных представителей.

Показательно, что внутри интеллигенции рубежа XIX—XX веков существовали как минимум три группы, которые совершенно по-разному воспринимали проблемы политического террора.

Представители первой оправдывали необходимость осуществления террористических актов сложной системой политических, исторических, психологических аргументов. В этом плане особенно показательны: «Катехизис революционера» С. Г. Нечаева, брошюра Н. Морозова «Террористическая борьба», изданная за границей в 1880 году, статья П. Н. Ткачёва «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», помещённая в журнале «Набат» в сентябре 1881 года. Благодаря усилиям этих и других участников данной группы была создана полномасштабная система мифов, объясняющих и оправдывающих террор (миф о неизбежности террора в России, миф об особой эффективности террора в России, миф о священном характере террора и т. д.). Эффективность этой системы была столь высока, что уже вскоре представители как столичной, так и провинциальной интеллигенции приняли активное участие не только в дальнейшей теоретической разработке, но и в практической реализации некоторых из этих мифов. Показательно, что важную роль в данной системе играли религиозные мотивы. Внимательное исследование некоторых особенностей рели-

гиозного языка, который использовали террористы-эсеры в начале XX в., позволило М. Пэрри сделать вполне обоснованный, на наш взгляд, вывод о том, что «для террористов религиозный язык служил легитимизирующим приёмом для их деятельности... [а] метафорическая сакрализация террориста была зеркальным отражением сакрализации монарха...»³.

Тесное переплетение религиозного и рационального начал в системе оправдания террора сделали её особенно устойчивой. Нельзя не согласиться с М. Пэрри, когда он утверждает, что «террористы, конечно, составляли самое крайнее крыло русской интеллигенции начала XX века, выражая свою оппозиционность царскому режиму наиболее радикальными средствами. Но “религиозность” террористов имеет много общего с “религиозностью” более широких слоёв интеллигенции»⁴.

Представители второй группы столь же искренне и последовательно отвергали как сам террор, так и любые попытки создать систему его оправдания. В своём желании уничтожить «террористическую заразу» они использовали очень похожие мифологические конструкции, разработка которых является одной из важнейших социальных функций интеллигенции (миф о политической и социальной изоляции сторонников революционного террора в российском обществе, миф об очень низком уровне интеллектуального и духовного развития сторонников террора и т. д.). Однако массовой поддержки со стороны российской интеллигенции «борцы с террором» в конце XIX века так и не получили. Показательно, что идеологическая критика политического терроризма в этот период чаще всего осуществлялась представителями административно-полицейских органов, которые вели реальную практическую борьбу с политическим экстремизмом⁵.

Третья группа представителей интеллигенции не имела однозначно выраженной позиции по отношению к террору и неоднократно меняла свои оценки в зависимости от особенностей политической или социальной конъюнктуры. Именно эта группа оказалась самой многочисленной в России на рубеже веков. Её представители в силу самых разных причин и обстоятельств отказывались однозначно осудить террор, но при этом отказывались и от поддержки действий тех государственных структур, что вели борьбу с террором. Об этом очень ярко и образно писал

Н. П. Карабчевский: «...когда я мысленно сопоставлял Гатчинскую процедуру репрессии, с одной стороны, и работу тайного революционного трибунала, с другой, толкавшего зелёную юность на кровавые дела, я не мог стать ни на одну сторону, — и то и другое мне одинаково претило. В этом заключался трагизм моего самочувствия»⁶.

Отсутствие прямого осуждения террористов со стороны части интеллигенции трактовалось некоторыми государственными деятелями, журналистами, служителями церкви как некая симпатия к ним, что провоцировало дальнейшую радикализацию позиций.

Показательно, что в этой ситуации произошло сближение позиций либеральной и революционной интеллигенции, которое привело к возникновению «Партии народного права». Партия просуществовала совсем недолго и однозначно определить своё отношение к вопросу о революционном терроре оказалась неспособна. Конфликт между свойственным политикам прагматичным подходом и нормами религиозной морали разрешить в рамках этой партии не удалось. Не смогли этого сделать и члены «Союза освобождения», созданного в 1903 году. Как вспоминала позже А. В. Тыркова: «“Освобожденцы” террором не занимались, но и морального осуждения этому способу борьбы не выносили»⁷.

В ту же нравственно-политическую ловушку в начале XX века попала и партия кадетов. Многие видные её члены неоднократно и критически отзывались об отдельных террористических актах, происходивших как в России, так и за её пределами. Но большинство членов партии поддержали позицию тех партийных функционеров, кто утверждал, что публичное осуждение революционного террора в условиях ожесточённого противостояния с самодержавием не может быть оправдано ни с политической, ни с нравственной точки зрения. Политика правящей политической элиты признавалась лидерами кадетов первопричиной всех проблем в развитии российского государства, в том числе и проблемы террора. Именно поэтому кадетское большинство настаивало на принципиальном изменении этой политики как главном условии прекращения террора. Согласиться с такой позицией правящая элита не могла. Противостояние приобрело затяжной и очень эмоциональный характер. Оно закончилось победой ультрарадикальных политических партий, которые в

1917 году захватили власть, в том числе с применением методов политического террора.

Важно подчеркнуть, что идеологи этих партий создали ещё более жёсткую систему морального оправдания террора. В её основе лежали идеи, высказанные идеологами революционного народничества XIX века и обновлённые уже в начале XX столетия. Важным шагом на пути идеологической модернизации системы оправдания террора стала статья лидера партии эсеров В. М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе», которая была опубликована в седьмом номере «Революционной России». Из контекста статьи следовало, что террор рассматривался им в отличие от землевольческих и народовольческих представлений как средство самозащиты, но не партии от действий полиции, шпионов и т. п., а как способ самообороны общества от произвола властей⁸. В. М. Чернов подчёркивал, что никаких гарантий от произвола власти в России не может дать ни образование, ни происхождение, ни известность. В такой ситуации террористы могли рассматривать себя как народных заступников, как своеобразных гарантов прав российского обывателя. О. В. Будницкий по этому поводу совершенно справедливо замечает, что в таком качестве «их была готова рассматривать не только значительная часть населения рабочих предместий, но и немалое число завсегдаев петербургских гостиных»⁹.

Но ещё более важно, что В. М. Чернов особое внимание уделил нравственному оправданию политического террора. В этой стране, утверждал В. М. Чернов, «согласно нашей нравственности, мы не только имеем нравственное право — нет, более того, мы нравственно обязаны положить на одну чашу весов — всё это море человеческого страдания, а на другую — покой, безопасность, самую жизнь его виновников». Тезис о «вынужденном» характере террора получил широкое распространение не только в официальных документах партий, но и за пределами согласованных партийных текстов.

Один из организаторов партии эсеров Г. А. Гершуни в своей речи на суде заявил, что его партия «только под давлением нестерпимых правительственных насилий над трудовым народом и интеллигенцией нашла себя вынужденной на насилие ответить насилием»¹⁰.

Об отношении социал-демократии к проблемам политического терроризма в начале XX века много размышляли Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов и другие лидеры РСДРП. Они считали, что террору могут сочувствовать только люди, разочаровавшиеся в массовом движении, что террористические акты провоцируют ответный «белый террор», который заметно осложняет так необходимую для рабочих агитационно-пропагандистскую деятельность. В статье «Социал-демократия и терроризм», которую Г. В. Плеханов в 1904 году написал специально для немецких социал-демократов, обращено внимание на то, что европейские социал-демократы, отвергая террор в принципе, нередко очень высоко отзываются о конкретных террористах и террористических актах. Г. В. Плеханов утверждал, что эти люди не знают, что «при русских полицейских условиях деятельность пропагандиста и агитатора требует гораздо больше самоотвержения, чем самый смелый аттентат». Однако в ходе первой российской революции взгляды многих вождей русской социал-демократии претерпели существенные изменения.

Показательно, что столь же неоднозначным было отношение к террору и в среде внепартийной российской интеллигенции начала XX века. При наличии сильной гуманистической составляющей в системе духовных ценностей отечественной интеллигенции в реальной повседневной поведенческой практике идеи гуманизма и осуждения насилия не получили господствующих позиций. Скорее наоборот, они оказались рудиментом системы, который фиксировал некогда провозглашённые кем-то цели, так и оставшиеся в итоге нереализованными в практике реального существования.

А. Блок в своей знаменитой статье «Интеллигенция и революция», говоря о ценностях интеллигента, заметил: «Его ценности невещественны. Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменьше, знание, методы, навыки, таланты — имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемейны, бесчинны, нищи, — что же нам терять?»¹¹ Социальная маргинальность интеллигенции (особенно ярко проявлявшаяся в периоды революционных потрясений) существенно сокращала перечень недопустимых для неё методов политической борьбы. Одним из первых этот круг покинул политический террор. В. Г. Короленко вспо-

минал, что когда он рассказал Л. Н. Толстому об убийстве Д. С. Сипягина, тот якобы сказал: «Как будто и есть за что осудить террористов. Ну, вы мои взгляды знаете. И всё-таки не могу не сказать: это целесообразно»¹².

С. Н. Булгаков в своей знаменитой статье «Героизм и подвижничество», размышляя о религиозной природе русской интеллигенции, констатировал: «С максимализмом целей связан и максимализм средств, так прискорбно проявившийся в последние годы. В этой неразборчивости средств, в этом героическом “всё позволено” (предуказанном Достоевским еще в “Преступлении и наказании” и в “Бесах”) сказывается в наибольшей степени человекобожеская природа интеллигентского героизма, присущее ему самообожение, поставление себя вместо Бога, вместо Провидения, и не только в целях и планах, но и путях и средствах осуществления... И те горькие разочарования, которые многие пережили в революции, та неизгладимая из памяти картина своеволия, экспроприаторства, массового террора, всё это явилось не случайно, но было раскрытием тех духовных потенций, которые необходимо таятся в психологии самообожения»¹³.

Германский историк М. Хилдермейер очень точно отметил, что в эсеровских декларациях террористические акты получали дополнительное оправдание именно при помощи моральных и этических аргументов. «Это демонстрировало примечательный иррационализм и почти псевдо-религиозное преклонение перед “героями-мстителями”... Убийства объяснялись не политическими причинами, а “ненавистью”, “духом самопожертвования” и “чувством чести”. Использование бомб провозглашалось “святым делом”. На террористов распространялась особая аура, ставившая их выше обычных членов партии, как их удачно называет М. Хилдермейер, “гражданских членов партии”»¹⁴.

Линия поведения интеллигенции в российской провинции, где проблема политического террора воспринималась несколько иначе, чем в самых крупных городах Российской империи, и на её национальных окраинах была менее ярко выражена. Для многих российских провинциалов политический террор был «кошмаром столиц», то есть страшным, но абсолютно далёким явлением современной политической истории России. Его осуждение или поддержка носили во многом формальный характер.

При этом позиция представителей провинциальной интеллигенции по отношению к террору могла в течение короткого исторического срока неоднократно меняться под воздействием очень широкого спектра факторов. Среди самых «весомых» из них можно назвать: позицию местной «администрации» (в самом широком смысле этого слова), позицию столичных средств массовой информации, степень остроты социальных противоречий в регионе и т. д.

К числу самых масштабных террористических актов начала XX века, вызвавших наиболее заметную реакцию в среде российской интеллигенции, можно отнести: убийство министра просвещения Н. П. Боголепова (1901 г.), убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина (1902 г.), убийство губернатора Н. М. Богдановича (1903 г.), убийство министра внутренних дел В. К. Плеве (1904 г.), убийство великого князя Сергея Александровича (1905 г.). Уже первое из этих убийств, совершённое П. В. Карповичем, по признанию историков, «было сочувственно встречено либеральным обществом, оппозиционно и революционно настроенным студенчеством»¹⁵. После казни другого террориста — С. В. Балмашева — по многим университетам России распространялись следующие стихи: «Ночью товарищ погиб, жить ему стало невмочь. Труп его свежий зарыт в ту же зловещую ночь. С другом надёжным сойдишь, острый клинок отточил. Нужно не плакать, а мстить, мстить за погибших в ночи»¹⁶. Мотив мщения за погибших товарищей, павших в неравной схватке с самодержавием, вновь стал одним из главных элементов системы оправдания террора, использованной представителями радикальной интеллигенции.

Еще один террорист — И. П. Каляев, обращаясь к своим товарищам по борьбе, уже после вынесения смертного приговора писал: «Пусть мой революционный акт представится вам как выражение моей пламенной любви к народу и моего глубокого уважения к вам. Примите моё дело как дань моей глубокой привязанности к нашей Партии, которая является достойной продолжательницей Народной Воли»¹⁷. Письмо И. П. Каляева «на другой день после его осуждения на смерть» усилиями партии эсеров получило широкое распространение не только в российской столице, но и далеко за её пределами.

Однако самое большое впечатление на власть и общество, безусловно, произвело убийство В. К. Плеве. Выступая на суде, убийца Е. С. Созонов заявил: «Я убил Плеве за то, что он прибежал к насилию. Партия приговорила его к смерти за то, что, став министром внутренних дел, он залил кровью русскую землю, приказывая расстреливать рабочих, и не наказывал губернаторов, так поступавших, за то, что он подвергал личность русского гражданина и членов партии величайшим унижениям»¹⁸.

Позиция социал-демократов в связи с убийством В. К. Плеве была изложена в многочисленных публикациях газеты «Искра», которые перепечатывались в качестве самостоятельных листовок и получили широкое распространение в крупных городах империи. В одной из таких листовок было сказано: «Он был “государственным деятелем”, как это слово понимает современное буржуазное общество. Это значит — он безнаказанно убивал из-за угла своего министерского кабинета: ограждённый дорого стоившей народу охраной, он беспощадно попирали чужие права и губил многие жизни. Теперь он убит метко пущенной бомбой и найдутся филистеры, которые будут кричать о безнравственности убийства, о жестокости мести. Но какая месть над личностью Плеве могла бы, например, отплатить за апрельские дни в Кишинёве? В недавно закончившемся Кенигсбергском процессе немецкий прокурор ставил в вину “Искре”, а в лице её всей российской социал-демократии, что она, отрицая террор по соображениям “политической целесообразности”, не выражает какого-либо “нравственного возмущения” по поводу террористических актов. Немецкой прокуратуре не дожидаться того времени, когда российская социал-демократия возвысится до той морали, которая способна возмущаться убийством одного министра и набрасывать покров “государственной необходимости” на массовые убийства, совершённые по приказу того же министра»¹⁹. «Радость по поводу его убийства была всеобщей»²⁰, — вспоминал лидер российских либералов П. Н. Милюков.

Известный адвокат Н. П. Карабчевский в своих воспоминаниях так описывал реакцию людей, когда узнавали, что вместе с ними едет отец убийцы В. К. Плеве: «...скоро весь поезд узнал, что с ним едет “отец Егора Созонова”. И вот как он сам рассказывал о дальнейших впечатлениях: — Думал до Питера благопо-

лучно доеду... не пришлось. В вагон стала публика заходить... посмотрят, постоят и уйдут. Потом и заговаривать стали. Поздравляют, руки пожимают... вы, говорят, стало быть, отец! Я просто диву дался, думал, сквозь землю надо провалиться и вдруг... какой-то офицер с компанией в буфете с бокалом даже подходил; за здоровье, объявляет, ваше пьем... Я просто опасаться стал, не задержали бы на какой-нибудь станции. Ну, нет! Жандармы посматривают вслед, а трогать не трогают...»²¹

Особое место в истории терроризма в России занимает убийство П. А. Столыпина в 1911 году, после которого отношение к террору среди части российской политической и интеллектуальной элиты стало меняться²². А. И. Гучков в речи по поводу убийства П. А. Столыпина, произнесённой им в Государственной Думе третьего созыва, говорил: «Поколение, к которому я принадлежу, родилось под выстрелы Каракозова; в 70—80-х годах кровавая и грозная волна террора прокатилась по России, унося за собою того монарха, которого мы... славословили как Царя-Освободителя. Какую тризну отпраздновал террор над нашей бедной родиной в дни её несчастья и позора! Это у нас у всех в памяти. Террор тогда затормозил и тормозит с тех пор поступательный ход реформы. Террор дал оружие в руки реакционерам. Террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы»²³.

Тот факт, что российская интеллигенция в начале XX века так и не выработала некой единой согласованной позиции по отношению к террору, на наш взгляд, имел очень негативные последствия, как для самой интеллигенции, так и для российского социума и государства. В стране не была сформирована атмосфера тотального морального осуждения террора, что и позволило сторонникам террористических средств ведения политической борьбы вначале нанести очень сильный удар по позициям российского государства, а затем и уничтожить его. Как справедливо заметила Э. Каррер д'Анкосс: «...бесконечные покушения, пока обходившие стороной государя, были чрезвычайно полезны тем, что приучали общество к убийству, притупляли его чувствительность и способность возмущаться. Идея, что власть неизбежно притягивает убийц, постепенно проникала в его сознание, мало-помалу вытесняя представления о священном характере власти...»²⁴

Исторический опыт России начала XX века убедительно свидетельствует о том, что интеллигенцию нельзя заставить единодушно осудить террор. Социальные, психологические, нравственные особенности этой группы населения неизбежно будут препятствовать выработке консолидированной единой позиции. Но при этом в рядах интеллигенции всегда существуют те, чьё мнение будет иметь особое значение для формирования групповой идентичности, для определения границ допустимых морально-политических колебаний. Диалог с этими людьми является обязательным условием стабилизации социума, сокращения разрушительного потенциала террора.

Тема террора не должна быть закрыта для общества. Любая попытка монополизации этой темы, какими бы силами она не предпринималась, неизбежно приводит к её резкой политизации и сокращает пространство, необходимое для диалога в масштабах социума.

Очень важную роль в начале такого диалога должны сыграть те группы интеллигенции, которые менее других связаны с политическими партиями, организациями, движениями, но при этом имеют возможность интенсивного социального общения с различными группами населения. В России начала XX века такой диалог организовать не удалось. Его отсутствие «сыграло на руку» силам, заинтересованным в разрушении российского государства и в итоге добившимся поставленной цели.

Исторический опыт России начала XX века показывает, что проблемы политического терроризма не могут быть решены в короткие исторические сроки, усилиями только политических и государственных структур, без поддержки влиятельных в морально-нравственном плане групп населения.

Примечания

¹ *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894—1917 гг. М., 1997. С. 20.

² *Баранов А. С.* Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX — начала XX в. : дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000. С. 3—20.

- ³ *Пэрри М.* К вопросу о «религиозности» русской интеллигенции: религиозный язык у эсеров-террористов начала XX в. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/08.php.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Татищев С. С.* Революционное движение в России. 1861—1871 гг. СПб., 1881. 310 с.; *Голицын Н. Н.* История социально-революционного движения в России. 1861—1881. СПб., 1887. 189 с. (Гл.10); [*Голицын Н. Н.*] Хроника социалистического движения в России. 1878—1887: офиц. отчет: [пер. с фр.]. М., 1906. 363 с.; *Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. 205 с.; и др.
- ⁶ *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. С. 25.
- ⁷ *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 176.
- ⁸ См.: *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000. С. 135.
- ⁹ Там же. С. 136.
- ¹⁰ Революционная Россия. 1904. 5 мая.
- ¹¹ *Блок А.* Интеллигенция и революция. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/INTREV.HTM>.
- ¹² См.: *Кашников Б. Н.* Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца XIX — начала XX века. URL: http://www.hse.ru/data/2010/05/18/1231879044/Кашников_БН_идея_7.doc.
- ¹³ *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. С. 46.
- ¹⁴ См.: *Будницкий О. В.* Терроризм глазами историка. URL: <http://logic.ru/ru/node/406>.
- ¹⁵ *Леонов М. И.* Террор и русское общество (начало XX в.). URL: <http://www.memo.ru/history/terror/leonow.htm>.
- ¹⁶ Цит. по: *Кошель П. А.* История наказаний в России. М., 1995. С. 288.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 16780. Л. 1.
- ¹⁸ См.: *Кошель П. А.* Указ. соч. С. 294.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 28838. Л. 1.
- ²⁰ *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 236.
- ²¹ Цит. по: «Это я виноват...». М., 2001. С. 88.
- ²² *Сыпченко А. В.* Народные социалисты и террор. URL: <http://www.memo.ru/history/terror/sypchenko.htm>.
- ²³ Цит. по: *Будницкий О. В.* Терроризм глазами историка...
- ²⁴ *Каррер д'Анкокс Э.* Русская беда: эссе о политическом убийстве. М., 2009. С. 309.

А. А. Корнилов

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР ПЕРЕМЕЩЁННЫХ ЛИЦ СТРАН ЕВРОПЫ

Перемещённые лица как исключительный феномен международных отношений появился в результате Второй мировой войны. Советский дипломатический словарь 1985 г. издания по данному вопросу сообщает: «Перемещённые лица — лица, насильно вывезенные в ходе Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования главным образом в качестве дешёвой рабочей силы»¹.

Однако явление «перемещённые лица» включало гораздо более широкий слой участников событий, связанных со Второй мировой войной. Термин «перемещённые лица» (Displaced Persons, DP или по-русски Ди-Пи) в американской и английской политической лексике относился вообще ко всем тем лицам, которые оказались за пределами своей исторической родины в результате боевых действий.

9 ноября 1943 г. президент США Ф. Рузвельт после длительных консультаций с 44 странами-участницами антигитлеровской коалиции торжественно объявил в Белом Доме о создании UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration — ЮНППА — Администрации Объединённых Наций по вопросам помощи и восстановления. Все страны согласились пожертвовать для этой цели 1 % национального дохода, что составило около миллиарда долларов США. Это было первым шагом к созданию ООН — Организации Объединённых Наций, учреждённой на конференции в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г.

© Корнилов А. А., 2011

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного национального исследовательского университета им. Н. И. Лобачевского. region@fmo.unn.ru

План деятельности ЮНРРА, кроме всего прочего, предусматривал помощь возвращению на родину освобождённых военнопленных и узников концлагерей, а также Ди-Пи — перемещённых лиц — иностранцев, насильно вывезенных на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 г. таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона оказалось «репатрироваться», как тогда было принято говорить².

СССР и западные союзники отдавали себе отчёт, что далеко не все иностранцы, оказавшиеся в Ди-Пи лагерях Германии, Австрии и Италии (в других странах Ди-Пи лагерей не было), захотят возвращаться к себе на родину под власть коммунистов. Было официально сказано, что русские или советские подданные, хотя бы они того или не хотят, будут переданы советским властям. Полякам предоставлялось право выбора — возвращаться или не возвращаться на родину³, а про других ничего не было сказано. Вскоре выяснилось, что право выбора распространяется также и на югославов и на балтийцев. Западные союзники с самого начала решили считать советскими гражданами только тех, кто проживал в СССР на 1 сентября 1939 г. Таким образом, западные союзники не считали советскими подданными тех, кто это подданство получил в результате расширения границ СССР по договору с нацистами. Наконец право не возвращаться на родину было признано и за русскими «бесподданными», или «старыми эмигрантами», как их тогда стали называть в отличие от «новых», или «советских», поскольку и они на 1 сентября 1939 г. не проживали в СССР. Не все «бесподданные» были действительно без подданства. Большинство русских эмигрантов в 1930-х гг. приняли то или иное подданство, а примерно половина Российского Зарубежья вообще не была эмигрантами. После конца гражданской войны, оказавшись по месту жительства за границами СССР, русские люди автоматически получали подданство новообразовавшихся государств и считались национальными меньшинствами. Среди последних можно было встретить и коммунистов. Русские национальные мень-

шинства эмигрантами, или вернее — невозвращенцами, стали только в 1945 г., отказавшись от советского подданства.

Поскольку ЮНРПА 30 июня 1947 г. прекращала свою деятельность, Генеральная Ассамблея ООН учредила 15 декабря 1946 г. IRO — International Refugee Organization — Международную организацию по вопросам беженцев. ИРО была создана для опеки и расселения не Ди-Пи, а беженцев, отказавшихся возвращаться на родину по политическим причинам. С 1 июля 1947 г. все Ди-Пи оказались в ведении РСИРО — Подготовительного комитета ИРО. Начались проверки — «скрининги» (screening — просеивание). Необходимо было доказать, что русские Ди-Пи до 1 сентября 1939 г. действительно проживали за пределами СССР, не были «коллаборантами», т. е. не сотрудничали с немцами, не служили в немецких воинских частях и оказались в Германии против своей воли. Проверки были придирчивыми, так как их цель заключалась в сокращении числа опекаемых, и тех, кто не прошёл проверки, переводили на положение немецких беженцев и отправляли в лагеря для немецких беженцев, которые содержались немцами. Условия жизни в немецких лагерях были несравненно хуже, чем в лагерях Ди-Пи, но немцы старались как можно скорее дать беженцам работу, и это облегчало их судьбу. Добавим, что многие невозвращенцы меняли свои настоящие фамилии на мнимые, скрывали свои место рождения и проживания до 1 сентября 1939 г.

В 1947 г. при помощи Подготовительного комитета началось расселение Ди-Пи, вначале в Бельгию на работы в шахтах, а затем и в заморские страны — Австралию, Аргентину, Бразилию, Чили, Канаду и США. Ди-Пи записывались по собственному желанию на выезд в ту или иную страну, а представители этих стран решали, принимать их или не принимать. В 1948 г. президент Г. Трумэн подписал акт о допуске в США до 1950 г. 202 тыс. Ди-Пи вне существовавшей в США квоты для въезда иммигрантов. Потом срок был продлён до 31 декабря 1951 г., и количество виз увеличилось до 341 тыс., не считая 5 тыс. сирот. Выдача виз в США продолжалась до полночи 31 декабря 1951 г., а сам разъезд и ликвидация Ди-Пи лагерей затянулись до марта 1952 г. Оставшиеся в Италии, Австрии или Германии должны были сами искать себе работу, а нетрудоспособных,

больных или стариков ИРО устраивали в старческие дома в тех или других европейских странах⁴.

Очень ёмкую и выразительную характеристику этого перехода — драматического транзита российских Ди-Пи от военной жизни к мирной (послевоенной) — предложила замечательная эмигрантская писательница Ирина Сабурова. В своей книге «О нас» (Мюнхен, 1972) бывшая Ди-Пи писала, что всё сводилось «к очень сложным и совсем немудрёным, немногим вещам: бумажка с печатью — кто есть кто — раз (все равно, какая: какая-нибудь, лишь бы печать была); чего-нибудь поесть (не всё равно, но хоть что-нибудь); где-нибудь переспать (можно и на полу, и на столе); иногда что-нибудь надеть (все равно что, только не военные шинели — мужчинам; женщины шьют из них пальто)... Разрывается не только жизнь, но и связь с прежней, создаются разные пути, и люди, идущие по ним, станут чужими, потому что изменились по-разному». В побеждённых Германии, Австрии, Италии, отчасти во Франции и других странах, оказались тысячи голодных, мятущихся, измученных людей, не желающих ехать на родину, часть из которых потеряла не только прежние ценности, но и веру в саму жизнь, надежду на изменение к лучшему.

Несмотря на бурный транзит беженцев, термин «перемещённые лица» прочно закрепился за всеми теми, кто проживал в лагерях Ди-Пи в период с 1945 г. по начало 1950-х гг. В этих лагерях, раскинувшихся по территории Германии, Австрии, Италии, нашли приют и убежище десятки тысяч россиян, не желавших возвращаться в СССР. По своему социально-политическому составу это были бывшие советские военнопленные, насильственно угнанные оstarбайтеры (восточные рабочие), военнослужащие вооружённых сил Комитета освобождения народов России (председателем Комитета был бывший советский генерал А. А. Власов), сознательные политические противники советского режима. К данной категории относились также обыкновенные беженцы войны, то есть мирные жители, некомбатанты, бежавшие с семьёй от снарядов, от линии фронта. Безусловно, в лагерях Ди-Пи оказались десятки, если не сотни представителей интеллигенции, причём не только советской, но и дореволюционной, которые совершили переезд из стран Восточной

Европы (Польша, Чехословакия, страны Балтии, Югославия, Румыния, Болгария).

Самым крупным центром сосредоточения российской интеллигенции был баварский лагерь перемещённых лиц Шляйсгайм (или Шлейсгейм), расположенный близ Мюнхена. Если быть точным, то существовало два Шляйсгайма — Большой Шляйсгайм (Фельдмохинг) и Малый Шляйсгайм. В Большом Шляйсгайме, где жили также украинцы-беженцы и калмыки, русских насчитывалось более 2,5 тыс. человек. Шляйсгайм стал крупным и уникальным культурным центром русской эмиграции. Здесь проживали три митрополита, два архиепископа, 22 священника, более 20 профессоров, 140 инженеров, 60 педагогов, десятки врачей, художников, артистов и мн. др. В лагере ежедневно совершались богослужения в Свято-Михайловском храме. Действовали реальная гимназия им. Д. И. Менделеева (более 300 воспитанников), русская начальная школа (120 учеников), детский сад (60 человек). Работали курсы по изучению иностранных языков и по переподготовке. Лагерь был известен своим театром; развивали собственную деятельность юношеские организации соколов и разведчиков. Насельники лагеря могли пользоваться богатой библиотекой, составленной из книжных пожертвований, прежде всего книгами, предоставленными великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым. Дети, молодёжь занимались в балетной и танцевальных школах. В Шляйсгайме устраивались Дни русской культуры, Дни непримиримости⁵.

Широко был отмечен в 1949 г. 150-летний юбилей со дня рождения А. С. Пушкина⁶. Наличие впечатляющей творческой силы русской интеллигенции позволило наладить выпуск печатной продукции. Э. Штейн, автор книги «Русская печать лагерей Ди-Пи», сообщает, что в лагере действовало издательство «Златоуст» (более точное название «Русское зарубежное издательство “Златоуст”»). Оно выпустило в свет такие книги, как: «Звезда в ночи» Е. Гагарина, «Рассказы», «Книжка малышке» М. Варенцова, «Терунешь. Повесть» П. Н. Краснова, «Соблазн зла (Судьбы России)» А. Михайловского, «Избранные стихотворения» А. С. Пушкина, «Что нас ждет? Вопрос о беженцах в Союзе Объединённых Наций» и другие⁷. В лагере издавался

«Бюллетень российского эмигранта». Публиковались «Друг молодежи: общественно-педагогический сборник по вопросам внешкольного воспитания», «Ежедневная радиосводка», «Казачий исторический календарь», «На пикете: аполитический историко-бытовой журнал общеказачьей станицы», «Наши вести», «Новости науки и техники: научно-технический ежемесячный журнал лагерного объединения русских инженеров», «Новый мир: журнал иностранной публицистики, художественной литературы и юмора» и целый ряд других⁸.

В фондах Библиотеки «Русское Зарубежье» (Дом Русского Зарубежья имени А. И. Солженицына в Москве) отложились и сохранились некоторые печатные издания лагеря Шляйсгайм, в частности, «Информационный бюллетень Русского эмигрантского лагеря в Шлейсгайме». Бюллетень издавался Николаем Николаевичем Чухновым⁹, жившим в лагерном бараке № 47/2.

Информационный бюллетень сообщал о различных культурно-просветительских мероприятиях лагеря, устраиваемых интеллигенцией. Например, в лагере был развит «Устный альманах» — своеобразная форма чтения лекций и докладов лагерной интеллигенции. 30 августа 1947 г., сообщал «Информационный бюллетень», в лагере Шляйсгайм состоялось чтение Альманаха № 2. Б. Н. Сергеевский¹⁰ в увлекательной форме поделился своими воспоминаниями о гражданской войне. Поэт И. В. Елагин¹¹ прочел удачную пародию на Маяковского. На слушателей произвели впечатление «Записки старого кавалериста» в чтении автора — Д. С. Франка. Затем состоялся доклад начальника Русского лагеря (в том же Шляйсгайме или Фельдмохинге, напомним, находился также Украинский лагерь, там жили и донские калмыки) А. И. Никитина «На современные темы». Последний информировал жителей лагеря о том, как развивается процесс переселения эмигрантов в заокеанские страны¹². Двумя днями раньше в художественной студии лагеря была открыта выставка картин художника Михаила Черкашенинова по случаю 35-летия его творчества. Было выставлено около 70 полотен и картин¹³. 31 августа в лагерном театре состоялся очередной бесплатный концерт для рабочих. Как сообщал бюллетень, в концерте приняли участие «популярная певица В. Круглей», были показаны танцы А. Кристи и ее партнёра

Г. Константинова. Пела «прекрасная певица госпожа Мухина». Пел хор «Украина» под руководством профессора Нестора. «Соната для виолончели — Бревал была мастерски сыграна Е. Раневским, а И. Уманцев (бас) прекрасно спел и арию Виеско, и романс Глинки, и “Вдоль по Питерской”. Любимец публики Платон Боярский был прекрасным конферансье»¹⁴.

В следующем 1948 г. в лагере, кроме вышеназванной деятельности, активно работала музыкальная школа, действовал литературный клуб. Развернул свою работу лагерный театр. Например, июньский репертуар включал гастрольи театра «Прометей» под управлением В. И. Бастунова. «Прометей» показывал комедию А. Н. Островского «На бойком месте». За гастрольями 18 июня было интернациональное варьете, 20 июня — украинское варьете, 21 июня — концерт оперной певицы Ольги Луко¹⁵. В октябре 1948 г. в Шляйсгайм по приглашению литературного клуба приезжала писательница Нина Берберова. С её участием состоялись тематические вечера «Русская литература в эмиграции за 25 лет», «Владислав Ходасевич и его поэзия», «Собственные произведения»¹⁶. Активную издательскую деятельность вёл выдающийся священник, протоиерей Евгений Лызлов. Он издавал сказки и рассказы для детей, учебники для школ русских лагерей Ди-Пи, а также сводку новостей на каждый день¹⁷.

Как уже говорилось, Шляйсгайм располагался рядом с Мюнхеном (теперь его территория является частью баварского города Мюнхен). Именно там, в Мюнхене сложился своеобразный и влиятельный центр антикоммунистической деятельности второй послевоенной эмиграции. Идеологическую «головку» этой антикоммунистической и подрывной против СССР работы (как тогда у нас говорили) составили, конечно, интеллигенты, политические лидеры. Они создали Русскую библиотеку в Мюнхене, Институт по изучению истории и культуры СССР, который очень скоро под влиянием американских политических спонсоров превратился в зависимый от Вашингтона пропагандистский и научный центр. Политическая оппозиция, сосредоточившаяся в Мюнхене и близлежащих лагерях, создала организацию Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), учредительный съезд которой прошёл в лагере Шляйсгайм¹⁸. Первым председателем СБОНР был Н. А. Троицкий — совет-

ский архитектор, прошедший сталинские лагеря, войну и немецкий плен. Он выступал с позиций власовского Манифеста 1944 г., с идеей построить новую Россию без большевиков и эксплуататоров¹⁹. Не менее активно, чем СБОНР, проявила себя антисоветская организация НТС, в рядах которой состояли видные представители эмигрантской интеллигенции.

Деятели НТС стояли за созданием лагеря Ди-Пи Менхегоф. Здесь сложился очень влиятельный центр Народно-трудового союза²⁰. Тем не менее, в этом лагере велась не только политическая работа, но и развивалась культурно-просветительская деятельность.

Основателем лагеря был инженер-строитель, выпускник кадетского в югославской Белой Церкви корпуса, активист НТС К. В. Болдырев. Первым начальником лагеря Менхегоф стал И. И. Виноградов. Затем начальниками были В. А. Коссовский (полная фамилия Абданк-Коссовский. 1918—1994), Е. И. Гаранин, А. Цвикевич, Г. И. Попов (до ликвидации лагеря Фюрстенвальд был там начальником), И. Д. Копцевич и последним в списке — Г. И. Лукашевич.

В Менхегофе проживало много интересных и значимых для российской культуры людей. Одним из таких был стройный кавказского типа человек Е. Г. Булюбаш (1873—1967). Про него говорили, что он был не кавказцем, а чистокровным турком. Его как сироту во время Балканской войны усыновили в 1878 г. русские воины. Он стал сыном полка, окончил Николаевскую академию Генерального штаба и дослужился до генерал-майора. Заметным жителем Менхегофа был член НТС профессор Д. Н. Вергун (1871—1951), родившийся в небольшом городке около Львова, известный журналист и общественный деятель, глава (староста) Союза Русского Сокольства за границей в 1923—1930 гг. Еще одним известным менхегофцем был философ С. А. Левицкий (1908—1983), один из идеологов НТС, последователь Н. О. Лосского, автор изданного «Посевом» в 1946 г. труда «Основы органического мировоззрения»²¹.

В Менхегофе школьное дело было передано в ведение КПО — Культурно-просветительного отдела, начальником которого назначили Е. Р. Романова (настоящая фамилия Остров-

ский), также члена НТС. В преподавателях недостатка не было, но сказывалось полное отсутствие учебников.

Лагерная администрация имела один ротатор и несколько русских пишущих машинок, хотя отсутствовали восковки. Их можно было достать по твёрдым ценам в Касселе, но чтобы торговец их продал, надо было сделать ему маленький подарок — папиросы или консервы. После этого восковки были куплены и начал выходить радио-бюллетень «Новости дня». Он печатался на ротаторе в количестве 500 экземпляров и стоил 20 пфеннигов — твёрдая цена, установленная для немецких газет. Редактором был назначен А. С. Светов (настоящая фамилия Парфёнов. 1895—1961). Новости принимались тем же самым радиоприёмником, которым пользовались Р. В. Полчанинов с инженером И. А. Николаюком, когда выпускали в лагере Нидерзахсверфен «Лагерную информацию». Записывались новости по очереди членами НТС. 11 ноября 1945 г. вышел первый номер «Посева», отпечатанного на том же ротаторе. На ротаторе же печатались и первые книги издательства «Посев».

Начальная школа, основанная Р. В. Полчаниновым в Берге и продолжавшая работать в лагерях Нидерзахсверфен и Менхегоф, нуждалась в букварях. Учителем из Польши Ф. Г. Клезовичем был составлен «Букварь». Трудность заключалась в том, что для учеников I класса нельзя было использовать пишущую машинку, а всё требовалось вырисовывать на восковках. С этой нелёгкой работой всё же справилась жена Полчанинова — Валентина Петровна, которая вырисовывала не только печатные и писанные буквы, но и снабдила букварь соответствующими картинками. «Первая книга после букваря» была тоже работы В. П. Полчаниновой, а хрестоматия для старших классов — уже напечатана на пишущей машинке²².

Гимназия в Менхегофе была укомплектована квалифицированными преподавателями-эмигрантами двух «волн». Закон Божий преподавал о. Митрофан Зноско (впоследствии — епископ Бостонский Русской зарубежной церкви), историю России — Б. Т. Кирюшин (он же готовил и учебники истории), всеобщую историю — профессор Н. И. Осипов (настоящая фамилия Поляков), которого заменил В. П. Комаров, русский язык —

А. И. Цыбрук, В. Г. Каменева и профессор Р. Н. Редлих, преподававший также и русскую литературу, английский — Т. И. Рубисова, А. Н. Кучерова и С. А. Левицкий, немецкий — В. Никольская, латинский — о. Михаил Помазанский, а после его отъезда в Мюнхен — П. Ф. Андрейчук, который одновременно преподавал и пение, физику — Е. В. Ветлугин и В. А. Миронов, химию Ю. О. Дункель и др., математику — А. Р. Николаев и И. В. Халафова, географию и астрономию — профессор В. Смирнов, естествознание — С. А. Соколов, законоведение, философию и пропедевтику — доцент А. Н. Артемов, гимнастику — Н. В. Дашкевич. Преподаватели часто менялись. Всего в гимназии перебивало 30—35 преподавателей, многие из них имели научные степени.

Выпуск старших матурантов состоялся уже весной 1946 г., а младших 31 марта 1947 г., одновременно с закрытием гимназии в связи с очередной проверкой жителей, после которой многие преподаватели были лишены статуса Ди-Пи и отправлены в немецкие беженские лагеря. Получив аттестаты, матуранты продолжали своё образование в Марбургском университете (земля Гессен)²³.

Впечатляющей, яркой была и театральная жизнь Менхегофа: творчески работали драматическая и эстрадная группы. Из приезжих певцов выступал на менхегофской сцене уже сильно постаревший эстрадный певец баритон Юрий Морфесси, снискавший себе известность ещё в дореволюционной России. В жизни лагеря принимали участие и российские писатели. С чтением своих произведений выступали писатель С. С. Максимов (он же Широков, он же Тропинин, настоящая фамилия Пасхин. 1916—1967), Б. А. Филиппов (настоящая фамилия Филистинский. 1905—1991), историк Н. И. Ульянов, юморист Ксаверий Ухарский (настоящая фамилия Кратчингер) — единственный из православной интеллигенции, кто перешёл в баптизм. Популярны были доклады С. П. Рождественского (1903—1992), который, получая американские газеты и журналы, делал обзор событий, поддерживал дух лагерников и всегда заканчивал свои выступления словами: «Верую Господи, помоги моему неверию». Протоиерей о. Михаил Помазанский

читал лекции на религиозные темы, а на медицинские — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор Малинин²⁴. Добавим, что в Менхехгофе собралась большая группа художников: иконописцы, скульпторы, живописцы, декораторы, карикатуристы.

Квалифицированные преподаватели работали и в других лагерях Германии и Австрии. В Регенсбургской реальной гимназии первым директором был генерал А. Г. Попов, прежде — директор кадетского корпуса в Югославии. Он преподавал историю. Географию и природоведение вёл также «русский белградец» С. Н. Боголюбов. Впоследствии он внёс большой вклад в развитие русских православных приходских школ Русской зарубежной церкви в США. Английский язык преподавала Е. А. Корнилова, родственница генерала Корнилова, немецкий язык, алгебру и черчение — Э. Ю. Терских. Инженер С. А. Стариков вёл геометрию²⁵. Вышеперечисленные факты, конечно, не исключают золотого правила, согласно которому в учебных заведениях могут преподавать прекрасные специалисты и неудачные педагоги, великолепные педагоги-методисты и слабые знатоки дела и, наконец, преподаватели, благоприятно сочетающие в себе и те и другие качества.

Лагерь перемещённых лиц Парш (в окрестностях австрийского города Зальцбург) возник во второй половине 1945 г. Он известен тем, что там жил, наряду с другими интеллектуалами, оратор, публицист, выдающийся идеолог монархизма Н. Д. Тальберг, который к моменту приезда в Зальцбург уже преодолел довольно тернистый путь, характерный для российского беженца революции и Второй мировой войны. В лагере Парш у Тальберга резко проявилась черта воспитателя и учителя, при том что ему в 1946 г. исполнилось 60 лет — довольно солидный возраст. В сравнительно небольшом австрийском лагере Н. Д. Тальберг совершал большое дело. Будучи директором гимназии он не только обеспечивал среднее образование, но и национальное православное воспитание молодёжи, которой предстояло отправиться в скором времени в дальние страны Западного полушария. Они учились оставаться русскими людьми²⁶. Таким

образом, национальное воспитание в лагере Парш, как и в других лагерях Ди-Пи, было делом необычайной важности.

Лагерь Келлерберг сосредоточил военную интеллигенцию дореволюционной России. В нём проживало примерно 1,5 тыс. военнослужащих Русского Корпуса, воевавших против партизан Тито в Югославии²⁷. Это были офицеры императорской российской, а затем Белой армии, участники Гражданской войны, эмигрировавшие в Югославию. Среди военнослужащих корпуса были не только боевые офицеры различных чинов, но и штабные офицеры, внёсшие в свое время значительный вклад в развитие российского стратегического и оперативного военного искусства²⁸. Уехав из Австрии в другие страны, прежде всего в США, офицеры Русского Корпуса преподавали в военных учебных заведениях стран НАТО и государств Южной Америки.

В Италии о судьбах России размышлял, о России-мечте думал писатель Борис Ширяев. Там, в Италии, будучи перемещённым лицом, Б. Ширяев написал «Неугасимую лампаду» — духовный роман о собственных страданиях в соловецких лагерях. Но там же, в Италии, он зафиксировал бесценные для истории факты деятельности «старой» и «новой» (послевоенной) эмиграции. Свои яркие впечатления он отразил в книге «Ди-Пи в Италии», вышедшей в Буэнос-Айресе в 1952 г., в издательстве «Наша страна».

В средиземноморской Италии после войны оказались десятки представителей российской интеллигенции. Сложилось несколько центров сосредоточения интеллектуалов, прежде всего в лагерях Ди-Пи, но самым выпуклым выражением их творческой деятельности стало Русское собрание в Риме. Русская колония в Риме во второй половине 1940-х гг. была одна из самых аристократических. Численностью не более 100 семейств, «старая» эмиграция была представлена именитыми дворянскими фамилиями: Оболенские, Волконские, Щербаковы, Куракины, Голицыны. Но послевоенные беженцы внесли свежую струю в эмигрантское сообщество Вечного города, связав в единый узел нити российской жизни. Б. Ширяев по этому поводу оставил совершенно патриотические рассуждения:

«Узла этих нитей не распутает ни один генетик. Самый мудрый из них, самый учёный не рассмотрит при помощи самого сильного микроскопа, где свивается яркая тонкая нить буйного Запорожья с крепким суровьём Муромских лесов, где Псковская льняная пряжа переплетена и крепко связана с нежными шелками Закавказья. Подлинный родовой аристократизм неизбежно национален и народен.

Народно-национальное единство неминуемо порождает общий, понятный для всех его социальных ветвей язык. Так, в стенах Русского собрания в Риме, в мирке легенд о великом прошлом России, создался общий язык и глубокое взаимное понимание между старейшими из “старых” и новейшими из “новых” российских изгоев. Не так ли родилось и жило в сердце своего века братство Рюриковича князя Пожарского и нижегородского мясника Козьмы Минина? Легенда, пышно зацветшая в смутные годы на берегу Волги, смятая и растоптанная новым безвременьем, вновь ожила малым, но ярким цветком на берегу Тибра. Так думал я в старом доме Антонио Кановы, глядя как князь С. Г. Романовский пожимал руку недавнему еще красноармейцу Володе-певцу из племени российских беспризорников»²⁹.

Русское собрание в Риме жило импульсивной, активной жизнью в те непростые 1940-е гг. На эстраде Собрания устраивались концерты, на которых исполнялись мелодии Мусоргского и Бородина, сплетаясь с мотивами песен, принесенных из советского периода. Еженедельно читались доклады на актуальные темы русской истории. Появился литературный кружок³⁰. В 1946 г. в Риме стал выходить журнал «Русский клич». Инициаторами, создателями, организаторами, типографами и одновременно экспедиторами журнала стали «старые» эмигранты А. Н. Саков (секретарь Русского собрания) и Н. Э. Вуич. В работе приняли участие Б. Ширяев, В. Рудинский. Единственный в Италии русский журнал был монархичен по своей политической направленности. По словам Б. Ширяева, «вся масса нахлынувших в Рим и Италию беженцев была полностью монархична». Так или иначе, но журнал выходил под флагом поддержки Великого князя Владимира Кирилловича Романова³¹.

Созидая Россию-мечту, Б. Ширяев писал о двух Россиях, силился, пытался понять, почему произошла катастрофа 1917 го-

да, почему под благими идеями большевиков творились массовые беззакония, почему не могут порой понять друг друга «старая» и «новая» эмиграции. На упрёк белогвардейского полковника, что «новые» не так тоскуют по России, как первая волна, Б. Ширяев отвечает: «Дело-то в том, полковник, что вы увезли с Графской пристани память о лучших годах вашей жизни, а мы сквозь все наши проволочные заграждения — память о муке, страдании, нищете, тесноте, унижениях тащили. Мы эту память волокли, а она нас под зад толкала. Для вас Европа разом стала минусом, а для нас даже вот эта мусорная куча ирвовская (имеется в виду ИРО-ИРО — Международная организация по вопросам беженцев. — *А. К.*) всё-таки плюсом». Когда же полковник вопрошал: «Ну, а кто ж её, революцию, сделал?», Б. Ширяев уверенно ответил: «Мы, господин полковник, мы с вами, интеллигенты российские, во всем нашем многоличии и многообразии. Мы»³².

Российская интеллигенция в мире перемещённых лиц проявила себя во всём своем многообразии, повторяя слова Б. Ширяева. Лучшие её представители сумели сотням беженцев предложить 1) политическую мысль, альтернативную советскому строю в СССР, 2) систему обучения, просвещения и национального воспитания, 3) яркие художественные мероприятия, 4) издательскую деятельность, 5) новую литературу и искусство как результат военных страданий.

Российская интеллигенция оказалась способной подготовить детей и молодежь лагерей к тому, чтобы не просто выжить в инокультурной среде, не только успешно адаптироваться к чужому обществу, но и интегрироваться в другое государство, другое общество, занять там прочные позиции в экономике, науке, культуре и политике. При этом бывшие жители лагерей сохранили и воспроизвели в США, Канаде, Аргентине, Австралии, Марокко и других странах российский, преимущественно русский православный, образ жизни.

История влияния российской интеллигенции периода послевоенной эмиграции на принимающее общество ещё не систематизирована. При составлении такой истории неизбежно возникают проблемы поиска, отбора, классификации и критического анализа документальных материалов. В то же время уже сейчас появились серьёзные и ценные в историческом плане

справочные издания, посвящённые достижениям русских эмигрантов в Северной Америке, православному духовенству лагерей Ди-Пи. Опубликован ряд воспоминаний эмигрантов, некогда живших или учившихся в лагерях перемещённых лиц. В то же время следует уже сегодня признать период Ди-Пи несомненно важным этапом на пути консолидации российской эмиграции и становления российской интеллигенции в зарубежье.

Примечания

¹ Дипломатический словарь : в 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 355—356.

² Об этом пишет известный деятель русской эмиграции, видный деятель НТС, историк Русского Зарубежья, глубоко изучавший вопрос и сам живший в лагерях Ди-Пи в Германии Ростислав Владимирович Полчанинов в издании: За свободную Россию. 2005. № 29 (58). Февраль. С. 1 (ссылаясь на Encyclopedia Britannica. 1960. Vol. 19. P. 59). По данным крупнейшей в эмиграции антисоветской политической организации СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России), число перемещённых лиц к моменту окончания войны достигло 12 млн человек.

³ Там же. С. 2. См. также: S.H.A.E.F. Parachute Edition. 1945. № 27. May 11. The Daily Organ of Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force. Листок на четырёх языках: английском, французском, польском и немецком. В немецком тексте было сказано: «Das Oberkommando gibt folgende Spezialanweisungen für alle russischen Staatsangehörigen: Alle Russen, die sich in dem vom Oberkommando kontrollierten Gebieten befinden, werden so schnell wie möglich zu den russischen Behörden gebracht werden. <...> Befreite Polen, die sich in den Gebieten Deutschlands befinden, die vom Alliierten Oberkommando kontrolliert werden haben Gelegenheit, ihre Wünsche zu aussern, ob sie nach Polen zurückkehren wollen oder nicht. Jeder Fall wird individuel behandelt werden». Это же было сказано и по-французски, только вместо «русские подданные» было написано «советские подданные». Польский текст о праве выбора для поляков был подписан генералом Д. Эйзенхауэром, а русские в польском тексте не упоминались. По-английски ни про русских ни про поляков ничего не было сказано.

⁴ Полчанинов Р. В. От UNRRA до IRO // За свободную Россию : сообщения местной организации НТС на востоке США. 2005. № 29 (58). Февраль. С. 2.

⁵ См.: Десятилетие прихода «Всех Скорбящих Радость» в Филадельфии. Филадельфия, 1961. С. 15.

⁶ Там же.

⁷ Штейн Э. Русская печать лагеря «Ди-Пи». Antiquary, 1993.

⁸ Там же.

В лагере часто бывал Георгий Митрофанович Моисеев, редактор военно-политического обзора «Белый листок» в Канаде, полковник Всевеликого войска Донского, представитель первой эмиграции. Он вспоминал: «Шлейсгейм отлично знаю, сам проводил там много времени... там мы часто встречались для работы с молодёжью. ... В Шлейсгейме (около 3 тысяч жителей одно время), были русские школы, был театр, устраивались концерты, лекции, доклады. Культурный уровень был высокого качества. Большинство дипиошек было из Югославии. Бывали выборы в администрацию, были летучки, выступления. Всё, как “у взрослых”. Потом американцы спохватились, что эти дипиошки совсем не простая масса остарбайтеров, высококвалифицированная прослойка интеллигентов. Академики, инженеры, профессура, врачи, научные работники. Иногда я оставался в лагере с друзьями на ночь — брал под вечер гармонь, одевал казачий мундир, и мы всей ватагой ходили по лагерю и пели все военные песни, начиная с “Одинокой гармонии”, Болгарии, “За далекой, за нарвской заставой” и другие, “Соловьи”, “Тёмная ночь” и т. д.». (Письмо Г. М. Моисеева А. А. Корнилову от 29.01.2002 г.).

⁹ Чухнов Н. Н. (1897—1978) был участником Белого движения на Юге России в чине корнета. В Югославии издавал газету «Наше будущее». По своим взглядам относился к монархистам и участвовал в Русском Зарубежном съезде в Париже (1926). В годы Второй мировой войны воевал в составе русского полка «Варяг» против партизан Тито. С 1949 г. проживал в США, где издавал монархический журнал «Знамя России» (Александров Е. А. Русские в Северной Америке : биограф. словарь / под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден (Коннектикут, США) ; Сан-Франциско (США) ; СПб. (Россия), 2005. С. 560—561.

¹⁰ Сергеевский Б. Н. (1883—1976) также участвовал в рядах Белого движения на Юге России. Полковник Генерального штаба Б. Н. Сергеевский преподавал в эмиграции, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в частности, на Белградском отделении Зарубежных Высших военно-научных курсов систематического изучения военного дела генерала Н. Н. Головина. Директор русской гимназии Белграда с 1943 г. Возобновил преподавание в Шляйсгайме. В

- США с 1951 г. Собрал значительный военно-исторический архив. Автор мемуаров, многочисленных статей и трудов по русской истории (*Александров Е. А.* Указ. соч. С. 457).
- ¹¹ Елагин И. В. (настоящая фамилия Матвеев. 1918—1987) — поэт русской эмиграции. Впервые стал публиковать свои стихи как раз в лагерях перемещённых лиц. В 1950 г. эмигрировал в Нью-Йорк, США. 10 лет работал в газете «Новое русское слово», учился в Колумбийском университете. Защитил докторскую диссертацию при Нью-Йоркском университете. Преподавал русскую литературу в американских университетах. Автор поэтических сборников, подписанных псевдонимом Елагин (*Александров Е. А.* Указ. соч. С. 189).
- ¹² «Устный альманах» № 2 // Информационный бюллетень Русского эмигрантского лагеря в Шлейсгейме. 1947. № 15. 3 сент. Шлейсгейм. Бар. 47/2. С. 1.
- ¹³ Там же. С. 2.
- ¹⁴ Там же. С. 3.
- ¹⁵ Информационный бюллетень. 1948. № 56. 17 июня. С. 5.
- ¹⁶ Там же. № 73. 14 окт. С. 5.
- ¹⁷ *Лызлова-Корэн Н.* Страницы воспоминаний. Стихотворения. Рассказ. Ворминстер (США), 2007. С. 65, 77. О лагерной деятельности о. Евгения см. также: *Корнилов А. А.* Риза светлая : жизнь и служение протоиерея о. Евгения Лызлова : материалы к 50-летию основания храма во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» в г. Филадельфия, США. Н. Новгород, 1998. С. 26—30.
- ¹⁸ Документальная история СБОНР изложена в хрестоматии нижегородских ученых: *Колобов О. А., Корнилов А. А., Лунева И. А.* Проблемы войны и мира в XX веке : нижегородская серия документов по истории международных отношений : хрестоматия. Н. Новгород, 2005. Т. 5. 411 с.
- ¹⁹ Н. А. Троицкий оставил богатое политическое наследие в жанре программных документов, статей, различных идеологических платформ. Квинтэссенцию его взглядов см.: *Троицкий Н. А.* Путь «второй волны» и будущее России // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции : сб. статей и документов. М., 1997. С. 23—55. В этом же сборнике опубликованы ценные, подчас уникальные документы из личного архива Н. А. Троицкого.
- ²⁰ *Полчанинов Р. В.* Основание Ди-Пи лагеря в Менхегофе // За свободную Россию. 2006. № 70. Февраль. С. 3 ; *Поремский В. Д.* Стратегия антибольшевистской эмиграции : избр. ст. 1934—1997 гг. М., 1998. С. 10.

- ²¹ *Полчанинов Р. В.* Менхегоф и соседние лагеря // За свободную Россию. 2006. № 78. Октябрь. С. 3.
- ²² *Полчанинов Р. В.* Менхегофский культпросвет // За свободную Россию. 2006. № 79. Ноябрь. С. 1.
- ²³ Там же. С. 3.
- ²⁴ Там же. С. 3—4.
- ²⁵ *Аристова А. (Терских).* Что сохранила память : воспоминания о жизни в Германии 1945—1949 гг. Б. м., 2001. С. 15, 23, 164.
- ²⁶ *Архимандрит Константин.* Светлый облик Н. Д. Тальберга // Православная Русь. Джорданвилль, штат Нью-Йорк. 1969. № 5. С. 8 ; *Митрофан Зноско, прот.* Памяти Николая Дмитриевича Тальберга (к 10-летию со дня кончины 29 мая 1967 г. — 1977 г.) // Православная Русь. 1977. № 9. С. 10—11 ; *Корнилов А. А.* На реках австрийских. Духовенство лагерей перемещённых лиц Парш и Келлерберг (1945—1952 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 29—34.
- ²⁷ История Русского Корпуса изложена в двух объёмных сборниках: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945 гг. : исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / под ред. *Д. П. Вертепова.* Нью-Йорк, 1963 ; Русский Корпус на Балканах (1941—1945) : сборник воспоминаний и документов / под ред. *Н. Н. Протопопова, И. Б. Иванова.* СПб., 1999. Сб. 2.
- ²⁸ О дальнейшей судьбе корпусных офицеров рассказывает справочник второго выпуска о Русском Корпусе. См. также вышеназванный словарь «Русские в Северной Америке», рукопись А. Навроцкого «Белый лагерь Келлерберг», хранящуюся в архиве Р. В. Полчанинова.
- Добавим здесь и такой малоизвестный факт. В Русском Корпусе (отдельный полк «Варяг») служила Ариадна Ивановна Делианич. Переехав в США, она стала главным редактором сан-францисской газеты «Русская жизнь», объединившей тысячи россиян-эмигрантов в США и Канаде.
- ²⁹ *Ширяев Б.* Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 67—68.
- ³⁰ Там же. С. 70.
- ³¹ Там же. С. 122—124.
- ³² Там же. С. 213—215.

Т. В. Чугунова

АНТИЧНОСТЬ И ТИП ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

В начале XXI века в условиях перманентного реформирования всех сторон жизни российского общества, в том числе образования и воспитания, определения положения интеллигенции в социуме, её самоидентификации, вопрос о выработке идеала, соответствующего современной социокультурной ситуации, продолжает оставаться открытым. Идея либеральной интеллигенции о вхождении России в мировую цивилизацию на деле обернулась отрицанием её самобытной культуры. Внедряется мысль о том, что основой цивилизации является рыночная экономика, частная собственность. Между тем, глубинной тенденцией современного мирового развития является не унификация культур, а их диалог и взаимообогащение. Справедлив в связи с этим тезис И. Абсалямовой о том, что на фоне современных либеральных иллюзий наследие русских мыслителей XIX века приобретает сугубо современное звучание. Особенностью русской интеллигенции XIX — начала XX века, по её мнению, является диалогическое отношение к истории¹. Аналогичный интерес к истории, особенно к древней, античной её составляющей, прослеживался в этот период времени и в Западной Европе². И это не случайно.

Столетие назад, во второй половине XIX — начале XX века, так же как и сегодня, в условиях радикализации общественных настроений, поиска новых взглядов на политическую, социально-экономическую ситуацию в мире, представителями как отечественной, так и западноевропейской интеллигенции всё чаще высказывалась мысль о существовании близкого сход-

© Чугунова Т. В., 2011

Чугунова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Ивановского государственного университета. chugunova1@mail.ru

ства и аналогии в историческом развитии древности и Нового времени, о нерешённости многих жизненных, жгучих вопросов, остающихся таковыми в течение веков, на которые пытались дать ответ, найти пути их посильного решения ещё в Древнем мире³. В качестве ориентира, по их мнению, служили знакомство, диалог с классическим миром, обязательные и ценные для всех, но в первую очередь в воспитании интеллигентной личности⁴. Откуда в таком случае происходило понимание первостепенной важности использования исторического наследия античности в формировании интеллигентского сознания и каковы его типичные черты?

Один из существенных признаков интеллигенции — *характер сознания*. О специфике интеллигентского сознания (об идейном содержании и мировоззрении интеллигенции, о соотношении научного и морально-этического начал) неоднократно писали представители русской религиозной философии — Н. А. Бердяев, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк и др. Опираясь на их творческое наследие, современные учёные обращались к сознанию интеллигенции как основной черте её менталитета⁵. Однако глубинные основы *архетипических черт* исторического сознания интеллигенции оставались вне поля их зрения.

Интеллигенция есть особый социокультурный феномен. Политические и социально-экономические взгляды интеллигенции изменялись от поколения к поколению, но неизменными оставались некоторые специфические черты её менталитета. До сегодняшнего дня в отечественной и зарубежной историографии концепт⁶ «интеллигенция» ускользает от точного определения в силу множества присутствующих в нем смысловых оттенков. Абстрагируясь от выведения формулы интеллигентности и конкретного определения понятия «интеллигент», остановимся вначале на доминирующих значениях концепта «интеллигенция», которые присутствуют в современном культурном сознании⁷.

Интеллигентское мышление и речь определяются субстратом *письменной культуры*. Не случайно в России личностный образец интеллигента получил ещё одно название — «просвещённый читатель». По справедливому замечанию историка русской культуры А. М. Панченко, книга в России уподоблялась иконе; это был духовный авторитет и духовный руководитель.

Соответственно, чтение не сводилось просто к интеллектуальному акту, оно считалось некоей «нравственной обязанностью» и одновременно «нравственной заслугой». Интеллигент — человек умственного труда, начитанный, а тем более пишущий сам, — становился духовным руководителем, всеобщим авторитетом. Вот почему Короленко признавался, что «моим отечеством стала русская литература».

Культура речи, которая вырабатывалась в результате постоянного общения с книгами, была отличительным признаком интеллигентного человека. М. Гаспаров также видит в качестве орудия деятельности русской интеллигенции, прежде всего, литературу⁸. Исследователи отмечают литературоцентризм как концептуальную ориентированность на письменное слово, которая является отличительным признаком русской культуры. Слово и литература в русской культуре, словесность, по мнению Ю. М. Лотмана, В. М. Живова, М. Берга, оказывается альтернативным инструментом самоутверждения социальных групп, присваивающих сакральный статус религиозных текстов⁹.

Интеллигенция, по выражению В. Шкуратова, — это *скриптосообщество*¹⁰, члены которого объединены «заданными правилами» интеллигентской «игры», «гуманитарной научностью», входящими в её ментальность. Этим она отличается от других социальных групп, существующих более «реально»¹¹. Ей свойственно особое восприятие мира, выражающееся в отличном от других групп стиле жизни, общей ориентации культуры и принятой в ней иерархии ценностей, которая либо выражена *explicite*, либо может быть выведена из поведения людей. В интерпретации польской исследовательницы М. Оссовской такая культурная модель поведения носит название «этнос»¹². Аристотель трактовал этос как способ изображения характера человека через стиль его речи и через целенаправленность как основной признак человеческой деятельности. Таким образом, согласно психологу О. И. Даниленко, можно говорить о признании интеллигентности как специфического этоса. Ключевыми понятиями данного этоса являются гуманистические установки, имеющие в качестве центра человеческую личность, а значит и общечеловеческие ценности, а также духовную культуру, её приоритет над материальной, с её поисками истины, добра и

красоты. Интеллигент — это тот, кто посвящает свою жизнь познанию духовной культуры, её созиданию, хранению и распространению. Этим установкам соответствуют такие качества интеллигента, как просвещённость, преимущественно в гуманитарной сфере, высокий интеллект, привычка к умственному труду¹³. Интеллигентский этос неистребим, поскольку у него есть глубинные корни и он необходим для выживания человечества.

Интеллигентское сознание организовано как *сознание ценностное*. И знание в структуре этого сознания тоже функционирует как ценность. Но несмотря на то, что национально-самобытный характер интеллигенции определяется особенностями её исторической памяти и необходимостью «укоренённости (кровной, “самой смертной связью”) интеллигента в национальном духовном поле», общечеловеческое, сакральное ядро культуры, мировые ценности, на наш взгляд, не имеют национальной принадлежности. Ценностные искания позволяют интеллектуальным слоям общества, заглянув в прошлое, выявить и сохранить преемственность традиций и укрепить свою идентичность. И здесь показана необходимость и возможность обращения к историческому материалу, а также продуктивность нарративного подхода, позволяющего на основе анализа продуктов мировой и отечественной письменной культуры реконструировать ментальность социальной общности¹⁴.

Поэтому вполне понятно стремление интеллигенции к инициации смыслового диалога с исторической традицией, классической системой ценностей, кристаллизованной в универсалиях (всеобщих категориях) культурного опыта, — диалога, в форму которого облечено личностное обращение к современникам. В итоге интеллигенция способствует введению в социокультурное целое фигуры личности и появляется возможность задавать текстам «исторические вопросы». В этой ориентации интеллигентского сознания на разумность, нравственность, демократизм и служение Отечеству прослеживается *преемственность качеств интеллигента с лучшими чертами личностного образа эпохи античности*.

Интеллигентом становится тот, кто овладевает сконструированным им самим *дискурсом*. Современный научный подход рассматривает дискурс как важнейшую форму жизненной по-

вседневной практики человека и определяет его как сложное коммуникативное явление, включающее *текст*, а также *экстралингвистические факторы* (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Стремясь дифференцировать понятия «дискурс» и «текст», теория дискурса всегда подчёркивала деятельностный, динамический аспект языка: дискурс отличается от текста тем, что в нем язык функционирует как процесс, учитывающий воздействие экстралингвистических факторов в акте коммуникации, и как результат, представленный в виде фиксированного текста¹⁵. Деятельностный, динамичный аспект дискурса восходит к *античной риторике*, где термин «дискурс» означал «язык, рассматриваемый в действии, в реальном применении»¹⁶. Справедлив в связи с этим тезис академика А. Ф. Лосева о том, что академическое оперирование с источниками мало что дает, а применительно к античности тем более, так как, по его мнению, античность вырастает только на миросозерцательных выводах, на которых восстанавливается целое античное мировоззрение. И если учёный-гуманитарий не имеет никакого мировоззрения и никакого миросозерцательного вывода не делает, это плохой учёный¹⁷. Греки очень любили чистую мысль, но она была для них лишь предварительной абстракцией для того, чтобы с привлечением и всех других сюда относящихся абстракций, в конце концов, получить *логос* или нечто *цельное, общее мировоззрение*¹⁸.

Греческий термин «логос» совершенно в одинаковой степени относится как к *мышлению*, так и к *языку*. Слово у греков всегда оказывалось мыслительно-насыщенным и как бы словесным сгустком мысли. Не случайно до конца XVIII века понятие «интеллигенция» означало совсем не то, что мы сегодня имеем в виду под ним. Оно означало «особое тонкое понимание». Так и сейчас многие определяют английское «intelligence» — как состояние духа, витающего над буквой, понимание целого, а не застревание в частностях¹⁹.

Поэтому еще в начале XX века Вячеслав Иванов предупреждал об опасности того, что язык, находящийся в обиходе образованных слоёв общества, растрчивает исконное своё достояние²⁰. Понятно, в связи с этим, что громко заявившая о себе в общественном движении XIX — начала XX века потреб-

ность в моральном и социальном идеале вылилась в языковую концептуализацию мира, которая, в свою очередь, основывалась на методе критического рассмотрения и оценки историко-философских конструкций прошлого²¹. Не случайно, общественная мысль пореформенной поры исключительно богата дискуссиями о пользе классических языков, отношение к которым характерно разводило «интеллигенцию» и «аристократию», обозначая ими, как и раньше, лишь некие «общечеловеческие» качества²². Однако, несмотря на противоречия в этом споре, «именно антиковедческие увлечения в русской культуре рубежа XIX—XX столетий заложили лексикологическую основу более специализированного употребления слов «гуманистический» и «гуманитарный». «Гуманистами» отныне стали называть, помимо прочего, выпускников классической гимназии (или в арголическом наименовании начала века — «классиков»), имеющих исключительное право поступления в университеты, которые стали центрами, где получала своё научное и культурно-общественное образование интеллигенция²³.

Становление интеллигенции в России во многом обусловлено конвергенцией восточно-христианской и отдельных направлений античной традиции. Как известно, Византия была оплотом христианства и хранительницей античности. Безусловно и то, что процесс освоения греко-римского античного наследия Россией, в отличие от стран Запада, — это бессинтезный вариант. Он сказался в несопоставимо меньшей роли античного наследия в её культуре, испытал лишь опосредованное влияние через Византию и греко-славянский мир. В России происходило большее искажение в результате двойной «корректировки» — византийской и русской — и отсутствия обязательного знания древних языков, что препятствовало самостоятельному изучению текстов. Однако проблема античного наследия, его заимствования и восприятия состоит не только в том, что именно усвоено — факты, конкретные сведения из разных областей знания и т. п., но и какой материал из интенсивного потока текстов, хлынувшего в буквальном смысле на Русь после принятия христианства из Византии²⁴, вошёл в древнерусскую литературу и философию²⁵.

Исследование восточно-христианской духовной традиции показывает, сколь важную роль в ней играли концепты «слово» и «образ». Книжное слово и визуальный образ стали теми субстратами, в которых сохранялись и передавались на уровне эмпирического бытия божественное откровение, священное предание. Рецепция античности в древнерусской культуре была обусловлена спецификой понимания философии как мудрости, а также особенностями трансляции античной культуры. В связи с этим особую значимость для восточно-христианской традиции имеет концепция соборности, которую развивали каппадокийцы. Они рассматривали не индивидуальное «Я», открытое бесконечности всеобщего — Богу, а соборное «Я»²⁶.

В отличие от Западной Европы, где нужды догматики и богословия способствовали развитию аристотелизма, в России, где догматика не развивалась вплоть до XVI века, произведения античных авторов (Аристотеля, Платона, Эпиктета и др.) интересовали лишь очень узкий круг образованных людей, знакомых с ними по греческим подлинникам либо (что более вероятно) по латинским переводам. Это были работы натурфилософского характера, сочинения по практической философии (морали и праву). В результате на Руси складывается особый тип культуры, отличный от византийской и западноевропейской — обращённый внутрь себя, более склонный к интуитивному, «сердечному», образному познанию, нежели к интеллектуальному, заформализованному²⁷.

Таким образом, античность в русской литературной и философской мысли существовала с давних времен. И есть мнение (А. Ф. Лосев), что её бытование у нас определялось направлениями, которые были в русской литературе²⁸. Вначале Ломоносов и Тредиаковский касались сущности античного мира. Более живое представление об античности видно у Катенина. Наибольшего значения и веса, как основа истинного знания и духовного прозрения, античность обрела в период развития культуры Серебряного века, а именно в лоне символистского течения во всех видах искусства. Для русской культуры важнее оказалось овладение тем языком, на котором «говорила» европейская цивилизация, а языком этим была античная мифология. Отсутствие цельности и в то же время необычайная ассо-

циативная валентность греческих мифов, их способность складываться в стройные системы делают их идеальным материалом для всякого рода комбинаций²⁹.

А. Белый писал: «И поскольку форма воплощения образа (техника искусств) касается самого образа, составляя как бы его плоть, постольку технические вопросы формы начинают играть первенствующее значение; отсюда связь между символизмом и классическим искусством Греции и Рима. Отсюда же интерес символистов к памятникам античной культуры, воскрешение латинских и греческих поэтов, изучение ритма, стиля и словесной инструментовки мировых гениев литературы»³⁰. Символистам античность представлялась универсальной праосновой культурно-исторического целого, одновременно являясь и темой философского анализа и предметом художественного изображения³¹.

Расцвет античности в глубоко проникновенном духе, с переводом её мировоззрения на язык XX века характерен для творчества символистов — Вяч. Иванова, И. Анненского, Ф. Сологуба. В большей степени с античной культурой связано творчество Вяч. Иванова и Вл. Соловьёва. По мнению современного философа Б. В. Межуева, в центре соловьёвской философии — Софии лежат эллинистические корни (неоплатонические наряду с гностическими и иудаистскими). Среди литераторов и мыслителей XIX века, таких как Ф. Тютчев, Н. Гоголь, И. Киреевский, С. Уваров и И. Тургенев, последний, по выражению Г. С. Кнабе, является наиболее «антично соотнесённым» из всех русских писателей столетия. По мнению антиковеда, он и многие другие русские интеллигенты сохраняли связь высшего порядка с общеевропейской духовностью, с классическим наследием, осуществляя в своём творчестве поиски истины либерализма, основы которого заложены в исходном античном принципе и общем духе целостности и меры³².

К середине — второй половине XIX века оформилась плеяда выдающихся учёных-специалистов, антиковедов, университетских профессоров, среди них: Куторга, Соколов, Зелинский, Ешевский и ряд других. Деятельность целой когорты творческой интеллигенции — замечательных филологов-классиков, переводчиков античных авторов, писателей, поэтов дореволюционного и советского времени и множества привер-

женцев классики, её реципиентов — означала не только любовь к античной культуре, ностальгию по ушедшей идеальной эпохе, но и выявляла живой, профессиональный интерес к античному наследию как инструменту, необходимому для создания системы символов, закодированных в традициях всей европейской культуры. В античной культуре видели опору, оплот стабильности в сложное переходное время, отождествляли античное мировоззрение, а значит, и язык с собой и современными им проблемами. Так, например, знаток античного мира И. Анненский в оригинальных трагедиях на мифологические сюжеты выводит своих героев людьми с душевными качествами, близкими современному читателю, придаёт их речи очевидные, чисто разговорные черты³³.

По мнению И. Бродского, язык — вещь более древняя и более неизбежная, чем государство: «Определяет нас язык...»³⁴ По этой причине обращение к античности, античные мотивы в творчестве И. Бродского — не стилизация, а скорее метафора, в рамках которой он осознаёт бытие своей родины — России.

Архетип сознания современной интеллигенции, её «оперативная память» также не должны ограничиваться только наличным запасом понятий, превращаться в условный меновой знак. *Задачей интеллигенции становится оживление языка*, активация индивидуального творческого самосознания, а как следствие этого — *оживление и всего общественного сознания*, реагирующего на самые различные стороны жизни.

Здесь представляет интерес первичный опыт изучения античных реминисценций в современной бард-рок-поэзии. Знаковым у «поющей интеллигенции» (по выражению Дианы Арбениной — группа «Ночные снайперы»), на наш взгляд, является принадлежность к когорте филологов (некоторых из них с кандидатской степенью) и присутствие обертона, который, по словам Г. С. Кнабе, потому и обертон, что он «сохраняя связь с коренной мелодией культуры, постоянно как бы наслаивается на неё, её не заменяя, напоминал о ней и не мог с ней расстаться»³⁵. Обертон в бард-рок-искусстве состоит в том, что античные реминисценции как культурологический образ, наполненный личным авторским содержанием, получают новую жизнь в контексте современной культуры. Античные образы являются не просто украшением или

дополнением, они становятся неким культурным кодом, скрывающим серьёзный смысл (несмотря даже на иногда внешне постмодернистскую абсурдность текстов), разгадать который могут лишь немногие посвящённые³⁶.

Пример «поющей интеллигенции», представляющей собой преимущественно современную творческую молодёжь, подтверждает прозвучавший выше тезис о том, что *интеллигентский этос* неистребим, так как образованный двумя составляющими — *гуманистической* и *культуротворческой* (и не принципиально важно каким базовым образованием обладает человек — техническим или гуманитарным), имеет в своём основании *архетип сознания «человека культуры»*. Справедливо также и то, что современному человеку сохранить его достаточно сложно. Однако, на наш взгляд, права О. И. Даниленко, по мнению которой, интеллигентский этос предоставляет в этом отношении уникальные возможности. С одной стороны, он является признанным компонентом национально-культурной традиции. С другой — предполагает, что человек обязан критически относиться к социальной реальности, самостоятельно думать и отвечать за свои поступки. А самое главное — сохранить свою индивидуальность с опорой на социокультурную идентичность, ощущая принадлежность к сообществу близких по духу и сознанию людей³⁷.

Примечания

¹ Абсалямова И. А. Европоцентризм и проблема самобытности русской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2001.

² Работы И. Винкельмана, Т. Моммзена, А. Гойнби, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и др.

³ Бузескул В. П. Женский вопрос в Древней Греции // К свету : научно-литературный сборник. СПб., 1904. С. 1—2 ; Виннер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки : сборник статей и публичных лекций, 1900—1912. М., 1912.

⁴ Алферов А. О переменах в классической школе с сохранением её основ // Вестник воспитания. 1897. № 7. С. 87.

⁵ См., напр.: Куляскина И. Ю. Русские религиозные философы о сознании российской интеллигенции. URL: <http://209.85.129.132/search?q=cache:Hhs7PbGM-nAJ:www.amursu.ru/vestnik/3/3-6.doc+интеллигентское+сознание&cd=5&hl=ru&ct=clnk&gl=r> (дата обращения: 10.09.2010).

- ⁶ Концепт как «объективная» сущность, особый способ мышления, деятельности, чувствования, существующие вне индивидуальных сознаний и навязываемые субъекту независимо от его желания (см.: *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : опыт исследования. М., 1997).
- Концепт как некое культурно-обусловленное знание об объекте, феномене, событии; более сложное и глубокое, чем языковое значение соответствующего ему имени; его содержание до конца неисчерпаемо, но оно задаёт направление интерпретации (*Филатова А.* Концепт «интеллигенция» в смысловом пространстве современной русской культуры // *Логос.* 2005. № 6 (51). С. 207).
- ⁷ *Иванов А. А.* Мифология интеллигенции в русской культуре второй половины XX века : дис. ... канд. культур. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 157 с. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/127172.html> (дата обращения: 09.09.2010).
- ⁸ *Гаспаров М.* Русская интеллигенция как отводок европейской культуры. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/02.php (дата обращения: 05.09.2010).
- ⁹ *Бормотова И. М.* Формирование этикетного кодекса интеллигенции. Интеллигенция и интеллигентность. URL: <http://www.myakushkin.ru/content/view/138/114> (дата обращения: 05.09.2010).
- ¹⁰ Скриптосообщество — это те, кто свои мысли, опасения, желания и пр. выражает в письменных текстах (*Шкуратов В.* Интеллигенция в проекте современности // *Логос.* 2005. № 6 (51). С. 248).
- ¹¹ Этос (гр. *ethos*) — обычай, нрав, характер (*Оссовская М.* Рыцарь и буржуа : исследования по истории морали. М., 1987. С. 26).
- ¹² Там же.
- ¹³ *Даниленко О. И.* Библиотекарь: профессия интеллигентных людей. URL: http://schoollibrary.ioso.ru/index.php?news_id=428 (дата обращения: 05.09.2010).
- ¹⁴ *Бакштутова Е. В.* Журнал «Русская мысль» (1880—1918) как объект эмпирического исследования ментальности русской интеллигенции конца XIX — начала XX века // *История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее* : материалы междунар. конф. по истории психологии «IV московские встречи». М., 2006. С. 461—467.
- ¹⁵ *Орлов Г. А.* Современная английская речь. М., 1991. С. 14.
- ¹⁶ *Кох В. А.* Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1978. Вып. 8 : Лингвистика текста. С. 149.

- ¹⁷ *Лосев А. Ф.* Из бесед и воспоминаний. URL: <http://www.philosophy.ru/library/losef/vosp.htm> (дата обращения: 05.09.2010).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Померанц Г.* Интеллигенция: идейность задач и беспочвенность идей. URL: <http://www.pagan.ru/lib/books/kultura/int01.php> (дата обращения: 11.08.2010).
- ²⁰ *Иванов В.* Наш язык // Иванов В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. URL: http://www.rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/vol4/01text/02papers/4_184.htm (дата обращения: 05.08.2010).
- ²¹ Например, И. В. Киреевский и его критика аристотелевской этики. Об этом см.: *Лишаев С. А.* «Правда» и «истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2006. № 1 (4) С. 173—209. URL: <http://www.phil63.ru/pravda-i-istina-yazykovaya-kontseptualizatsiya-mira-i-tematicheskoe-svoebrazie-russkoi-filosofii> (дата обращения: 02.08.2010).
- ²² *Богданов К.* Гуманитарий — где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // НЛЮ. 2006. № 81. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/bo2.html> (дата обращения: 03.08.2010).
- ²³ Там же ; *Бороздин И. Н.* Университеты России в эпоху 60-х годов // История России в XIX веке. Б. м., 1904. С. 189—190, 195.
- ²⁴ *Лотман Ю. М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. М., 1989. С. 229, 231.
- ²⁵ *Фомина Н. Н.* Русская культура в контексте мировой культуры // Введение в культурологию : курс лекций / под ред. Ю. Н. Солониной, Е. Г. Соколова. СПб., 2003. С. 97—118.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Чумакова Т. В.* Образ человека в культуре Древней Руси : (опыт фило-софско-антропологического анализа) : автореф. ... дис. д-ра филос. наук. СПб., 2002. URL: <http://www.countries.ru/library/sophia/obrazch.htm> (дата обращения: 03.08.2010).
- ²⁸ *Лосев А. Ф.* Указ. соч.
- ²⁹ *Гусейнов Г. Ч.* Типология античной мифографии // Античная поэтика. М., 1991. С. 232.
- ³⁰ *Бельй А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 256.
- ³¹ *Бондаренко Ю. А.* Интерпретация античного мифа в творчестве русских символистов. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/329/image/329-065.pdf> (дата обращения: 03.08.2010).

- ³² *Кнабе Г. С.* Тургенев, античное наследие и истина либерализма // Вопросы литературы. 2005. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/1/kna6.html> (дата обращения: 03.08.2010).
- ³³ *Федоров А. В.* Поэтическое творчество Иннокентия Анненского. URL: <http://annensky.lib.ru/names/fyodorov/fyodorov7-2.htm> (дата обращения: 03.08.2010).
- ³⁴ Цит. по: *Бондаренко В. Г.* Русский менталитет Иосифа Бродского. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4816.htm> (дата обращения: 03.08.2010).
- ³⁵ *Кнабе Г. С.* Указ. соч.
- ³⁶ *Янушкевич М. А.* Проблема изучения античных реминисценций в русской бард-рок-поэзии // Гуманитарий. 2003. № 2 (ноябрь). URL: <http://blackalpinist.com/scherbakov/Praises/antic.html> (дата обращения: 03.08.2010).
- ³⁷ *Даниленко О. И.* Указ. соч.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53-283.2

Т. В. Павлова

САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Сегодня, в начале XXI века, проблемы взаимоотношения между властными институтами на различных уровнях в Российской Федерации (да и не только в ней) — тема многоплановая и разносторонняя. Пожалуй, одним из её наиболее интересных аспектов является взаимодействие местных сообществ граждан с органами центральной государственной власти.

Не подлежит сомнению тот факт, что формируя и развивая современную модель местного самоуправления в России, следует учитывать и отечественный, и зарубежный опыт. Важность такого исследования диктуется необходимостью создания эффективных форм взаимодействия народа и центральных властей, без которых невозможно гармоничное развитие любого государства. Власть, не внимающая гласу народа, обречена. История знает немало примеров, когда власть, лишённая доверия народа, как корабль, потерявший управление, была отправлена в пучину моря.

Это ясно осознавала и русская интеллигенция в конце XIX — начале XX века, когда страна находилась на пороге значительных преобразований. Более того, интеллигенция понимала,

© Павлова Т. В., 2011

Павлова Татьяна Вячеславовна — преподаватель кафедры истории зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета. taniapavl-ova@mail.ru; kzsnnv@syktsu.ru

насколько важно в России создать эффективную модель взаимодействия местного самоуправления и центральной власти. Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925) — крупнейший историк-медиевист ещё в 1915 году, имея в виду местное самоуправление, убеждённо писал: «Россия — это не случайное скопление людей, а мощное общество, состоящее из органических клеток»¹. Именно об этих «органических клетках» и пойдёт речь далее.

В центре внимание — период в истории нашего государства, когда местное самоуправление в России формировало не только институты и правовые основы своей деятельности, но и определяло направления взаимодействия с государственными органами. Энергично эти проблемы ставились и делались попытки их решения в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. Но прежде рассмотрим истоки местной самоорганизации общества в нашей стране.

Историки ведут отсчёт российского опыта местного самоуправления со времён Ивана IV, когда государство впервые юридически закрепило деятельность земств — уникальных представительных учреждений. Другим важным этапом в развитии самоуправления следует назвать «Учреждение для управления губерний Российской империи» 1775 года, Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 года Екатерины II, которые упорядочили систему местного самоуправления в губерниях, уездах и городах. Реформы Александра II (1864 г. — земская, 1870 г. — городская) вывели самоуправление на новый уровень: к местному самоуправлению стало относиться выборное земское и городское самоуправление, которое теперь имело ещё и финансовую основу своей деятельности. Кроме того, крестьяне получили своё самоуправление, хотя и менее самостоятельное (сельский и волостной сходы). Эти органы, прежде всего, занимались решениями вопросов локального значения. Работа на местах сосредотачивалась в местных обществах, заведовавших нуждами подчинённого им населения.

В органах земского и городского самоуправления активно участвовала русская интеллигенция. Однако практическая деятельность земцев приводила к осознанию необходимости совершенствования российского местного самоуправления. Особенно остро этот вопрос возник в конце XIX — начале XX века. Все прогрессивно мыслящие интеллигенты участвовали в дискуссиях,

посвящённых этим насущным проблемам. Свои надежды они связывали с новым царём — Николаем II. Князь Михаил Владимирович Голицын (1873—1942), будучи во время восшествия императора на престол студентом юридического факультета Московского университета, писал: «Начиналось новое царствование, возникли надежды на какие-то перемены»². Это было время «оживлённого земского движения»³, — констатировал современник Голицына Дмитрий Николаевич Шипов (1851—1920), 11 лет (1893—1904 гг.) занимавший должность председателя Московской губернской земской управы. Ведь, как справедливо заметил в 1901 году С. Н. Сыромятников⁴, путь России «есть переход к государству земскому, к организации жителей деревень и городов в самоуправляющиеся всеобщие единицы, с выборными советами при губернаторах, с выборными советами при министрах»⁵.

Научная интеллигенция в этом отношении главенствовала: активно изучался отечественный и зарубежный опыт местного самоуправления⁶. Следует отметить, что западноевропейскую практику самоорганизации народа учёные исследовали для того, чтобы его, учитывая особенности России, творчески использовали центральные власти и представители земств.

В этом деле среди русской интеллигенции выделяется историк-новист Николай Иванович Кареев (1850—1931), заинтересовавшийся в начале XX века местным самоуправлением революционной Франции конца XVIII века. Его работы по истории Парижских секций, действовавших в эпоху Французской революции конца XVIII века⁷, демонстрировали **опыт самоорганизации общества**, оказавший огромное влияние на развитие местного самоуправления в государствах континентальной Европы.

Ознакомившись с трудами русских историков, в частности с фундаментальными исследованиями профессоров Киевского университета П. Н. Ардашева (1865—1922)⁸ и И. В. Лучицкого (1845—1918)⁹, он, будучи уже известным специалистом по истории Европы Нового времени, берётся в 1910 году за изучение истории, казалось бы, непримечательных на первый взгляд секций Парижа — избирательных участков, просуществовавших с 1790 по 1795 год. Но обращение к этому сюжету, к тому же мало изученному историками, не случайно. Во-первых, именно в Париже было сконцентрировано всё, чем отличалась революционная эпо-

ха, со студенческой скамьи интересовавшая Кареева. Во-вторых, как уже отмечалось выше, в России тех времен очень остро стоял вопрос о создании эффективной системы местного самоуправления. «Пришло время, когда должны быть проведены существенные реформы земств <...> едва ли нужно объяснять важность такого движения»¹⁰, — писал уже упомянутый историк-медиевист П. Г. Виноградов (кстати, друг Кареева по науке).

Тут пока встают два вопроса: что это такое — Парижские секции времён Великой революции? И каков, образно говоря, был остов секций?

Знаменитая французская универсальная энциклопедия «Grand dictionnaire universel» определяет Парижские секции (*sections de Paris*) как 48 избирательных участков, на которые 27 июня 1790 года был разделён Париж¹¹. Но это не просто избирательные участки — это были «лаборатории», в которых, по меткому выражению Н. И. Кареева, «вырабатывалось народное настроение, бывшее куда большею силою, чем общественное мнение»¹².

При их непосредственном участии произошло свержение монархии 10 августа 1792 года. Выступив на стороне монтаньяров в мае следующего года, секции способствовали передаче власти в руки Робеспьера; то обстоятельство, что они не поддержали его в июле 1794 года (9 термидора II года), содействовало падению Неподкупного. Однако, поддержав Национальное представительство 9 термидора, секции сами стали его «жертвой» 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года).

Внутренняя структура секций представляла целый конгломерат подчинённых ей элементов. Каждая из них возглавлялась полицейским комиссаром, имевшим совещательный голос на первичных собраниях, где граждане избирали депутатов в Национальный конвент. Ему помогали 16 секционных комиссаров. Последние, в свою очередь, могли выбирать из своей среды председателя и собираться ежедневно.

Каждая секция включала в себя несколько комитетов: гражданский (*comité civil*), следивший за исполнением постановлений муниципалитета; революционный (*comité révolutionnaire*) — орган полицейского надзора; военный (*comité militaire*); сельскохозяйственный (*comité d'agriculture*); комитет благотворительно-

сти (comité de bienfaisance). Кроме того, в состав секции входили селитряные комиссии, секционные мастерские (ateliers des section) и секционные общества (sociétés sectionnaires)¹³.

Нетрудно заметить, что Парижские секции выполняли функции, которые и в наше время возложены на органы местного самоуправления: обеспечение участия населения в решении местных дел, охрана общественного порядка, защита интересов местного самоуправления и т. д. Поэтому обращение к истории этих учреждений в начале XX века, когда в России изменения центральной власти требовали перестройки органов на местах, было как нельзя кстати.

Как было сказано выше, в начале XX века обострилось внимание к местному самоуправлению в громадной стране и Парижские секции вполне могли послужить примером, который россиянам можно было заимствовать из истории Франции. Кареев возложил на себя тяжёлую ношу — изучить и описать опыт самоуправления Парижа в эпоху Великой революции и представить его как один из примеров самоорганизации народа Франции, который, по его справедливому мнению, должен был умно использоваться в России того времени. Чтобы сделать это, он совершает в 1910—1911 годах три экстренные поездки в Париж, а в 1914 году (за две недели до объявления войны) — ещё одну, где на износ работает в Национальной библиотеке и в Национальном архиве¹⁴. Там он обнаружил огромный материал, посвящённый Парижским секциям: протоколы заседаний как общих собраний секций, так и отдельных комитетов. Большая часть их сгорела во время Парижской коммуны 1871 года. Однако то, что осталось, — ценнейший материал, который и довелось «раскопать» Н. И. Карееву.

Публикация архивных документов секционных протоколов¹⁵ позволяла читателю представить, какие идеи витали в воздухе революционной Франции, какие речи произносились на общих собраниях избирательных участков. Особенно парижане почитали идеи народного представительства, отмечая необходимость «*toujours s'attacher aux choses et jamais aux hommes... se relier autour de la Convention Nationale*»¹⁶. Как выяснилось, секции превратились в политическую силу, за руководство которой боролись жирондисты, монтаньяры, «бешеные», отдельные фракции якобинцев.

Однако не забывали секции и о нуждах населения Парижа. Как собственно и российские земства, их заботило состояние дел в столице республики. Например, сельскохозяйственный комитет занимался возвращением агрикультуре пустырей и садов Парижа. Особое значение секции уделяли селитре, столь необходимой для изготовления пороха в революционной Франции, сражавшейся с внутренними и внешними врагами. Военные же комитеты возглавляли вооружённую силу секций, каждая из которых «имела, — по словам Кареева, — свои пушки»¹⁷.

Как тут не вспомнить князя М. В. Голицына с его комментариями многообразной деятельности земств. Потребности сельского хозяйства заставили правительство Российской империи пойти на создание в 1902 году специальных «комитетов о сельскохозяйственных нуждах», которым, по воспоминаниям князя Голицына, было предоставлено право заниматься не только экономическими вопросами сельского хозяйства, но им «не возбранялось добавлять и от себя вопросы в рамках местных... нужд <...> рекомендовалось выдвигать вопросы правовые, финансовые, культурно-просветительные, поскольку они могли освещать местные нужды»¹⁸.

Сам князь возглавлял комитет благотворительности. В качестве председателя комитета он посещал даже тюрьмы, чтобы собрать информацию о нуждах заключённых¹⁹. По инициативе Голицына и его сподвижников был организован комитет взаимопомощи крестьянам-погорельцам, который «выручил из беды не одно крестьянское хозяйство»²⁰.

Предметом особой заботы земств были и военные надобности. Достаточно вспомнить их деятельность во время войны с Японией 1904—1905 годов. Земства собирали «крупные ассигнования на нужды войны — на раненых и даже на флот... шили лазаретное бельё», — свидетельствует князь²¹. Сам же Голицын в своём уезде занимался сбором пожертвований, отправкой вещей в Тулу и Москву, подготовкой к приёму раненых и т. д.²²

Нетрудно заметить, что деятельность Парижских секций и земских органов в своих основных направлениях совпадала. Превратившись в органы местного самоуправления, столичные секции взяли на себя заботу обо всём, чем жили тогда парижане.

Однако расширение полномочий секций не могло не отразиться на их отношениях с центральной властью. Секции в известных событиях августа 1792 года и мая — июня 1793 года²³ поддерживали муниципалитет (Парижскую Коммуну), организационной структурой которого они являлись. Парижская Коммуна в 1792 году даже дала согласие на «учреждение центрального бюро сношений (bureau central de correspondance), возникновение которого придало секциям больше силы»²⁴. Секции действовали с этого момента теперь сообща, что прибавило организованности и согласованности в их делах.

Вместе с тем, изучив протоколы секционных собраний, Кареев пришел к выводу: Парижская Коммуна вовсе не единственный орган, который руководил ими. Столичным секциям приходилось считаться еще с Национальным Конвентом и его комитетами. Жесткие реалии вынуждали их лавировать между двумя этими властями: парижским городским и общенациональным представительством. Та сторона, которую они поддерживали, всегда оказывалась победителем (до разгрома Парижской Коммуны 9 термидора). С этого времени Конвент становится хозяином положения, в том числе и в Парижских секциях. Их полномочия стали постепенно сокращаться. 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года) секционеры, ставшие к этому моменту чиновниками, получавшими жалование от конвентских комитетов, сделали ещё одну попытку выступить против ограничения не только своих полномочий, но и избирательных прав французского народа — против декретов 5 и 13 фрюктидора III года (22 и 30 августа 1795 года). Результат известен — будущий первый консул и впоследствии император Наполеон Бонапарт разгромил секции, в которых уже на смену санкюлотам, преобладавшим в 1792—1793 годах, пришла умеренная буржуазия, чему немало способствовала политика Национального Конвента.

Легко замечается: во взаимоотношениях секций с центральной властью с самого начала их образования можно обнаружить черты англосаксонской модели местного управления, когда местные общества действуют независимо в пределах предоставленных им полномочий. Однако объём полномочий столичных секций не оставался неизменным в течение пяти лет их деятельности. Со временем Национальный Конвент, одолев Парижскую Коммуну,

превратил столичные секции в послушные ему органы власти. В результате мы наблюдаем процесс формирования французской (континентальной) модели взаимодействия государства и местного управления. Необходимо подчеркнуть, что сокращение полномочий секций следует рассматривать как факт, свидетельствующий о завершении процесса разделения обязанностей между органами центральной власти и местного управления. Конечно, государственный контроль в определённых случаях необходим, но история секций показывает, что они перестали эффективно выражать интересы населения столицы и всей Франции тогда, когда стали лишь «орудием» в руках национального представительства.

Перед утомлённым, но ещё зорким взглядом России предстал западный опыт самоорганизации общества. Это не только французский, но и английский, прусский, представленный в многочисленных исследованиях русских ученых. На наш взгляд, именно опыт революционной Франции, так мастерски реконструированный и преподнесённый Кареевым, мог быть весьма результативно использован на русской почве. Между тем, как справедливо отмечает Т. А. Свиридова, «муниципальная власть революционной Франции в качестве предмета обсуждения не стала достоянием полемики в периодических изданиях или популярных выступлениях в печати... французский опыт с его “праздным парламентаризмом” и “столкновениями общества и государства” оценивался... безусловно, негативно»²⁵. По её мнению, «в исторической перспективе самодержавной России ближе всего будет опыт монархической Германии (Пруссии)»²⁶.

А что же земцы? Какой им виделась самоорганизация русского общества? Прежде отметим, что среди земской интеллигенции не было согласия в этом вопросе. Упомянутые выше М. В. Голицын и Д. Н. Шипов представляли разные фланги земского движения.

Остановим своё внимание первоначально на князе Голицыне. Закончив в 1896 году университет, Михаил Владимирович через год был избран уездным предводителем дворянства в Епифанском уезде Тульской губернии и прослужил на этой должности до 1906 года. Как видим, его земская деятельность приходилась на совсем не простые годы в истории нашего государства. Тем более, что состояние уездного земства, которое находилось в

его ведении, было ужасающим. «Что можно было требовать от земства сравнительного бедного, не имевшего других источников дохода, кроме земельного обложения, а также от помещиков, в большинстве не проживавших в своих имениях и не интересовавшихся школами, не говоря о крестьянах, в корне невежественных, неимущих, живших очень плохо в сырых каменных или холодных деревянных избах»²⁷, — сетовал князь.

Такое положение было характерно не только для Епифанского уезда. Состояние земских дел и обществ действительно было тяжёлым, как по причине отсутствия необходимых на деятельность средств, так и полной апатии самих жителей и большинства членов земств. Тем более, что крестьянин обращался скорее к общине, нежели к земским собраниям и управам, в которых заправляли дворяне. Да и результативность деятельности земств зачастую зависела от связей самих земцев с высшими государственными чиновниками²⁸.

Однако не все дворяне мыслили одинаково и пеклись только лишь о собственных интересах. «Левые дворяне»²⁹ или «прогрессивная группа»³⁰, как называл их князь М. В. Голицын, имея в виду тех, кто защищал интересы земств в их самостоятельности ведения дел, создали нелегальный кружок «Беседа». Участниками кружка были видные земские деятели, в том числе сам князь Голицын, Н. А. Хомяков, кн. Г. Е. Львов. Входил в него и в будущем оппонент князя — Д. Н. Шипов. А теперь пунктиром очертим взгляд Шипова на земства.

Цель упомянутого кружка — «собираться и обсуждать совместно разные местные темы, которые потом можно было бы проводить в жизнь через земства». Но главная мысль, которую отстаивала «Беседа», заключалась в том, «что нужно сначала укреплять здание снизу, не думая пока о его увенчании, т. е. конституции»³¹. Как видим, дворяне считали земства фундаментом, на котором должно было быть воздвигнуто здание конституционного строя. С этим соглашался и более открыто и внятно говорил о месте земства в неуклюжей и скрипучей телеге российского государственного механизма Д. Н. Шипов. Он констатирует: «В обществе возрос интерес к деятельности общественных учреждений... чувствовалось, что общество видит в земстве своего главного представителя и выразителя интересов всего населения»³².

Надежду на то, что политика в отношении земств будет меняться в направлении расширения самостоятельности местных сообществ, дворяне связывали не столько с новым императором, сколько с министром финансов С. Ю. Витте. Действительно, при нём в январе 1902 года было учреждено «Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», причём, как отмечает князь Голицын, «материалом для совещания должны были служить доклады специально созданных тогда же на местах под председательством предводителей дворянства уездных комитетов о нуждах сельскохозяйства, а также губернских комитетов под председательством губернаторов»³³.

Земцы откликнулись на это предложение правительства и даже нелегально собрались на съезд председателей губернских управ в мае 1902 года в Москве на квартире Д. Н. Шипова. Этот съезд Голицын считал «первым серьёзным объединением земств»³⁴. Хотя Шипов и получил за этот нелегальный съезд выговор от нового министра внутренних дел В. К. Плеве (он был назначен вместо убитого 2 апреля 1902 г. Д. С. Сипягина), земское движение оживилось. «Прогрессивная группа» дворян уже подумывала о проектах земской реформы, которая значительно расширила бы компетенцию этих местных органов самоуправления. Так, в 1903 году участники «Беседы» считали, что «местными вопросами уже заниматься ни к чему и что пора переходить к вопросам о народном представительстве, или что, во всяком случае, следует через земские собрания ходатайствовать о расширении прав земств и о праве для их представителей легально съезжаться и обсуждать общие их касающиеся вопросы»³⁵. А тут и историческая судьба России неожиданно повернула своё лицо к земству.

Война с Японией, начавшаяся 27 января 1904 года, ускорила процесс объединения земств: в Москве по инициативе Д. Н. Шипова, Р. А. Писарева, кн. Г. Е. Львова и их сторонников была учреждена общеземская организация во главе с кн. Львовым, бывшим тогда председателем Тульской губернской земской управы³⁶. «Плеве рвал и метал по адресу крамольного объединения земств и всячески старался чинить препятствия их начинаниям», а Львова — главного уполномоченного общеземской организации — царь в Петербурге «благословил иконой»³⁷.

Таким образом, политика высшей власти России по отношению к земствам накануне Первой русской революции не была согласованной и единой. С. Ю. Витте, Николай II поощряли деятельность земств, В. К. Плеве — всячески им противодействовал. Вместе с тем ситуация в стране была такова, что реалии требовали реформирования местного самоуправления, в том числе земств. И новые надежды были возложены на П. Д. Святополк-Мирского, который стал министром внутренних дел после убийства В. К. Плеве 15 июля 1904 года. Реакционная эпоха Плеве сменилась «весной русской жизни». С позволения Петра Дмитриевича земцы снова собрались 6—8 ноября 1904 года на съезд, остававшийся всё же нелегальным. Однако министр гарантировал участникам съезда неприкосновенность. Как замечает князь Голицын, «администрация смотрела на них сквозь пальцы, так как из Петербурга шли уже другие веяния»³⁸.

По воспоминаниям князя Голицына, на съезде участники по вопросу о земствах и роли государственной администрации разделились на две группы. Первая из них во главе с председателем съезда Д. Н. Шиповым предлагала «созыв земского собора без решительного ограничения самодержавной власти; какое-то туманное “единение царя с народом”»³⁹. Другая группа земцев, к которой примыкал и автор воспоминаний, держалась «конституционных взглядов в духе западноевропейского парламентаризма»⁴⁰. Результатом съезда стала резолюция из 11 пунктов, первые 9 из которых относились к правовому положению крестьян, финансам земств, веротерпимости и печати. Князь Голицын особенно отмечает важность последних двух пунктов, касавшихся участия земств в деятельности государственных органов. Он пишет, что большинство высказались за «участие народного представительства в осуществлении законодательной власти», но «ввиду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, совещание выражает надежду, что верховная власть призовет свободно выбранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа»⁴¹.

Такое компромиссное решение, в сущности, оставляло инициативу участия земств в деятельности государственной вла-

сти в руках царя и правительства. Оно обусловлено, прежде всего, желанием дворянской интеллигенции разрешить вопрос не революционным путём, а предоставить возможность власти решить его «сверху», как это делалось раньше. Но обстоятельства требовали на тот момент радикальных действий. Ещё в 1895 году Д. Н. Шипов писал: «...чувствовалось, что если в ближайшем времени не будет совершена сверху необходимая реформа, вызываемая государственною предусмотрительностью, то в недалёком будущем верховная власть будет вынуждена ходом вещей и под влиянием быстро нараставшего в стране оппозиционного настроения согласиться на более коренное преобразование нашего государственного строя»⁴².

Но ни царь, ни правительство не были на это способны. Они не осознавали, что балансируют на острие бритвы, что предложения земств в этой ситуации были как нельзя кстати и могли охладить жерло назревающего извержения народного вулкана. Вполне закономерно, что к решениям съезда они остались глухи. Святополк-Мирский, которому было поручено довести резолюцию съезда до царя, как замечает Голицын, «испугавшись якобы резкости редакции, не решился доложить резолюции официально и лишь довёл о них до сведения царя, на которого они произвели, по-видимому, мало впечатления»⁴³. Любопытно, что в земских кругах ходили слухи о том, что «царь хотел идти на уступки... но этому воспрепятствовали императрица Александра Федоровна и великий князь Сергей»⁴⁴. Эти утверждения кажутся маловероятными, так как в воспоминаниях самого князя сказано, что Николай II ещё по восшествии на престол в январе 1895 года «туманные конституционные намёки» земств назвал «бессмысленными мечтаниями» и тем положил начало своей политике, полной отчуждённости от голосов местных людей⁴⁵. Как видно, надеяться на власть в деле реформирования государственного строя было бессмысленно с самого начала правления последнего русского императора.

Так как Николай II «всегда запаздывал со своими решениями»⁴⁶, ход событий и разразившаяся революция заставили его подписать манифест о народном представительстве в лице Государственной Думы. По мнению Голицына, если бы «царь на... уступку пошёл хотя бы тотчас после земского съезда, то, пожа-

луй, многих эксцессов и не было бы, во всяком случае, страсти не были бы так накалены»⁴⁷.

Однако создание и деятельность Государственной Думы не облегчили положения земств. Более того, ситуация осложнилась тем, что земская интеллигенция оказалась между двух огней — правыми и левыми партиями. Политика же правительства была двойственной: премьер Витте пытался призвать в ряды правительства некоторых общественных деятелей, но «он же брал себе в министры внутренних дел такого махрового представителя реакции, как беспринципного Дурново»⁴⁸.

Хотя правые земцы во главе с Шиповым надеялись на то, что только «Дума может внести умиротворение в настроение страны, установить и осуществить прочный правопорядок, создать столь необходимое взаимодействие правительственных и общественных сил»⁴⁹, «недоразумение и возмущение в обществе и особенно в среде народных представителей» всё возрастали. Перемена кабинета министров⁵⁰, по мнению Шипова, «исключала возможность согласованной деятельности правительства с Государственной Думой, вносила в среду последней чувство раздражения и толкала на путь ещё более острой политической борьбы»⁵¹.

Подытожить деятельность земского движения в борьбе за расширение своих прав и участие в деятельности государственных органов глазами самих земцев можно словами М. А. Стаховича: «...всё хотят оставить по-старому, не задумываясь о грядущих выборах и не желая в сущности ни в чём обновиться»⁵². Такова узенькая тропа, по которой дворянская интеллигенция вступила на путь политической борьбы за самоорганизацию общества на конституционных началах.

Итак, после окончания Первой русской революции земства не получили той организации своего представительства, о которой они мечтали. Реформы «сверху» только накаляли обстановку в стране, а с началом Первой мировой войны правительство и царя заботило совсем другое, нежели вопросы местной самоорганизации. Результат известен — февраль и, наконец, октябрь 1917 года положили конец как самому монархическому строю, так, впрочем, и надеждам на воплощение в жизнь земских проектов местной самоорганизации. И князь М. В. Голицын, представлявший «прогрессивное крыло» в земском движении, и

Д. Н. Шипов, работавший сначала вместе с ним, а затем возглавлявший его правый фланг, и даже научное сообщество русских историков европейского калибра в лице Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова и других не смогли убедить царя и правительство пойти на коренные реформы преобразования земств. Их проекты не были услышаны, так как царь не желал сворачивать с пути, намеченного ещё его отцом, Александром III, — укрепление вертикали власти и сужение полномочий земств.

Хотя в этих условиях можно было бы обратить свой взор на опыт революционной Франции, на деятельность тех самых Парижских секций, о которых писал Н. И. Кареев. Как уже было сказано, объединение деятельности секций в рамках центрального бюро приводило к постепенному расширению их полномочий. Конвент и Коммуна «наступали на пятки» секциям, постоянно ограничивая их инициативу и перетягивая каждый на свою сторону. В итоге секции в качестве «лабораторий, выражавших народное настроение» потеряли свое значение.

Так случилось и с земствами: деятельность земских съездов, большей частью нелегальных, была нейтрализована правительством. Надежды части земцев на решение вопроса «сверху» обратились в прах. Двойственная политика высших органов государственной власти и нежелание идти на уступки привели к противостоянию в самом земском движении, разделившемся на правых (Д. Н. Шипов) и левых (М. В. Голицын). Последние желали коренного реформирования местной власти со значительными правами земств. Правые же ратовали за единение земств с царём. Ни один из сценариев не был осуществлён, движение было разобщено и разбросано по политическим партиям (кадеты, октябристы), а события в мире окончательно отодвинули на второй план эти проблемы. Самоорганизация местной власти, видевшаяся интеллигенции в совместной работе царя, государственной администрации и земств, оказалась невозможной на практике.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что зарубежный опыт давал много примеров русской интеллигенции в конце XIX — начале XX веков в деле самоорганизации местного управления и развития земского движения. Красной нитью через историческое наследие самоуправления проходит идея о необходимости предоставления местным сообществам возможности зани-

маться не только местечковыми делами, но и участвовать через своих представителей в общественно-политической жизни страны. Таковыми органами были Парижские секции, действовавшие во время Французской революции конца XVIII века, являвшиеся одновременно и избирательными участками и местной властью. Однако и активную деятельность Парижских секций во Франции в конце XVIII века, и земств в России в конце XIX — начале XX века государство старалось свернуть. Следствием такой политики стал разлад взаимодействия и взаимопонимания между местными сообществами и центральной властью, кризисы которой не заставили себя ждать. В России власти так и не удалось выйти из них путём реформ «сверху», как предлагала земская интеллигенция. Сценарий этих событий был прогнозируем и в общих чертах воспроизводил проштудированный Кареевым пример самоорганизации Парижа, так ненавистно отвергавшийся правительственными кругами. Французский опыт местного самоуправления со всей очевидностью перекликался с практическим состоянием дел в российских земствах, что было продемонстрировано в настоящей работе. Предчувствуя роковые последствия правительственного курса в отношении самоуправления, российская интеллигенция попыталась привлечь внимание государственных органов к земскому вопросу доступными ей способами — научными исследованиями по проблемам местного самоуправления и конкретной деятельностью земских представителей, в том числе и обращением к самому императору.

Но власть не желала идти на уступки и сотрудничать с выборными представителями от народа. Оставался только один путь — революция «снизу».

Примечания

- ¹ *Виноградов П. Г.* Рост местного самоуправления // Виноградов П. Г. Россия на распутье: историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 299. (Впервые на англ. языке: *Vinogradoff P.* Growth of Provincial Self-Government // Times. Russian Supplement. 1915. April 26.)
- ² *Голицын М. В.* Мои воспоминания (1873—1917). М., 2007. С. 146.
- ³ *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 38.
- ⁴ Сыромятников Сергей Николаевич (1864—1933) — писатель, журналист, путешественник, юрист. Окончил историко-филологический

факультет Московского университета, кандидат юридических наук (специалист по истории права скандинавских стран), с июля 1917 г. по февраль 1918 г. был председателем продовольственной управы и волостной земской управы.

⁵ Цит. по: *Ренников А. В.* С. Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 102 (цит. по: *Сыромятников С. Н.* Опыты русской мысли. СПб., 1901. С. 71).

⁶ *Безобразов В. П.* Земские учреждения и самоуправление. М., 1874 ; *Градовский А. Д.* Система местного управления на Западе Европы и в России // Сборник государственных знаний. СПб., 1878. Т. 6 ; *Лучицкий И. В.* Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI и их политическая роль. Киев, 1879 ; *Свеишников М. И.* Основы и пределы самоуправления : опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств. СПб., 1892 ; *Ардашев П. Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты : историческое исследование преимущественно по архивным данным. СПб., 1900. Т. 1 ; Киев, 1906. Т. 2 ; *Матвеев В. Ф.* Государственный надзор за общинным самоуправлением во Франции и в Пруссии. Казань, 1915 ; и др.

⁷ *Кареев Н. И.* Парижские секции времён Французской революции (1790—1795). СПб., 1911 ; *Он же.* Неизданные документы по истории Парижских секций 1790—1795. СПб., 1912 ; *Он же.* Политические выступления Парижских секций во время Великой революции // Русское богатство. 1912. № 11—12 ; *Он же.* Революционные комитеты Парижских секций (1793—1795) : с приложением неизданных документов. СПб., 1913 ; *Он же.* Роль Парижских секций в перевороте 9 термидора : по архивным источникам. Пг., 1914 ; *Он же.* Клише Парижских секций времён Великой революции // Русский библиофил. Пг., 1914. № 7 ; Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? // Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескуля. Харьков, 1914 ; *Он же.* Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года. СПб., 1914 ; *Он же.* Борьба Парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III года : по архивным источникам. Пг., 1915 ; *Он же.* Замечательный план Парижа // Русский библиофил. 1915. № 1 ; *Он же.* Реакция в Парижских секциях после 1 прериала IV года // Исторические известия. М., 1916. № 3—4 ; «Коммунистическая» петиция Жака Ру и секции Гравелье : (этюд из истории французской революции) // Русские записки. 1916. № 1 ; Коммунистические стремления времён Великой французской революции // Ежемесячный журнал. Пг., 1918. № 4—6 [в одной книжке].

- ⁸ *Кареев Н. И.* Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. СПб., 1900. Т. 1; Киев, 1906. Т. 2». СПб., 1910.
- ⁹ Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого связывала как личная дружба, так и научная деятельность, некоторые итоги которой он подвёл в своей статье: *Кареев Н. И.* 50 лет научной работы И. В. Лучицкого // Научный исторический журнал. 1914. № 4.
- ¹⁰ *Виноградов П. Г.* Указ. соч. С. 233.
- ¹¹ *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIX^e siècle. Paris, 1865—1890. Vol. 14. P. 462.
- ¹² *Кареев Н. И.* Политические выступления Парижских секций во время Великой революции // Русское богатство. 1912. № 12. С. 60.
- ¹³ *Кареев Н. И.* Парижские секции времён Французской революции. С. 25—62.
- ¹⁴ *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 221. В своем письме В. А. Мякотину от 13 января 1914 г. Н. И. Кареев пишет, что «когда 6—7 часов просидишь в архиве, как я это здесь (в Национальном архиве. — *Т. П.*) делал каждый день, выписывая из документов целые страницы, как-то уже потом не хотелось брать в руки перо». Копии писем Н. И. Кареева своему другу В. А. Мякотину любезно были переданы при встрече с дочерью В. А. Мякотина — Е. В. Мякотиной-Каплан, проживающей в Париже. Их оригиналы хранятся в Институте русской литературы (Ф. 495. Д. 86).
- ¹⁵ *Кареев Н. И.* Неизданные документы по истории Парижских секций 1790—1795; *Он же.* Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года...
- ¹⁶ Русский перевод: «Всегда стремиться к идеям, а не к людям, объединяться вокруг Национального Конвента» (*Кареев Н. И.* Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года // Записки Императорской Академии Наук (по историко-филологическому отделению). Т. 12. № 4. С. 19).
- ¹⁷ *Кареев Н. И.* Парижские секции времён Французской революции. С. 54.
- ¹⁸ *Голицын М. В.* Указ. соч. С. 288.
- ¹⁹ Там же. С. 304.
- ²⁰ Там же. С. 305.
- ²¹ Там же. С. 314.
- ²² Там же. С. 315.
- ²³ См. напр.: Extraits des Procès Verbaux des Délibératoins de l'Assemblée générale de la Section de Molière at la fontaine (aujourd'hui Brutus) Seances des 31 May, 1^{er} et 2 Juin 1793 (vieux stile) // *Кареев Н. И.* Неизданные документы... С. 89—107.
- ²⁴ *Кареев Н. И.* Парижские секции времён Французской революции. С. 34.

- ²⁵ Свиридова Т. А. Европейские модели местного самоуправления в русской публицистике середины XIX — начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 155.
- ²⁶ Там же. С. 162.
- ²⁷ Голицын М. В. Указ. соч. С. 187.
- ²⁸ Средства на преобразование Епифанского женского училища были отпущены «исключительно благодаря знакомству М. В. Глаголева (меценат училища. — Т. П.) с министром [образования]» (Там же. С. 265).
- ²⁹ «Собрание в годы моего предводительства по своему составу делилось на две равные части человек по 35 в каждой — на правых, враждебно относящихся к губернскому земству, и на левых, его защищавших» (Там же. С. 219—220).
- ³⁰ Там же. С. 268.
- ³¹ Там же. С. 262.
- ³² Шипов Д. Н. Указ. соч. С. 157.
- ³³ Голицын М. В. Указ. соч. С. 287.
- ³⁴ Там же. С. 292.
- ³⁵ Там же. С. 305.
- ³⁶ Там же. С. 314.
- ³⁷ Там же. С. 315.
- ³⁸ Там же. С. 319.
- ³⁹ Там же. С. 321.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 324.
- ⁴² Шипов Д. Н. Указ. соч. С. 159.
- ⁴³ Голицын М. В. Указ. соч. С. 324.
- ⁴⁴ Там же. С. 325.
- ⁴⁵ Там же. С. 157.
- ⁴⁶ Там же. С. 328.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Дурново Петр Николаевич (1845—1915) — министр внутренних дел Российской империи в 1905—1906 гг. (Голицын М. В. Указ. соч. С. 344—345).
- ⁴⁹ Шипов Д. Н. Указ. соч. С. 389.
- ⁵⁰ В апреле 1906 г. кабинет С. Ю. Витте ушел в отставку, новым председателем Совета министров был назначен Иван Логгинович Горемыкин (1839—1917).
- ⁵¹ Шипов Д. Н. Указ. соч. С. 436—437.
- ⁵² Цит. по: Шипов Д. Н. Там же. С. 475. Стахович Михаил Александрович (1861—1923) — видный политический деятель, поэт, елецкий уездный

предводитель дворянства, один из деятельных организаторов «Союза 17 октября», основатель думской фракции «Мирное обновление».

ББК 63.3(2)613-283.2

М. В. Ермушин

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РАБОЧИЕ В ГОДЫ НЭПА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Отношения инженерно-технической интеллигенции и рабочих остаются недостаточно изученной темой в отечественной историографии. Исследователей более занимала проблема отношений власти и интеллигенции. При этом до недавнего времени на периферии внимания историков оставались вопросы взаимодействия последней с другими социальными группами (в нашем случае с рабочими). Между тем процесс протекал довольно болезненно и вызывал многочисленные конфликты. В 20-е годы в выступлениях партийных и хозяйственных работников, на страницах газет и журналов активно обсуждалось такое явление, как «спецеество»¹. Ставились вопросы о причинах «спецеества» и путях его преодоления. В связи с этим рассматривались условия, в которых находились специалисты: бюджет их рабочего времени, правовое положение на производстве и др.

В советской историографии «спецеество» в сферу научных интересов вошло в 60-е годы. В 30—40-е годы в соответствии с общей историографической ситуацией эта тема практически не рассматривалась. Основной массив литературы был посвящён новым, советским инженерно-техническим кадрам — их

© Ермушин М. В., 2011

Ермушин Максим Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Костромской государственной сельскохозяйственной академии, докторант Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова erm@ksaa.edu.ru; maksimermushin@mail.ru

количественным и качественным показателям². По мере проведения политики десталинизации в 60-е годы историкам представилась возможность расширить границы исследований. Собственно, изучение роли «старых специалистов» на производстве, их интеграции в новую социокультурную реальность и началось в это время. Критике подвергся господствовавший ранее подход контрреволюционного вредительства «буржуазных специалистов», дана негативная оценка «спецедействию»³.

В то же время в литературе 60-х — середины 80-х годов дискриминация специалистов получила освещение в качестве иллюстрации партийно-государственной политики в отношении «старой» интеллигенции, в рамках проблемы власти и интеллигенции⁴. С. А. Федюкин обратил внимание на то, что в рабочей среде были живы обиды, нанесенные инженерами в до-революционный период, а также непонимание рабочими роли инженерно-технических работников (ИТР) на производстве⁵.

В конце 80-х годов в связи с демократизацией общества идёт пересмотр старых схем и оценок, активно разрабатываются малоизученные темы⁶. При анализе причин «спецедействия» О. В. Крыштановская выявила, что в структуре управления в промышленности, построенной по принципу разделения власти на техническую и политическую, изначально был заложен конфликт⁷.

С 1990-х годов тема «спецедействия» получает более широкое освещение и приобретает самостоятельное значение. Проблема дискриминации специалистов в послереволюционный период становится постоянно обсуждаемой в научной литературе и на конференциях⁸.

На настоящий момент более глубоко этот вопрос изучен на материалах Сибири и Урала⁹. По мнению Г. Г. Халиулина, в основе взаимоотношений рабочих и инженерно-технической интеллигенции лежал идеологический принцип, оставлявший ведущую роль за рабочим классом. Л. И. Пыстина провела анализ «спецедействия» как одной из форм дискриминации инженерно-технических кадров, рассмотрела этимологию данного термина, обозначила его исторические корни, выделила причины и формы.

В современных исследованиях «спецедействие» рассматривается в двух аспектах:

1) дискриминация специалистов непосредственно на производстве¹⁰;

2) общая антиинтеллектуальная атмосфера, сформировавшаяся в стране в результате политики советской власти¹¹.

Однако в обоих случаях «спецеество» исследовалось в рамках общей проблемы отношений власти и интеллигенции. Между тем, нам представляется необходимым подойти к этому вопросу с позиции социальных изменений, происходивших в среде рабочих, интеграции непролетарских слоёв в новое общество и рассмотреть «спецеество» как проявление этого процесса.

На производственном уровне «спецеество» исходило, прежде всего, от рабочих. Источник их «спецеедческих» настроений следует искать в социальной неоднородности, условиях труда, системе оплаты и профессиональном образовании.

В 20-е годы в рабочей среде исследователи выделяют три группы: потомственные рабочие, недавние выходцы из непролетарских слоёв и рабочая аристократия. В начале НЭПа социальная неоднородность рабочих из-за притока непролетарских слоёв только увеличилась¹². По разным подсчётам, к середине 20-х годов выходцы из деревни составляли от 45 до 50 % рабочей массы¹³. Новые рабочие принесли из деревни «уравнительные настроения», которые распространялись ими на всё окружающее их социальное пространство¹⁴. Таким образом, со второй половины 20-х годов эта часть рабочих начинает играть заметную роль и влиять на настроение всей трудовой массы.

На этот источник «спецеества» обратили внимание ещё в 20-е годы. В журнале «Инженерный труд», где неоднократно обсуждался данный аспект отношений рабочих и ИТР, инженер Н. Радышевский отмечал: «...много рабочих, которые недавно попали на предприятия и которые во всех переживаемых ими материальных недостатках видят виновника — посаженного над ними специалиста инженера или техника»¹⁵. Председатель Президиума ВСНХ СССР В. В. Куйбышев также объяснял «спецеество» низким уровнем развития выходцев из деревни¹⁶.

Получая более низкую, чем квалифицированные рабочие, заработную плату и находясь в бедственном положении, эта прослойка подвергала острой критике «барские» условия жизни инженерно-технических кадров. В условиях 20-х годов, когда рабо-

чих убеждали, что они правящий класс, эта разница казалась им несправедливой. Кроме того, следует иметь в виду распространённое заблуждение крестьян того времени, что жизнь рабочих лучше¹⁷. Переезжая в город, они надеялись на существенное её улучшение. Но в итоге надежды не оправдывались. Отсюда недовольство, поиск виноватого и требование передела.

Другим источником конфликта были сезонные рабочие, которые, по данным исследователей, являлись самой взрывоопасной массой¹⁸. В отчёте Тульского губернского совета профессиональных союзов в 1927 году приводился такой пример: «У нас дома сидят без хлеба... — заявлял такой рабочий, — мы приехали сюда заработать. Вам осталось взять плеть и подгонять нас. Зарплату не поднимаете, а производительность труда заставляете поднимать... — Работали раньше меньше, а получали больше. Нас запрягли так, что мы работаем без рубашки, а теперь хотят, чтобы мы и не просыхали»¹⁹.

Постоянное снижение расценок и повышение норм выработки не создавали в производственных отношениях положительного климата. На III съезде ВМБИТ в мае 1927 года практически все делегаты отмечали, что инженеры становились заложниками различных производственно-политических кампаний, как например, по укреплению трудовой дисциплины, снижению себестоимости продукции. Руководители достигали последнее путём понижения заработка, повышения норм выработки и снижения расценок. Проводниками этой политики становились инженеры, поскольку партийные и руководящие органы предприятий прекрасно осознавали непопулярность этих мер. И «тут инженерно-технический персонал оказывается между молотом и наковальней»²⁰. Для рабочих, в таких случаях, инженер был тем, кто мешал зарабатывать. Член комиссии ВСНХ по урегулированию положения специалистов в государственной промышленности С. А. Хренников в апреле 1927 года так характеризовал сложившуюся ситуацию: «...есть дилемма: либо проводить директивы по укреплению трудовой дисциплины и тогда ИТР бьют, либо ничего не делать»²¹.

Следует отметить, что именно со стороны низкоквалифицированных рабочих «антиспецовские» настроения выливались в радикальные действия: избиения, битьё стекол в домах, поджоги

и др. При этом наказание либо не следовало, либо было затруднительно. Так, инженер Нижегородского завода им. В. И. Ульянова в заявлении в инженерно-техническую секцию жаловался на то, что «зав. ком. мало обращает внимание на оскорбления...». Случаи угроз и насилия оставались без внимания со стороны администрации²². При обследовании положения инженерно-технических кадров специальная комиссия при ВСНХ констатировала отсутствие борьбы со стороны профсоюзов и органов НКТ с фактами дискриминации ИТР. На одном из костромских заводов треста «I Лыноправления» рабочий запустил в инженера табуретом. Правление треста вынесло дело на обсуждение РКК. Последняя отказалась его рассматривать, формулировка отказа звучала довольно цинично: «Табурет ведь не попал»²³.

Часто, в случае увольнения рабочего за избиение инженера, органы суда его восстанавливали на работу и вынуждали предприятие оплатить ему вынужденный прогул²⁴. Подобная безнаказанность создавала почву для дальнейшей дискриминации специалистов.

Социальной напряжённости на производстве способствовала криминогенная ситуация, сложившаяся в городах в 20-е годы. Исследователи заметили, что характерной чертой предприятий в тот период было преобладание рабочих, осуждённых за нарушение правопорядка²⁵. Согласно действующему тогда законодательству вышедшие из тюрем имели преимущественное право при поступлении на работу. Попадая на производство, они становились источником конфликта.

К неквалифицированным примыкала часть рабочих, которых исследователи условно определяют как «средний класс», то есть прослойка, располагавшаяся между квалифицированной и неквалифицированной частью. Характерной чертой их жизненных установок являлась ориентация на экономическое выживание²⁶. Будучи политически индифферентными, они вовлекались неквалифицированной массой в производственные конфликты.

Непростая обстановка на производстве усугублялась пьянством. «Каждая выдача заработной платы и аванса, — отмечалось в отчёте Ярославского губкома РКП (б) в 1925 году, — превра-

щает рабочие посёлки в пьяное море с драками, дебоширством, убийствами и утопленниками»²⁷.

Если говорить о профессиональной части рабочих, то их отношение к ИТР не всегда строилось с позиции конфронтации. В информационном отчёте ячейки РКП (б) Костромского завода «Рабочий металлист» сообщалось: «Рабочие смотрят на них, как на каких-то высших... иногда поклонятся, к которым нужно обратиться с не свойственной для рабочих вежливостью... Не все рабочие за время революции научились не делать ни малейшей моральной уступки спецам»²⁸. Фиксировалось, что «старые» рабочие были более дисциплинированы, внимательны к происходящему на предприятии, искренне заинтересованы в преодолении бесхозяйственности. Они старались действовать в рамках, предусмотренных трудовыми нормами, с неодобрением смотрели на небрежное отношение новых рабочих к производству, вопросам трудовой дисциплины и требовали закрыть доступ крестьян на заводы²⁹.

В отличие от неквалифицированной части, которая проявляла своё недовольство в форме «спецедействия», квалифицированные рабочие претензии направляли в адрес профсоюзных и партийных организаций, активно участвовали в обсуждении проблем на производственных совещаниях и кружках. Это касалось как недовольства действиями специалистов, задержки заработной платы, так и других конфликтных ситуаций³⁰. Сформированная для решения трудовых споров система, по мнению А. А. Ильюхова, действовала достаточно эффективно³¹. Конфликтные комиссии, примирительные камеры, третейские суды, трудовые сессии народного суда позволяли переводить конфликт в юридическую плоскость, в том числе и гасить «антиспецовские» выступления.

Причину недовольства квалифицированных рабочих, по нашему мнению, следует искать в самих инженерах — их поведении и отношении к рабочим. Рабочих раздражала невнимательность ИТР к их нуждам и требованиям. «ИТР не желает разъяснить рабочим и отвечать на их вопросы», — такая формулировка наиболее часто встречается в жалобах³². К анализу данной ситуации необходимо подойти с учётом бюджета рабочего времени ИТР. Обращает на себя внимание их перегруженность. По данным Костромского МБИТ, в 1926 году около 27 % инженеров

губернии имели продолжительность рабочего времени до 12 часов в сутки. Примерно 17 % заняты не свойственной для инженеров канцелярской работой. Свыше 10 % инженерно-технического персонала продолжали работать дома. В Калужской губернии около 9,5 часов инженер занимался своими непосредственными обязанностями, около 2 часов общественной работой. В Ярославской губернии рабочий день ИТР достигал 14 часов³³. Чрезмерная нагрузка на инженера была постоянным предметом обсуждения на совещаниях ВМБИТ и отчётности с мест. Понятно, что при таких условиях ИТР не имели времени на подробное разъяснение своих действий. А рабочие зачастую требовали ответов, что называется «здесь и сейчас». Получив отказ, его воспринимали как нежелание, игнорирование своих законных интересов. Конечно, это вызывало раздражение.

С тем чтобы разрешить возникшее таким образом напряжение, приблизить инженерно-техническую интеллигенцию к рабочим массам, использовались производственные совещания. Эффективность этого института, в контексте рассматриваемого вопроса, зависела от нескольких факторов: заинтересованности администрации завода, желания инженеров и рабочих вести диалог. На практике эти условия редко соблюдались. Производственные совещания рабочие порой превращали в судилище над инженерно-техническим персоналом. По их мнению, на ИТР лежала ответственность за простои, недостаточную загрузку предприятий и пр. Подобного рода обвинения встречались аплодисментами. С другой стороны, выступая на производственных совещаниях, инженеры не могли пройти мимо фактов бесхозяйственности администрации, тем самым настраивая её против себя³⁴. Это могло привести к увольнению специалиста³⁵. Боязнь расправы со стороны руководства предприятий и критика рабочих в итоге привели к пассивной позиции ИТР, которые стали смотреть на производственные совещания и кружки как на обременительную повинность. Таким образом, производственные совещания не стали той площадкой, которая помогла бы достигнуть взаимопонимания между ИТР и рабочими.

Негативно воспринимались рабочими некоторые этические нормы поведения инженерно-технической интеллигенции: требование снять в помещении головной убор, дореволюционная фор-

ма, которую многие инженеры продолжали носить, и др. Это, по мнению рабочих, являлось признаком буржуазного поведения и должно было уйти в прошлое.

Имели место случаи, когда инженеры своим поведением провоцировали конфликт. В информационной сводке Тульского губкома 1925 года зафиксирован факт, когда «старый специалист», работавший на электропередаче «Косая Гора», был всегда пьян. «С рабочими он дерзок... У Морозова есть ещё такой же спец — его помощник Макаренко, который получает 9 разряд и ничего не делает... Техник Камерин в начале дежурства в котельном цехе частенько спит. Рабочие ему не раз обмазывали нефтью физиономию»³⁶. Здесь мы наблюдаем полное неуважение со стороны рабочих, как результат пренебрежения специалистами профессиональных обязанностей. В Москве в 1924 году бесхозяйственность и грубость администрации вызвали волнения рабочих на 30 предприятиях³⁷.

Поэтому тезис об исторически сложившейся неприязни к инженерам требует корректировки. Здесь скорее можно говорить о столкновении жизненных стилей, ролевых конфликтах.

В исторической литературе утвердился тезис, что одной из причин «спецедействия» рабочих являлось более высокое благосостояние ИТР. В годы военного коммунизма материальное положение рабочих и ИТР было примерно одинаково. Тенденция по сокращению разницы в оплате умственного и физического труда, проявившаяся ещё в период военного коммунизма, к 1921 году достигла наивысшей точки. На I Всероссийском съезде инженеров и техников, прошедшем в декабре 1922 года, приводились следующие данные³⁸:

Год	Рабочие	Канторский персонал	Младший технический персонал	Высший технический персонал
1914	1	1,8	4	14
1919	1	1,3	1,7	2,1
1920	1	1	1,1	1,7
Лето 1921	1	1	1	1,6

За 1 взят средний заработок рабочих. Из таблицы видно, что если в 1914 году средняя заработная плата высшего инженерно-

технического персонала равнялась 14 средним заработкам рабочих, то в 1921 году уже 1,6 — т. е. сокращение почти в 9 раз. А средний заработок младшего технического персонала в 1921 году сравнился с заработком рабочих; правда, за счёт нелегальной оплаты — снабжения дровами и т. п. ИТР добивались некоторого улучшения положения, но радикально это ситуацию не меняло.

В марте 1926 года ВЦСПС провело анкетное обследование заработной платы ИТР. Среднемесячная заработная плата опрошенных инженерно-технических работников составляла 73,3 руб. при колебании для различных групп от 54 до 140 руб. Распределение численности ИТР с различным среднемесячным заработком представляло довольно пёструю картину. Две трети общего числа ИТР получали в пределах 26—75 руб.; более 25 % — от 76 до 150 руб.; группа с минимальным заработком в 23 руб. составляла 1,7 %, а с максимальным в 210 руб. — 3 %³⁹.

При сравнении со средним заработком квалифицированных рабочих выяснилось, что заработная плата основной массы анкетированных ИТР была ниже⁴⁰. Такие данные подтверждаются региональными органами ВМБИТ, которые провели свои обследования. Так, в начале 1927 года, по данным Тверского МБИТ, в индустриальных союзах (строителей, металлистов) оплата труда ИТР была ниже заработка квалифицированных рабочих⁴¹. Здесь, главным образом, влияли различия в системе оплаты труда. Рабочие получали по сдельной системе, в то время как ИТР — по ставкам. Это и приводило к тому, что заработная плата рядового инженера была ниже, чем у квалифицированного рабочего.

Претензии профессиональных рабочих к инженерам исходили из распространённого в этой среде взгляда, что оплата труда должна зависеть от трудового вклада каждого⁴². Инженер представлялся для многих «бесполезным существом» на заводе: «Чем занимаются наши инженеры? Рабочий, мы видим, хочет как-то сдвинуть производство, хочет помочь, все силы прикладывает к тому, чтобы как-нибудь помочь. ... А инженер только ходит по помещению и говорит — Ну, что вы делаете? Вы окурки на пол не бросайте. Вот тут пыль у вас — вытрите»⁴³. Из выступления рабочего на партийном собрании завода «Рабочий металлист» Костромской губернии: «А что о наших инженерах говорить, они ко всему административно подходят, накричит на тебя, а мозгом

им пошевелить честь не позволяет. Каждый рабочий заявляет, устно, кратко без подробных объяснений... он не может начертить, убедить... цифрами... а инженер ко всему административно относится... так и не соглашается, отпугивая рабочих со своими предложениями»⁴⁴. Отсюда убеждение, что они получают зарплату «не по совести»⁴⁵. Вполне понятным выглядело предложение рабочих сократить зарплату спецам.

Если сравнивать жилищные условия, то что-либо утверждать однозначно нельзя. Сложность связана с выявлением жилищных условий инженерно-технической интеллигенции. Полномасштабного исследования жилищной проблемы специалистов, в отличие от рабочих, государство не делало. Обследования, проводимые органами ВМБИТ, носили эпизодический характер и не дают полной картины.

В 1927 году Костромское ГМБИТ провело анкетирование. Из 434 опрошенных 4,4 % признали свои жилищные условия хорошими, 44 % — удовлетворительными и 51,6 % плохими⁴⁶. К сожалению, в исследовании не конкретизировалось содержание данных показателей. По косвенным данным (письма ИТР в ВМБИТ с жалобами на свои жилищные условия), можно судить, что под хорошими условиями специалисты полагали наличие комнаты на каждого члена семьи, гостиной и кабинета для работы. Неудовлетворительным считалось проживание с семьёй в одной комнате без коммунальных удобств или в рабочих домах-коммунах. На наш взгляд, костромские показатели можно распространить на те регионы Европейской России, которые не затронули боевые действия Гражданской войны: во-первых, жилищный фонд здесь пострадал меньше всего; во-вторых, малый размер городского жилищного фонда; в-третьих, подселение рабочих в «буржуйские квартиры» носило в регионах локальный характер.

Если говорить об обеспеченности жильём рабочих, то, по данным переписи 1918 года, 14 % рабочих России проживало в казармах, 13 % — в отдельных помещениях, предоставляемых предприятиями, 43 % рабочих снимали жилье и 30 % жили в собственных домах⁴⁷. По данным Всесоюзной переписи населения, 1926 году в Иваново-Вознесенской губернии собственниками жилья являлись 46,7 % рабочих, в Туле — 46,4 %, а в целом по Центральному промышленному району — 21,8 %⁴⁸. В худших

условиях находились новые рабочие: как правило, они проживали в бараках и рабочих домах-коммунах.

Таким образом, претензии к ИТР по вопросу благосостояния могли иметь только новые рабочие, в то время как у квалифицированных рабочих для этого не было предпосылок. Однако такой вывод применим к регионам, в Москве ситуация была иной. За годы Гражданской войны в Москве было разрушено не менее 30 % жилищного фонда, здесь только 0,9 % рабочих были собственниками жилья. По наблюдениям Н. Б. Лебиной, в столицах в большей степени проявилось политическое содержание уплотнения «буржуев», возникала вражда между «уплотняемыми» и «уплотняющими». Появление коммуналок, распространение жителями окраин нравов городских трущоб приводили к повышенной агрессивности⁴⁹. Специалисты, которых общество воспринимало как «бывших», в полной мере это испытали на себе.

Таким образом, «спецеество», являвшееся главной проблемой во взаимоотношениях между рабочими и инженерно-технической интеллигенцией, тесно связано с социальными процессами, происходившими внутри рабочих масс. Наибольшее распространение оно получило среди новых рабочих. Отсутствие собственного жилья, низкая заработная плата приводили к асоциальному поведению. Вчерашние крестьяне, находясь относительно инженерно-технической интеллигенции в более худшем материальном положении, выступали за передел. Примитивное восприятие культурных ценностей и враждебное отношение к незнакомой культуре, готовность к поддержке радикальных лозунгов, характерные для маргинальной части рабочих, способствовали развитию «антиспецовских» настроений. Эта категория увлекала в конфликт политически инертных и ориентированных на экономическую выгоду рабочих.

Примечания

¹ *Ларин Ю.* Интеллигенция и советы : хозяйство, буржуазия, госаппарат. М., 1924 ; *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 22 ; *Документы Ф. Э. Дзержинского по хозяйственным вопросам (1922—1926 гг.)* // Исторический архив. 1960. № 2 ; *Корицкий Э. Б., Лавриков Ю. А., Омаров А. М.* Советская управленческая

- мысль 20-х гг. : крат. имен. справ. М., 1990 ; *Толстомятов В.* Специалисты в производстве. М., 1926 ; и др.
- ² *Бейлин А. Е.* Инженерно-технические кадры промышленности. М., 1930 ; *Петровский Д. А.* В борьбе за новые технические кадры. Л., 1930 ; *Швейцер В.* Борьба за кадры пролетарских специалистов. М., 1932 ; *Самарцева Е. И.* Интеллигенция в России в Отечественной историографии (1917—90-е годы XX века) : дис. ... д-ра ист. наук. Тула, 1999. С. 48—51.
- ³ *Бродский Л. И.* Идеино-политическое воспитание технических специалистов дореволюционной школы в годы первой пятилетки // Тр. Ленинград. политехн. ин-та им. Калинина. № 261. Л., 1966. С. 71—79 ; *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 380—394, 454—455.
- ⁴ *Федюкин С. А.* Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству. М., 1960 ; *Он же.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965 ; *Халиулин Г. Г.* Производственно-техническая интеллигенция в Западной Сибири (1921—1937 гг.). Томск, 1983 ; и др.
- ⁵ *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. С. 300.
- ⁶ *Кондрашёва М. И.* Коммунистическая партия — организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917—1927 годах. Иркутск, 1985 ; *Полев В. П.* Некоторые вопросы историографии борьбы за интеллигенцию на Урале в 1917—1937 гг. // Урал и проблемы региональной историографии. Свердловск, 1986 ; *Бакулин В. И., Лейбович О. Л.* Рабочие, «спецы», партийцы: о социальных истоках «великого перелома» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98—110.
- ⁷ *Крыштановская О. В.* Инженеры, становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 86.
- ⁸ См., напр.: *Суслов А. Б.* «Спецеедство» на Урале в 20-е гг. // Интеллигенция в политической истории XX века : тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1992. С. 122—123 ; *Красильников С. А.* Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922—1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть (1917 — конец 30-х гг.). Новосибирск, С. 34—58 ; *Делицой А. И.* Спецеедческие настроения в СССР в середине 1920-х гг. // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции : тез. докл. междунар. конф., посвящ. 80-летию «философского парохода». Пермь, 2002. С. 45—46 ; *Абрамов В. Н.* Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 — конец 30-х гг.). СПб., 1997. С. 3—25 ; и др.

- ⁹ См., напр.: *Пыстина Л. И.* Спецеедство в Сибири в 1920-е гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920—1930-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 122—150; *Она же.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е — начале 1930-х гг. (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999; *Она же.* Льготы и привилегии интеллигенции в советской России в 1920-е годы (проблемы изучения) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 31—34; *Она же.* «Спецеедство» в Сибири // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920—1930-е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 122—150; *Она же.* К вопросу об изменении облика российских инженеров в послереволюционные годы (традиции и новации) // Городская культура Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 112—120; *Халиулин Г. Г.* Производственно-техническая интеллигенция и рабочие: проблема социально-классовых отношений // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993. С. 130—137.
- ¹⁰ См., напр.: *Пыстина Л. И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири... С. 7.
- ¹¹ См., напр.: *Абрамов В. Н.* Техническая интеллигенция России...; *Волков В. С.* Интеллектуальный слой в советском обществе. URL: <http://SWOLKOV.narod.ru>.
- ¹² *Ильухов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917—1929 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 1999. С. 17.
- ¹³ История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984. Т. 2. С. 193.
- ¹⁴ *Сарябьянов Вл.* Производственная пропаганда // Вестник труда. 1920. № 20. С. 82.
- ¹⁵ *Радышевский Н.* О спецеедстве // Инженерный труд. 1926. № 9. С. 386.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ) Ф.Р. 5548. Оп. 6. Д. 5. Л. 128.
- ¹⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М., 2001. Т. 4. С. 754.
- ¹⁸ *Орлов В. Н., Богданов С. В.* Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930—1950 гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article143.html>.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 8. Д. 61. Л. 47.
- ²⁰ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1792. Л. 20.
- ²¹ Там же. Д. 1714. Л. 20.
- ²² ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 4. Д. 43. Л. 53.
- ²³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1792. Л. 21.
- ²⁴ Там же. Л. 16.
- ²⁵ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., 2009. С. 252.

- ²⁶ *Ульянова С. Б.* Рабочие в массовых хозяйственно-политических кампаниях 1920-х гг. // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии : материалы междунар. науч. конф., посвящён. памяти проф. Ю. И. Кирьянова : в 2 ч. Кострома, 2003. Ч. 2. С. 84.
- ²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 1728. Л. 17.
- ²⁸ Центр документации новейшей истории Костромской области (далее — ЦДНИКО). Ф. 48. Оп. 11. Д. 12. Л. 128.
- ²⁹ «Проклятия крестьян падут на вашу голову...» : секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928—1930 годах // Новый мир. 1993. № 4. С. 179 ; ЦДНИКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 94.
- ³⁰ *Буянов В.* Трудовые конфликты и политика профсоюзов // Вестник труда. 1926. № 2. С. 38—39.
- ³¹ *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 258.
- ³² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1792. Л. 17.
- ³³ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 6. Д. 41. Л. 96, 119 ; Оп. 4. Д. 26. Л. 263 (об).
- ³⁴ Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 5, 8 ; Оп. 5. Д. 26. Л. 42 (об) ; Оп. 6. Д. 6. Л. 2 ; Оп. 8. Д. 61. Л. 15 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 338. Л. 5—8. См.: На производственном совещании // Смена. 1926. № 24. С. 3.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 2. Д. 13. Л. 9.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1377. Л. 10.
- ³⁷ Там же. Оп. 87. Д. 199. Л. 71.
- ³⁸ *Пыстина Л. И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири... С. 21.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 8. Д. 64. Л. 14.
- ⁴⁰ Там же. Л. 15.
- ⁴¹ Там же. Оп. 6. Д. 41. Л. 225.
- ⁴² *Ульянова С. Б.* Указ. соч. С. 84.
- ⁴³ Цит. по: *Ульянова С. Б.* Проблемы промышленной повседневности на рабочих конференциях в середине 1920-х гг. // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке : материалы IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Кострома, 2007. Ч. 2. С. 43.
- ⁴⁴ Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 2. Л. 47 (об).
- ⁴⁵ Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 129.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 6. Д. 41. Л. 97.
- ⁴⁷ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Указ. соч. С. 122, 129.
- ⁴⁸ Там же. С. 129.
- ⁴⁹ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. СПб., 1999. С. 182.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)61-283.2

Д. А. Смирнов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ КОНЦА 20-х — НАЧАЛА 30-х ГОДОВ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Интеллигенция Советской России конца 20-х — начала 30-х гг. XX в., оказавшаяся, с одной стороны, на острие общественно-политических процессов во время революции и в первые послереволюционные годы, а с другой стороны, постепенно отстраняемая от руководства ими как сила, не способная обосновать своё право на активное участие в них с точки зрения классовой теории, привлекала, тем не менее, большой интерес зарубежных исследователей именно степенью своей вовлечённости в эти процессы. Одним из первых авторов, избравших её объектом наблюдений, стал немецкий мыслитель Вальтер Беньямин (1892—1940), приобретший сегодня известность благодаря своим искусствоведческим, историческим, социологическим и политологическим работам.

Беньямина рассматривают представителем Франкфуртской школы немецкой философии и социологии, сложившейся на базе Института социальных исследований при университете во

© Смирнов Д. А., 2011

Смирнов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. d-smirnov@mail.ru

Франкфурте-на-Майне в 20-х гг. прошлого века. Мыслитель был старшим товарищем и коллегой Макса Хоркхаймера, Теодора Адорно, Герберта Маркузе. Несмотря на изначальную близость идейных исканий, Беньямин значительно опередил своих коллег, что обнаружилось после Второй мировой войны, когда по инициативе Адорно были переизданы многие его работы и собран большой архив рукописей и черновиков, дневников и воспоминаний, позволивший увидеть глубину и масштаб личности.

Хотя на пути издания его разноплановых работ часто возникали неразрешимые проблемы, благодаря своей социальной активности Беньямин известен сегодня как участник многочисленных встреч интеллектуалов европейских стран в межвоенный период. В частности, как отмечает Карл Шлёгел, Беньямин был завсегдатаем встреч немецких и советских интеллектуалов, организовывавшихся посольством Советской России в Берлине¹. Эти контакты способствовали расширению знаний Беньямина о «новом мире» и позволили ему проверить на практике некоторые теоретические построения.

Одной из таких конструкций была его концепция роли интеллектуала и в целом интеллигенции в социальных процессах в различные исторические эпохи, но, прежде всего, в период революционных изменений, когда один из общественных классов в марксистском понимании, близком Беньямину, возглавляет их и стремится отстаивать свои интересы. Для интеллигенции, являющейся, как показывает новое и новейшее время, лишь соучастником революционных событий, становится особенно важным, по мнению Беньямина, занять место, позволяющее выполнять возложенные на неё обществом задачи.

Вместе с тем интеллигенция Советской России была для немецкого мыслителя не только общественной силой, борющейся за свои права, но и создающей политическое пространство для их реализации. Таким образом, она проявляла свои качества по отношению к другим классам, а также к интеллигенции (или, иначе говоря, интеллектуальному классу) других европейских стран, например Франции или Германии, что также стало предметом его исследований.

События в России немецкий мыслитель мог не только наблюдать со стороны, как многие его коллеги, но и увидеть непо-

средственно во время поездки в Москву в 1926—1927 гг. Уникальные впечатления, почерпнутые в ней, стали основой для размышлений по поводу увиденного на долгие годы. Наблюдения и зарисовки он объединил в «Московском дневнике», из которого впоследствии брал материал для работ о Советской России, явлениях и людях, встреченных во время поездки. Кроме того, впечатления от увиденного в Москве были столь глубоки, а интерес к переменам, происходившим в Советской России, настолько силен, что отдельные герои «Московского дневника» стали для Беньямина значимыми в его рассуждениях на другие темы, например об интеллигенции.

Религиозный мыслитель и писатель Гершом Шолем, близкий друг Беньямина, объясняет острый интерес мыслителя к советской интеллигенции тем, что тот сам ещё не вполне определил для себя отношение к растущему в России строю, в частности, намеревался вступить в Коммунистическую партию Германии, а потому и пытался понять, как меняется художник, писатель в период формирования нового строя². Шолем верно замечает по поводу неуспеха этих попыток: в размышлениях о КПГ Беньямин «точно осознал границы, переступать которые он не был готов» и отказался от вступления в партию³.

Сам Беньямин попытался объяснить своё отношение к интеллигенции Советской России вскоре после возвращения из столицы «нового мира» в предисловии к французскому переводу отрывков из очерка «Москва», которые планировались к публикации в газете «Humanité» в июне 1927 г., но так и не увидели свет. В этом тексте он рассматривал свое внимание к советской интеллигенции как характерное не только для его друзей и коллег в Германии, но для целого поколения интеллектуалов Европы.

На рубеже 10—20-х гг. они пытались осмыслить возможности активного участия в развернувшихся на континенте процессах, а затем на рубеже 20—30-х гг. констатировали их утрату: «Я принадлежу к поколению, которому сегодня между тридцатью и сорока. Интеллигенция этого поколения, пожалуй, надолго стала последней, которая получила совершенно неполитическое воспитание... История Германии послевоенного времени — это в некоторой степени одновременно история приобретения революционного образования этим первоначально левым крылом интел-

лигенции... Всё более и более в Германии ощущается — что особенно важно в этом процессе — сомнительность свободного писателя как такового и мало-помалу ясно понимается, что писатель (как вообще интеллеktуал в широком смысле) осознанно или нет, хочет он или нет, работает по поручению класса и сохраняет свой мандат, полученный от класса... Среди этих обстоятельств сочувствие немецкой интеллигенции к России является не только абстрактной симпатией, её ведёт реальный интерес. Она хочет понять: как выглядит интеллигенция в стране, в которой пролетариат дает ей поручение? как пролетариат конструирует условия её жизни, и как они проявляют себя в окружающем мире? что она должна ждать от пролетарского правительства?»⁴

Иллюстрацией специфичности места интеллигенции в Советской России стал для Беньямина примечательный факт особого отношения к ней со стороны большевистского режима, который он приводит в своем предисловии к публикации в «Humanité»: «Впервые я находился в городе, в котором по одному лишь званию писателя я пользовался льготами материального и административного рода. (Я не знаю ни одного города кроме Москвы, где писателю государственным распоряжением — так как гостиницы находятся в хозяйственном ведении у Советов — снижали плату за комнату)»⁵. Однако политическая власть, предоставляя условия для деятельности и делая интеллигенцию частью системы, считала возможным также требовать «всё большей органичности характера искусства», что отмечено им в интервью газете «Вечерняя Москва»⁶.

Именно поэтому ответы на вопросы, о которых Беньямин говорил в готовившейся публикации в «Humanité», становились для немецких интеллеktуалов серьёзным испытанием в плане переосмысления текущей жизни — политической, общественной, культурной — той страны, которую они посещали. На это он указывал в очерке «Москва», для написания которого на стипендию журнала «Die Kreatur» он и поехал в Советскую Россию: «В России... каждому необходимо выбрать свою позицию. По существу, однако, единственная гарантия правильному пониманию — занять позицию, прежде чем ехать. Увидеть в России может как раз только определившийся. В поворотный момент исторических событий, который если не определяет, то означает факт “Совет-

ской России”, совершенно не дебатруется то, какая действительность лучше или же чья воля на лучшем пути»⁷.

Неудивительно, что все тексты Беньямина, включая в значительной мере очерк «Москва», напечатанные сразу после поездки в столицу «нового мира» или спустя короткое время, чрезвычайно политизированы. И хотя Беньямин стремился «воспроизвести образ пролетарской Москвы, который познают, пусть и всматриваясь сквозь снег и лёд, и даже, прежде всего, физиогномию его трудового дня и нового ритма, проникавшего равным образом в жизнь и рабочего, и интеллектуала»⁸, он признавал, что отнюдь не «пролетариат давал поручение интеллигенции». От его имени это делала политическая власть, партийные органы.

Примером этого для Беньямина стал феномен театрального успеха и механизмы его достижения в Москве, где на него, по мнению мыслителя, не столько влияют, сколько организуют. В заметке «Как выглядит театральный успех в России?», опубликованной в 1930 г., Беньямин, по сути, отрицает существование профессиональной критики в Москве того времени: «Пожалуй, нигде в литературной деятельности политический накал не проявляется с такой откровенностью, как в театре. Его выражает массовая публика. В такой и без того насквозь политизированной стране, как Россия, для отдельного человека не было бы никакого шанса пытаться управлять этой энергией в силу одной лишь своей сущности в качестве рецензента... На место журналистской театральной критики приходит выражение — поначалу спонтанного и бессловесного — приговора масс»⁹. Но приговор формируется на основании партийных директив.

Яркую иллюстрацию проблем для выражения свободного мнения в сфере театральной критики Беньямин увидел в реакции на понравившуюся ему постановку «Ревизора» в театре Всеволода Мейерхольда, о чём он рассказал в «Дневнике»: «Партия высказалась против инсценировки, и умеренная рецензия театрального критика “Правды” была отклонена редакцией». При этом публика в зале аплодировала слабо, поскольку «такие вещи, по видимому, связаны с общей настороженностью при открытом выражении мнения, которая господствует здесь»¹⁰.

Этой же истории с постановкой «Ревизора» Беньямин посвятил заметку «Диспут у Мейерхольда», опубликованную в

феврале 1927 г., где он рассказал о дискуссии после премьеры в доме режиссёра, который пытался понять причину неприятия постановки публикой. Поддержка среди коллег не помогла режиссёру избежать упреков в «буржуазности», хотя «овладение классиками» было «одной из последних партийных директив в России». Беньямин констатировал: «Против Мейерхольда сложился фронт». Его работу «так или иначе, отвергли партия и пресса», и это означало приговор постановке, поскольку «журналисты в Москве апеллировали к партии»¹¹.

Существование культуры в условиях серьёзного партийного давления выстроилось у Беньямина в логичный системный образ их сосуществования, который он представил в 1927 г. в заметке о русском киноискусстве: «Политика является здесь, как и в литературе, сильнейшим источником импульсов, исходящих в виде директив ежемесячно, словно эстафета, от ЦК партии прессы, от прессы — клубам, от клубов — театрам и кино»¹².

Политизированные оценки и мнения самого Беньямина присутствуют и в «Москве», и в самом «Дневнике», но там они выступают наравне с другими рассуждениями и находятся на втором плане. Тексты же, посвящённые художественной жизни, где интеллигенция наиболее заметна, буквально подчинены задачам политического плана: автор либо оценивает политический аспект окружающей действительности, либо проясняет собственную политическую позицию по тем или иным вопросам развития искусства.

Первоначально Беньямин стремился соответствовать обстановке и делал это искренне. Но нарочитость, с которой он это делал, поражала даже тех, с кем он встречался в Москве. Самый яркий эпизод — его встреча с Карлом Радеком в редакции «Большой советской энциклопедии», куда он представил свою статью о Гёте. Беньямин описывал его так: «Случайно как раз в это время там оказался Радек, увидел на столе рукопись и взял её. Он угрюмо осведомился, кто автор. “Да здесь на каждой странице по десять раз упоминается классовая борьба”. Райх доказал ему, что это не так, и заявил, что влияние Гёте, которое пришлось на эпоху усиления классовой борьбы, невозможно объяснить, не прибегая к этому термину. Радек: “Только употреблять его нужно к месту”»¹³. Беньямин пытался прочувствовать ткань жизни, но вместо этого оказался за её пределами, поскольку нужно было не

столько чётко занять позицию, сколько быть готовым к её перемене в любое время.

Не меньше его поразила некомпетентность исследователей: «Я сам мог наблюдать, с какими незнанием и оппортунизмом колеблются туда-сюда между марксистской научной программой и желанием гарантировать себе европейский престиж. Это личное разочарование, однако, так же мало, как трудности и суровость пребывания в Москве в самую глубокую зиму, равняется давлению власти, которое передаёт город, где положение всех жителей подорвано мощными силами, в которые, так или иначе, впутан каждый»¹⁴.

В дальнейшем проводником по городским улицам и политическим коридорам Москвы для Беньямина стал театральный режиссёр и искусствовед Бернхард Райх, его коллега и друг. Именно от него каждый раз он получал «новое наставление, каким острожным здесь надо быть»: «Эта осторожность — один из очевидных симптомов пронизывающей политизации жизни»¹⁵. Она выражала для него суть интеллектуальной атмосферы Москвы того времени. Рассказывая о ней, Беньямин писал в 1927 г.: «Суждение десять раз обдумают, прежде чем произнести его посторонним. Потому что в любой момент партия может мимоходом неожиданно выразить свою позицию в “Правде”, и никто не хочет увидеть себя дезавуированным. Поскольку лояльное убеждение, если и не единственное благо, то все же для многих единственная гарантия прочих благ, каждый обращается со своим именем и голосом так осторожно, что его не понимают граждане стран с демократической конституцией»¹⁶.

Для самого Беньямина политизация означала не партийную программу или готовность принять какую-либо из них, а критическое, практически ориентированное политическое сознание, способность понимать социальные отношения и угадывать нюансы возможных перемен в них. Об этом он скажет позже в одном из своих радиовыступлений¹⁷.

Безусловное принятие идеологической линии как определяющего фактора всей творческой и научной деятельности Беньямин считал неприемлемым. Тем самым она становилась причиной неискреннего отношения к программным идеям и установкам партии, какими бы близкими они ни были интеллигенции. К тому

же, стать частью «нового мира» с центром в Москве означало для него в этих условиях возможную потерю самого себя, поскольку в этом «новом мире» Беньямин должен был стать частью толпы.

Примером соглашательства с идеологической линией для Беньямина стал Райх, создавший тем самым «каркас» для своей работы: «К реальным отношениям, которые она ему здесь обеспечивает, добавляется, конечно, и то, что он тут является представителем господствующего класса. Именно этот процесс формирования всей системы господства и делает жизнь здесь такой содержательной». Такая система стала Клондайком, где «с утра до вечера идут поиски власти»¹⁸. В очерке «Москва» он выразился яснее: «Интеллектуал (в Советской России. — Д. С.) — это, прежде всего, функционер, работающий в цензурном, юридическом или финансовом управлении, где он не обречён на гибель, он причастен к труду, а это значит в России — к власти. Он представитель господствующего класса. Среди его различных организаций самая продвинутая литературная — это ВАПП, Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей. Она поддерживает идею диктатуры и в области духовного творчества»¹⁹.

Однако именно Райх уже в первые дни пребывания Беньямина в Москве высказал ему сомнения по поводу перспектив советской системы в целом и свободной деятельности для интеллигенции в ней: «Его постоянная тема — реакционный поворот партии в делах культуры. Левые движения, которые использовали во время военного коммунизма, оставлены совершенно без внимания... Огромнейшее значение в России придаётся строго определённой — до мельчайших нюансов — политической позиции»²⁰.

Рассуждения Райха о контрреволюции Беньямин дополнил собственными наблюдениями за тем, как государство стремится «деполитизировать повседневную жизнь, так далеко, как это только возможно»: «Предпринята попытка приостановить динамику революционного процесса — вошли, желая того или нет, в процесс реставрации, но, несмотря на это, хотят скопить революционную энергию у молодёжи, как электрическую силу в батарее. Это не проходит. Отсюда в молодых людях, часто первого поколения, которое имеет более чем скудное образование, развивается коммунистическое высокомерие, для которого в России уже имеется собственное название». Беньямин имел в виду такое

явление, как «комчванство», проявившееся у молодых партийных и государственных функционеров и ставшее следствием того, что «революционное приходит к ним не как опыт, а как лозунг»²¹.

Начав движение с позиции западного интеллектуала, симпатизировавшего большевистской идеологии и стремившегося найти в советской действительности воплощение революционных марксистских идей, Беньямин в ходе своего знакомства со страной нашёл совсем иной, но отнюдь не «новый» мир, а вполне традиционный, по его мнению, реставрационный режим, самодовольный и высокомерный, популяризовавший буржуазные культурные ценности в искажённом, убогом виде эпохи империализма.

По его наблюдениям, этот режим был чрезвычайно ограниченным в своих представлениях об окружающей действительности, а значит, имел меньшие основы и потребности для самокритики. При этом, однако, советский режим опасался и ограничил проявление критики внутри страны, как и стремление к новым знаниям у населения. Партия стремилась определять политическое направление рассуждений интеллигенции и не допускать свободы мысли для неё ни в сфере искусства, ни по поводу происходящего вокруг вообще. Революционный настрой отдельных групп интеллигенции пресекался. Факты для анализа контрреволюционных тенденций в Советской России Беньямин обнаружил, прежде всего, в литературе. Теперь это уже была советская литература, а именно группа «Правых попутчиков» (названная по аналогии с «Левыми попутчиками»). Он охарактеризовал её как «в узком смысле националистическую, даже “патриотическую”»²².

Интеллигенция в Советской России в большинстве своём, отмечает Беньямин, была изолирована от остального мира, как и весь народ: «Из-за отрезанности России от заграницы сильно возрастает трудность получения информации. Точнее говоря: контакт с заграницей идёт главным образом через партию и касается главным образом политических вопросов»²³.

В размышлениях на эту тему Беньямин затронул совершенно особую проблему — проблему самовосприятия России и её жителей, поскольку прежде он наблюдал за ними снаружи, а теперь мог посмотреть изнутри. По его мнению, отсутствие широкого горизонта для самооценки не позволяло советским людям взглянуть на себя критично: «Несомненно, в России знают о загранице го-

раздо меньше, чем за граница (за исключением романских стран) знает о России». Поэтому жизнь в Советской России — повседневная и официальная — уже в то время, спустя лишь десять лет после установления большевистского режима, была наполнена стереотипами, необходимыми режиму для подчёркивания своих достижений в самых разных сферах жизни общества — от экономики до театра и кино. В одной сфере, в экономике, правит червонец, имеющий внутри Советской России чрезвычайно большую ценность, а за её пределами, по словам Беньямина, совершенно не котирующийся. В другой сфере, в кино, публику покоряет своим мастерством «очень посредственный» актёр Ильинский, ставший популярным, по мнению Беньямина, только лишь из-за слабого знакомства в России с фильмами Чаплина, чьим «беззастенчивым и мало элегантным подражателем» он является²⁴.

По сути, это была атмосфера кича, но не только как культурного явления, а как принципиальной основы, метода организации жизни в Советской России середины 20-х гг., в период нэпа: в политике — комчванство, в экономике — червонец, в кино — Ильинский, в повседневной жизни — Эллочка-людоедка. При этом было парадоксально то, что, по замечанию Беньямина, «русскому кино ничего неизвестно об эротике»: «Пренебрежение любовью и сексуальной жизнью, как известно, принадлежит коммунистическому кредо. Изображение трагической любовной интриги в театре или кино было бы воспринято как контрреволюционная пропаганда»²⁵. Любой альтернативный взгляд на жизнь, даже в искусстве, воспринимался с политической точки зрения.

Обстоятельства возникновения такой ситуации в Советской России заставляли обратить внимание на место интеллигенции в процессе укоренения стереотипов в общественном сознании. Интеллигенция выступала в формировании этих искажённых образов не столько в качестве объекта, сколько в качестве субъекта или, по крайней мере, инструмента, с помощью которого фальшивые представления о загранице овладевали сознанием масс. Беньямин отметил стремление партийного руководства влиять на сознание людей, формировать его, например, через образовательные кинопрограммы. Однако и для их понимания был необходим определённый образовательный уровень, который отсутствовал у подавляющей массы сельских жителей, составлявшей большин-

ство населения: «В связи с этим сейчас подумывают о создании “Института изучения зрителя”, в котором можно экспериментально и теоретически исследовать реакцию публики»²⁶.

Во время поездки в Москву Беньямин был как никогда близок к вступлению в компартию. Но этот возможный шаг рисовался ему в острой игре контрастов. Удержала его от этого, прежде всего, необходимость отказа от независимости своих оценок: «Решающие преимущества: твердая позиция, наличие — пусть даже виртуальное — мандата. Организованный, гарантированный контакт с людьми. Против этого: быть коммунистом в государстве, где господствует пролетариат, означает полный отказ от личной независимости. Задача организации собственной жизни, так сказать, уступается партии»²⁷.

В этот момент его размышления о вступлении в партию стали разворачиваться в широкие социально-философские рассуждения по поводу собственных перспектив как писателя и их качества у таких же, как он, в России: «Соблазнительна позиция человека на передовой — если бы не наличие на ней коллег, чьи действия в любом случае демонстрируют тебе самому сомнительность этого положения. В партии: огромное преимущество возможности проецировать свои собственные мысли на словно заданное силовое поле. В отношении положения вне её и его допустимости решающим оказывается, в конце концов, вопрос: можно ли занять положение вне партии с явной пользой в личном и деловом плане, не переходя на позиции буржуазии и не нанося ущерба работе»²⁸.

Наблюдая контрреволюционные тенденции в общественной жизни Советской России и перемену в жизни интеллигенции, отстаивавшей право на выражение мнения, Беньямин логично ставил ряд вопросов: «Что “революционного” есть в её форме, и есть ли вообще. Имеет ли смысл моё нераскрытое инкогнито среди буржуазных авторов. И будет ли решающе полезным для моей работы избегать некоторых крайностей “материализма”, или я должен стремиться к внутрипартийной дискуссии с ними. Эта борьба касается всех ограничений, предполагаемых особой деятельностью, которой я до сих пор занимался. И со вступлением в партию — по крайней мере, экспериментальным — она должна закончиться, если на таком шатком основании эта деятельность

не сможет следовать ритму моих убеждений и организовывать моё существование»²⁹.

Именно такое будущее для себя Беньямин описал позже в очерке «Москва», когда показал, как с этим уже обстоит дело в Советской России: «Не только военные царского режима пошли, как известно, на службу к большевикам. Интеллектуалы со временем тоже возвращаются как специалисты на должности, которые они саботировали во время гражданской войны. Оппозиция, как можно было представить её себе на Западе, — стоящая в стороне или томящаяся под игом интеллигенция — не существует, или, вернее сказать: больше не существует. Она — пусть с разного рода оговорками — заключила перемирие с большевиками или была уничтожена. В России нет — как раз вне партии — никакой другой оппозиции, кроме самой лояльной. Никто не тяготится этой новой жизнью больше, чем именно стоящий в стороне наблюдатель»³⁰. Незадолго перед отъездом Беньямин признал: «Жизнь в России для меня слишком тяжела, если я буду в партии, а если нет, то почти бесперспективна, но вряд ли легче»³¹. В партии его могла бы ожидать перспектива «морального коммуниста», которых однажды Райх охарактеризовал как «обречённых оставаться на средних должностях и никогда не иметь возможность достичь собственно “политических”»³².

Размышляя в одной из бесед в Москве вслед за Райхом о том, почему зачастую интеллигенция в ходе революции, выступая авангардом, переходит на сторону буржуазии и контрреволюции, Беньямин пришёл к любопытной мысли: «История “образованных” людей должна быть материалистически представлена как функция и в строгом соответствии с “историей необразованности”... Подобная история необразованности могла бы показать, как в необразованных слоях общества осуществляется многовековой процесс освобождения революционной энергии из её религиозной оболочки, и интеллигенция обнаружила бы себя не только вечной армией отделяющихся от буржуазии перебежчиков, но и передовым редутом “необразованности”»³³.

Парадокс такого «процесса освобождения революционной энергии» в том, что, выдвигая и продвигая идею освобождения трудящихся, интеллигенция, по мнению Беньямина, становится соучастником «необразованной» массы в её противостоянии

буржуазии. Она борется вместе с ней в период революции против просветительских и либеральных стремлений господствующего класса в отношении этой массы.

Глубокое разочарование, «которым одарила его встреченная реальность», как подтверждают слова Шолема размышления самого Беньямина, стало «резким контрастом» к «оптимистическим ожиданиям», с которыми он ехал в большевистскую столицу³⁴. Именно в пространстве этих шоковых представлений располагаются и впечатления, оценки и суждения по поводу советской интеллигенции как одной из активных участниц процессов в Советской России. Показательно в этом плане, как отмечает Шолем, особенно спустя многие десятилетия, и то обстоятельство, что «почти все люди, с которыми он вообще мог наладить хоть какие-то отношения... были представителями оппозиции, политической или художественной, это различие тогда ещё в какой-то мере существовало. Насколько я мог проследить их судьбу, они раньше или позже стали жертвами формировавшегося уже в то время сталинского режима, обвинённые в троцкизме или прочих политических отклонениях»³⁵.

Это были люди духовно и идейно близкие Беньямину. Не все из них поддались оппортунизму, довольствуясь впоследствии «средними ролями» в обществе. Судьба некоторых персонажей общественно-политической жизни Советской России, прежде всего из среды интеллигенции, их жизнь и деятельность послужили Беньямину, как было отмечено выше, материалом для глубоких изменений его социально-философских идей.

Деятельность отдельных представителей советской интеллигенции и её кратковременная поддержка большевистского государства, а также заинтересованность в ней с его стороны предоставили Беньямину факты для оппонирования с разнородной массой немецких, и шире — европейских, левых интеллектуалов. В конце 20-х гг. Беньямин также настаивал на изучении опыта Советской России и косвенно делал вывод о том, что оно в Германии не находится на должном уровне: «В Германии кроме политической и экономической литературы нет ортодоксально-марксистской литературы. В этом заключалась главная причина удивительного незнания интеллектуалами — включая левых — марксистских вещей»³⁶. Это касалось и рассмотрения теоретических положений, и анализа фактов их практической реализации.

Впрочем, такое наблюдение соответствовало и отмеченному мыслителем низкому уровню осведомленности советской интеллигенции о событиях в мире. И потому Беньямин считал необходимым прилагать усилия для преодоления непонимания и призывал к этому коллег, чтобы взгляд интеллектуалов друг на друга не был искажённым и способствовал росту взаимопонимания между народами европейских стран, даже в условиях острых политических и идеологических противоречий, отравлявших жизнь континента в 20—30-х гг. прошлого века.

Примечания

- ¹ Шлёгелъ К. Берлин, Восточный вокзал : русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918—1945). М., 2004. С. 224.
- ² Шолем Г. Предисловие // Беньямин В. Московский дневник. М., 1997. С. 8.
- ³ Там же. С. 9.
- ⁴ Текст предисловия приводится среди архивных материалов в примечаниях издателей к «Собранию сочинений» Вальтера Беньямина: Anmerkungen der Herausgeber // *Benjamin W. Gesammelte Schriften* : in 7 Bänden. Frankfurt a. Main, 1972—1989. Bd. 6. S. 781—782. Далее цитаты из произведений Беньямина даны в тексте по «Собранию сочинений» мыслителя (*Benjamin W. Gesammelte Schriften* : in 7 Bänden. Frankfurt a. Main, 1972—1989) и приведены в соответствии с принятой в работах о нём сокращённой формой (*Gesammelte Schriften* — GS) с указанием тома и страницы.
- ⁵ Anmerkungen der Herausgeber. S. 782.
- ⁶ Европейское и советское искусство : (интервью с В. Беньямином) // Вечерняя Москва. 1927. 14 янв. Цит. по: *Беньямин В.* Московский дневник. С. 183—184.
- ⁷ *Benjamin W. Moskau* // GS. Bd. 4. S. 317.
- ⁸ См.: Anmerkungen der Herausgeber. S. 782.
- ⁹ *Benjamin W.* Wie ein russischer Theatererfolg aussieht // GS. Bd. 4. S. 562.
- ¹⁰ *Benjamin W.* Moskau Tagebuch // GS. Bd. 6. S. 315.
- ¹¹ *Benjamin W.* Disputation bei Meyerhold // GS. Bd. 4. S. 481—483.
- ¹² *Benjamin W.* Zur Lage der russischen Kunst // GS. Bd. 2. S. 750.
- ¹³ *Benjamin W.* Moskau Tagebuch. S. 366.
- ¹⁴ Benjamin an Hugo von Hofmannstahl, Pardigon, 5. 6. 1927 // *Benjamin W.* Gesammelte Briefe : in 6 Bänden. Frankfurt a. Main, 1995—2000. Bd. 3. S. 257—258.
- ¹⁵ *Benjamin W.* Moskau Tagebuch. S. 357.

- ¹⁶ *Benjamin W.* Moskau. S. 334—335.
- ¹⁷ *Benjamin W.* Gespräch mit Ernst Schoen // GS. Bd. 4. S. 549.
- ¹⁸ *Benjamin W.* Moskau. Tagebuch. S. 358—359.
- ¹⁹ *Benjamin W.* Moskau. S. 339.
- ²⁰ *Benjamin W.* Moskau. Tagebuch. S. 294.
- ²¹ *Ibid.* S. 338.
- ²² *Benjamin W.* Die politische Gruppierung der russischen Schriftsteller // GS. Bd. 2. S. 745.
- ²³ *Benjamin W.* Moskau. Tagebuch. S. 339.
- ²⁴ *Ibid.* S. 338—339.
- ²⁵ *Ibid.* S. 340.
- ²⁶ *Benjamin W.* Zur Lage der russischen Kunst // GS. Bd. 2. S. 750.
- ²⁷ *Benjamin W.* Moskau. Tagebuch. S. 359.
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Benjamin W.* Moskau. S. 327.
- ³¹ *Benjamin W.* Moskau. Tagebuch. S. 394.
- ³² *Ibid.* S. 396.
- ³³ *Ibid.* S. 310—311.
- ³⁴ *Шолем Г.* Предисловие. С. 9.
- ³⁵ Там же. С. 10.
- ³⁶ *Benjamin W.* Eine kommunistische Pädagogik // GS. Bd. 3. S. 209.

ББК 63.3(2)-283.3

В. Л. Семёнов

ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В проблеме движущих сил развития общества существенное место принадлежит интеллигенции. За последние десятилетия общественными науками многое сделано для уяснения роли и места в этом развитии научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Яснее стали представляться особенности, связанные с пониманием её места в бурных перепадах российской истории XIX и XX веков.

Однако многие проблемы российской интеллигенции до настоящего времени ещё не нашли адекватного освещения. В частности, это относится к оценочной, этической функции интеллигенции и её связи с социологической функцией. Между тем эти связи и такое взаимовлияние позволяют более адекватно представить роль интеллигенции в периоды различных социальных движений: восстаний, революций, реформ, войн и т. п.

Российская история двух последних столетий даёт интересный, уникальный материал для того, чтобы предпринять попытку проследить взаимодействие трёх функций интеллигенции: социологической, этической и феноменологической. Это взаимо-

© Семёнов В. Л., 2011

Семёнов Владимир Львович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Пермского государственного педагогического университета. vs_memetov@mail.ru

действие в его конкретных ипостасях создаёт возможности для более полного и объективного анализа роли данного социального слоя в общественном развитии.

Такая постановка проблемы позволяет ещё раз проанализировать генезис идеи общественного движения, его структуру, т. е. движущие силы и роль в них интеллигенции, более рельефно представить причины и факторы, обусловившие особенности российской истории последних веков, их неповторимость, глубину и масштабность и в то же время их трагизм и возвращение к тем формам общественной жизни, которые уже были на Западе.

Представляются приемлемыми три толкования понятия «интеллигенция», которые сложились в нашей социально-философской литературе. В широком смысле под интеллигенцией мы, с одной стороны, понимаем лица любых социальных слоёв и профессий, живущих интеллектуальными интересами и составляющими культурную среду общества, а с другой — социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности¹.

Что касается толкования термина как специфически русского явления, не имеющего аналогов в других странах, то следует заметить: конечно, для России, как ни для какой другой страны мира, было характерно восприятие интеллигенции лишь как части образованного слоя общества, бравшего на себя роль выразителя интересов народа, претендующая при этом на роль его духовного пастыря и представителя перед властью. Широко распространено в социологической традиции мнение о том, что на Западе нет понятия «интеллигенция», его частично заменяет понятие «интеллектуалы». Однако такая постановка вопроса представляется нам неадекватной и не отражающей всей сложности данной проблемы. Встав на такую точку зрения, мы должны будем признать, что на Западе есть отдельные интеллигенты (интеллектуалы), которые озабочены проблемами будущего их стран, а также оптимальных путей, ведущих к этому будущему, и нет интеллигенции, поддерживающей их и принимающей участие в их разработке. Однако руководящая элита социалистических и коммунистических партий стран Запада, например, представляет именно эту часть интеллигенции —

пусть она и не является такой массовой, чтобы оказывать решающее влияние на исторические судьбы этих стран.

В России, в отличие от стран Запада, интеллигенты, занятые судьбами страны, всегда составляли значительную часть всей интеллигенции, причем самую активную и действенную. Они не только пытались ставить проблемы будущего развития страны, но разрабатывали модели этого будущего и путей движения к нему и участия в их реализации. И всё же такая интеллигенция — это не специфически российское явление: она была и есть, в той или иной форме, и в странах Запада. В конце концов, где же черпали идеи и брали образцы наши революционно настроенные интеллигенты? Другое дело, что масштабы и результаты деятельности этой части российской интеллигенции были несопоставимы с аналогичными результатами в странах Запада. Хотя и то, что проделала до многих российских радикалов Французская революция 1789—1794 годов, тоже не следует забывать.

В весьма значительных масштабах деятельности российской интеллигенции в течение двух последних столетий заметными представляются размеры её оценочной деятельности. Они противоречивы. В тех общественных движениях, где интеллигенция как руководящий теоретический персонал терпела неудачу — восстание декабристов, движения народников и народо-вольцев, революция 1905—1907 годов, — оценочная функция интеллигенции выражалась в борьбе за высокие этические идеалы общественного блага, справедливости, свободы, более справедливого распределения собственности; кроме того, она выражалась и в том сочувствии к жертвам движения, которые умирали в борьбе за идеалы.

Другое дело — победоносная Октябрьская революция с её жёсткой тоталитарной диктатурой, массовым террором, фактической ликвидацией демократических свобод. Всё это оттолкнуло часть интеллигенции, которая примыкала к партиям меньшевиков и эсеров, а затем поставило техническую интеллигенцию под жёсткий контроль партийного аппарата, в том числе и тех, кто полностью или частично поддерживали советскую власть.

В этих условиях наиболее способная к активному осмыслению проблем общественного развития страны часть интеллигенции была или уничтожена в результате «большого террора»

30-х годов, или ушла в «глухую» оппозицию. Последняя выразилась в том, что деятельностный аспект этой части интеллигенции, связанный с размышлениями о будущих судьбах России, снимался и оставался на уровне сознания отдельных интеллигентов, хотя и довольно многочисленных. Открыто обсуждать проблемы современного состояния СССР и его будущего было тогда невозможно. В процессе травли и доноительства, которые приняли в то время массовый характер, погибли не только «инакомыслящие», но и значительная часть так называемой марксистско-ленинской интеллигенции.

Глухая оппозиция части российской интеллигенции характеризовалась снижением её инновационной деятельности во всех сферах экономики и общественно-политической жизни. С одной стороны, это на уровне обыденного сознания передавалось народу и приводило к снижению темпов экономического развития СССР, а с другой — к образованию в 1960—70-е годы группы «диссидентов», инакомыслящих, которые, находясь в стране и за рубежом, открыто выражали своё несогласие с существовавшими в СССР порядками. Усилия советского руководства крутыми мерами навести дисциплину в народном хозяйстве страны при Ю. В. Андропове не дали и не могли дать положительных результатов. Они не затрагивали жизненные интересы людей и, прежде всего, интеллигенции. Попытка вдохнуть творческий импульс в интеллигенцию окончилась неудачей.

В условиях затяжного социально-экономического кризиса новый генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв предпринимал усилия по оживлению советского общества на путях демократизации страны и фактического, а не только декларируемого провозглашения демократических свобод. Это привело к новому противоречию между свободой обсуждения общественных проблем и старой, неэффективной государственной экономикой, которая не принимала и не могла принять демократических методов управления. Здесь заключалось основное противоречие перестройки, которое разрешилось созданием рыночной экономики и допущением частной собственности (приватизацией). В этих процессах интеллигенция, освобождённая от жёсткой номенклатурной зависимости, сыграла большую роль. Таким образом, она играет действительно значимую роль в общественном

развитии России только тогда, когда она действует в условиях свободы. Вопрос сопоставимости свободы и «Великой России» по-прежнему далёк от своего решения.

В условиях недемократических режимов роль интеллигенции характеризуется значительными перепадами. Она значительна в периоды интеллектуальных всплесков общественных движений, незначительна после их поражения и постоянно возрастает в периоды спокойного эволюционного развития, когда энергично работает теоретическая мысль, когда нравственные искания разгромленной интеллигенции получают в народе положительную оценку.

Интеллигенцию иногда определяют как часть общества, которая способна к серьёзному аналитическому мышлению². Интеллигенция России достигла значительного уровня развития, формирования понятия «самоценности», когда группы образованных людей осознали свою зависимость от народа, поскольку он кормит, одевает интеллигенцию, создаёт для неё возможность заниматься квалифицированным умственным трудом. Отсюда вытекает идея служения интеллигенции народу, её долга перед ним, которая выражалась в XIX веке в понятии интеллигентской совести. Эта идея в неоформленном виде была присуща уже декабристам. Она приняла характер целенаправленного учения у народников после публикации «Исторических писем» П. Л. Лаврова.

Одним из основных теоретических положений декабристов был тезис об улучшении жизни народа, которое они видели в ликвидации крепостного права, ограничении царского самодержавия, замене его конституционной монархией и даже республикой (П. И. Пестель). Дворянские революционеры хотели выполнить эту задачу при помощи войск, которыми они командовали. В этом проявилась их недооценка роли народа в истории, приведшая их, в конечном счете, к поражению. После суда и ссылки в Сибирь многие из них сыграли значительную роль в развитии культуры местного населения. Оставшиеся в живых декабристы были амнистированы в 1856 году императором Александром II. Они приняли активное участие в реформах 1860-х годов. Оценочная функция декабристов выразилась в понимании частью их представителей, уже после восстания 14 декабря 1825 года, ошибочности непризнания решающей роли народа в восстании, что

было обусловлено отставанием общественного сознания от общественного бытия.

Значение этической функции в движении декабристов нашло отражение в идее жертвенности их выступления. Руководитель Северного общества декабристов К. Ф. Рылеев говорил: «Предвижу, что не будет успеха (восстания. — В. С.), но потрясение необходимо, тактика революций заключается в одном слове: дерзай и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других»³.

Эта мысль проходит у Рылеева сквозной темой в его творчестве. В поэме «Наливайко», посвящённой руководителю крестьянского восстания на Украине 1594—1596 годов, он писал:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?⁴

Идея о том, что жертвы восстания не напрасны, что они прямо или косвенно будут способствовать воспитанию новых поколений борцов за счастливое будущее народа, звучит здесь у К. Ф. Рылеева очень отчётливо.

Социологическая и феноменологическая функции декабристской интеллигенции обусловили большое отставание от них оценочной функции на первом этапе российского освободительного движения. В некотором роде это отставание наблюдается до сих пор. Ведь сколько слёз пролито о сосланных декабристах, их героических жёнах! А что мы знаем о выведенных ими на Сенатскую площадь солдатах, расстрелянных картечью, потопленных в Неве, запоротых шпидрутенами, замученных в рудниках Сибири? Зато в последующем эта функция действовала как соответствующая революционная традиция, направленная на борьбу против самодержавия.

На втором демократическом этапе российского освободительного движения, пусть наивно и неумело, разночинская интеллигенция уже попыталась непосредственно вовлечь народ в участие в тех формах революционного движения, которые тогда име-

ли место. Формы этого движения были различными: от хождения в народ летом 1874 года до политического единоборства «Народной воли» с царским самодержавием в 1879—1881 годах, окончившегося смертью Александра II и разгромом «Народной воли».

Оценочная функция интеллигенции на этом этапе русского освободительного движения выразилась в том, что здесь уже прямо идеологи разночинной интеллигенции, вслед за П. Л. Лавровым, говорят о долге интеллигенции перед народом. И что особенно важно, они фиксируют данное положение не после общественного движения, не как его результат и причины его неудачи, а как нравственный стимул, как фактор, обуславливающий его необходимость. Это придавало борьбе кучки революционеров-народовольцев с царским самодержавием героический ореол, получивший высокую оценку у революционеров последующих десятилетий. Феноменологический аспект именно на этом этапе становится ярко выраженной доминантой общественной жизни России.

Этическая функция интеллигенции была одним из важных стимулов «хождения в народ». Народники хотели помочь народу, научить его, показать ему пути, ведущие к светлому и лучшему будущему. Однако поскольку главной средой, объектом своего воздействия народники избрали парцеллированное крестьянство, поскольку они плохо знали его интересы, цели и стремления, то потерпели поражение. Народовольцы же избрали главным стратегическим средством борьбы с царизмом ошибочную тактику индивидуального террора.

Поражение народнической интеллигенции было обусловлено её идеологической раздробленностью. Она была по-разному ориентирована: на П. Л. Лаврова — лавристы, ставящие перед собой задачи длительной агитации народа; на М. А. Бакунина — бакунисты, «вспышечники», считающие, что народ готов к бунту, его нужно только «поджечь»; среди народников были и немногочисленные сторонники П. Н. Ткачева — заговорщики. Крестьяне довольно часто не только не шли за пропагандистами, но и выдавали их полиции, поскольку последние не могли внятно предложить им средств увеличения их земельных наделов. Народнической интеллигенции на втором этапе русского освободительного движения не удалось достичь успехов вследствие противоречия между целями и применяемыми средствами.

В период первой русской демократической революции 1905—1907 годов движение народных масс опережало этическую функцию интеллигенции. Причём оценки принадлежности к интеллигенции зачастую были субъективными и зависели от политических задач, которые ставили перед собой различные политические партии. В этом проявлялась стихийность движения, участие в нём различных политических партий, классов и социальных групп, в которых идейные функции выполняла интеллигенция, наиболее действенная часть которой была расколота между рядом политических партий. Молодёжь, значительная часть студенчества, ориентировалась на левые партии эсеров, большевиков, эсеров-максималистов, которые, в свою очередь, так или иначе, ориентировались на террористические методы борьбы, различного рода экспроприации. В результате за годы революции и у сторонников власти, и у революционеров — несколько тысяч погибших.

В период первой демократической революции 1905—1907 годов и в последующие за ней годы этическая функция интеллигенции, принадлежавшей и к правому правительственному лагерю, и к левому, революционному, несмотря на различия между ними, находилась в значительной мере в подавленном состоянии, с одной стороны, под влиянием военно-полевых судов, а с другой — террористических актов.

Это обусловило незрелость проявлений всех функций интеллигенции в февральской революции 1917 года и выразилось в том, что демократические партии меньшевиков и эсеров, придя к власти, в течение нескольких месяцев продолжали обанкротившуюся политику царизма и дали время и возможность большевикам организовать заговор, склонить на свою сторону солдат Петроградского гарнизона, часть рабочего класса и свергнуть Временное правительство.

Своеобразное снятие этической функции интеллигенции в ходе Октябрьской революции объясняется тем, что её руководителем — не без подсказки с Запада — избран сценарий развития, в основе которого были насилие и кровь. Затем в условиях выживания среди ужасающей разрухи руководящая сила движения превратилась в исполнительницу интеллектуальных функций, прежде всего, в сфере материального производства. Во всех

остальных областях культуры — образование, здравоохранение, искусство — интеллигенция тем более становилась только исполнительницей заказов партийной верхушки. Последняя же в мгновение ока сформировалась как партийная номенклатура — наследница неистребимого российского чиновничества, государственной бюрократии.

Воздействие на интеллигенцию прежними дореволюционными методами закономерно привело к террору. После смерти Сталина произошло смягчение режима кровавой диктатуры, однако, режим контроля партийной бюрократии над интеллигенцией продолжал сохраняться.

В этих условиях некоторого ослабления жёсткого контроля над интеллигенцией возникло движение диссидентов, которое в ходе своего расцвета достигало порядка 200 человек, живших, в основном, в эмиграции и высказывавших свои точки зрения по всем вопросам, в которых они были не согласны с советским руководством. Преимущественно это касалось сферы культуры. Используя средства массовой коммуникации стран Запада, а также самиздат в СССР, они приобрели влияние на советское общество гораздо более значительное, чем их численный состав. Среди диссидентов наибольшую известность получили академик Сахаров и писатель Солженицын, причём в их популяризации власть сыграла едва ли не бóльшую роль, чем сами результаты деятельности диссидентов.

Период перестройки характеризовался нарастающим расколом интеллигенции. Часть её, воспользовавшись свободой слова, стала поддерживать все нововведения М. С. Горбачёва, а затем, радикализуясь, и Б. Н. Ельцина. С другой стороны, значительная часть партийной интеллигенции заняла выжидательную позицию по отношению к «крикунам»-демократам. Однако эта часть вела себя очень пассивно. Причина этого, по-видимому, заключалась в крайней дискредитации социалистических порядков недалёкого прошлого. Это не позволяло поднять сколь угодно значительную массу народа на защиту скомпрометированного социализма.

Убедительным свидетельством в пользу данного утверждения являются события, связанные с попыткой взятия власти так называемым Государственным Комитетом по Чрезвычайному

Положению (ГКЧП), пытавшимся остановить сползание СССР в сторону демократических преобразований. Однако усилия гкачепистов не были поддержаны народом и в течение трёх дней потерпели полный крах. Против ГКЧП выступил президент Б. Н. Ельцин, который возглавил борьбу против этой попытки контрреволюционного переворота. Место резиденции Б. Н. Ельцина стало обрастать таким количеством сторонников, что руководители ГКЧП не решились дать команду подразделениям КГБ на штурм Белого дома. События 19—22 августа 1990 года показали, что большинство народа и армии было на стороне Б. Н. Ельцина, а гкачепистов поддержала только незначительная часть партийно-государственного аппарата.

В эти дни наиболее активные представители интеллигенции проявили себя самым лучшим образом, встав на защиту президента РСФСР и демократии в России. Во всех уголках страны интеллигенты организовали тысячи митингов совершенно однозначной направленности — в защиту демократии, видя в ней единственное средство против возможного возрождения диктатуры и террора. В этих условиях именно интеллигенция, собираясь в группы и организуя массовые протесты, спасла положение и воспрепятствовала возвращению к дискредитировавшим себя общественным порядкам, в то время как огромная, но уже разлагающаяся, фактически обезглавленная КПСС в такие ответственные дни никак не проявила себя. Поэтому, когда Б. Н. Ельцин — президент РСФСР запретил указом на территории Российской Федерации функционирование КПСС, никаких активных действий в защиту партии не последовало. Не было забастовок, демонстраций, не говоря уже о попытках восстания. Партия сгнила на корню. Основная оппозиция демократам после развала СССР, в самом конце 1991 года, сконцентрировалась в Государственной Думе Российской Федерации.

Консервативное большинство Думы во главе с Русланом Хасбулатовым решилось на открытое выступление против демократов и президента Б. Н. Ельцина. Однако после обстрела танками дворца Белого дома, где располагалось думское руководство, это выступление было подавлено. В событиях 1993 года большинство интеллигенции поддержало демократов во имя лучшего будущего страны, а коммунистическое влияние в Думе

после каждых выборов в неё постепенно ослабевало. Наконец, коммунистическая фракция в Думе стала одной из «разумных» оппозиционных сил, не оказывающих решающего влияния на прохождение законов, необходимых «Единой России».

Взаимосвязь между социологической, оценочной и феноменологической функциями интеллигенции заключается в том, что каждая из них создает почву, условия для действия другой. Социологическая функция интеллигенции представляет собой структурные изменения этого социального слоя, которые обуславливают формирование массовой, прежде всего научно-технической, его составляющей, из которой выходят интеллигенты, ставящие перед собой цель борьбы за справедливые демократические отношения в России. Самым выдающимся из них в последней трети XX века был академик А. Д. Сахаров.

Если социологическая функция интеллигенции отражает её массовую составляющую, которая формирует соответствующий новым техническим условиям развития общества квалифицированный человеческий базис, то оценочная функция интеллигенции формирует новые справедливые общественные отношения, которые должны прийти на смену старым. Эти ценностно-императивные установки на феноменологическом уровне находят свое конкретное выражение в разноплановых действиях интеллигенции, направленных на обеспечение справедливых общественных отношений в России.

Социологическая функция упорно низводит интеллигента до положения «служащего» с надеждой признания его за «интеллектуала». Феноменологическая функция в настоящее время принесена в жертву торжеству признания «пост-индустриальной» и «глобалистской» модели развития. Победившие интеллигенты ушли во власть, «неперестроившиеся» вновь оказались в «глухой» оппозиции.

Возникает вопрос: какую позицию занимает российская интеллигенция относительно будущего России? Этот вопрос имеет прямое отношение к оценочной функции интеллигенции.

Отвечая на него, необходимо подчеркнуть, что российская интеллигенция, как правило, исповедовала принцип служения передовой идее, очень часто в ущерб собственной национальной традиции и культуре. Сейчас возникла проблема: сумеет ли рос-

сийская интеллигенция преодолеть традицию западного эпитонства и повернуться лицом к собственному народу, к его нравственно-религиозной и культурной традиции?

«Наша цивилизованная традиция, — писал известный политолог А. С. Панарин, — обязывает нас осмыслить постиндустриальное будущее человечества не в контексте морального устаревшего технократического технологизма, обречённого преклоняться перед западной технической цивилизацией, а в контексте нравственной идеи, со времён христианства неизменно обращённой не к победителям, не к алчным господам мира сего, а к “нищим духом”, которые “наследуют землю”. Именно эта стратегия альтернативного постиндустриализма способна воссоздать Россию как центр нового мирового притяжения»⁵.

Думается, что в этих словах лапидарно выражена этическая функция российской интеллигенции относительно будущего страны, имеющая право на существование.

Примечания

¹ Меметов В. С., Расторгуев В. Н. Интеллигенция // Большая российская энциклопедия : в 30 т. Т. 11. С. 431.

² Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Интеллигенция // Новая философская энциклопедия. М., 2002. Т. 2. С. 130.

³ Рылеев К. Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 11.

⁴ Там же. С. 348.

⁵ Панарин А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX в. М., 1998. С. 348.

ББК 63.3(2)64-283.3

Ю. В. Ветошкина

ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ГЛАМУРА

На первый взгляд, интеллигенция и гламурность — явления несовместимые. «Гламур — это заговор огромных корпораций против человека, — так считает современная журналистка и телеведущая Авдотья Смирнова, — там и человека-то, как вы понимаете, нет, там только потребитель. Гламурные журналы — министерство пропаганды этой хунты.

Именно они внушают идею вечной молодости, отвергая огромную культурную и цивилизационную категорию — старость. Именно они навязывают внешние и поведенческие стандарты, униформу, вытаптывая индивидуальности. Они до полного уже безумия раскручивают маховик консьюмеризма, они делают из людей рекламоносителей.

Они создают новые символы и, соответственно, новую религию, в которой на месте счастья — богатство, на месте поступка — покупка, вместо любви — половая физкультура, вместо самопознания — тесты, вместо борьбы с грехами — диеты, вместо семьи — фитнес-клуб, вместо мировоззрения — сезонная мода¹.

Однако в современном социокультурном пространстве отечественной культуры интеллигенция и гламур существуют вме-

© Ветошкина Ю. В., 2011

Ветошкина Юлия Владимировна — соискатель кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры; заместитель заведующей редакционно-издательского отдела Пермского государственного института искусства и культуры. kame-yuliya@ya.ru

сте, возможно, на одной «площадке», где сталкиваются различные вкусы, ориентиры, ожидания и соблазны.

Прежде всего, нужно определиться с понятиями, для этого охарактеризуем оба культурных явления. Под интеллигенцией мы понимаем определённую социальную группу; а гламур, в свою очередь, — это социокультурное явление. Восприятие интеллигенцией гламура — это культурологическая проблема. Собственно эта тема и будет рассматриваться в статье.

Существенное свойство, присущее интеллигенции, — интеллигентность. «К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Основной принцип *интеллигентности* — интеллектуальная свобода — свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли»².

«Гламур» и производное от него «гламурность» проявляются через способ эстетического потребления. Человек, приобщённый к «системе гламура», всё время вынужден что-то покупать, это так называемое брендовое потребление. Как писал Жан Бодрийяр: «...более того, покупка одной вещи часто вызывает необходимость приобрести целую серию сопроводительных товаров...»³, так рождается безудержное потребление или «потреблятельство»⁴.

Попробуем соотнести два явления — интеллигенцию и гламур. Поскольку они представляют из себя разнопорядковые феномены: социальную группу и культурное явление, то сравнивать их напрямую не представляется возможным, мы будем делать это опосредованно.

Сравнивать интеллигенцию как социокультурную группу мы можем только с другой социокультурной группой. Противостоящей интеллигенции и развивающейся с ней в один и тот же исторический период является социальная группа, именуемая «мещанством». Мещанство исторически возникает раньше интеллигенции. Мещанство и интеллигенция образуют, как сказали бы гегельянцы, диалектическую пару понятий. Собственно и те, и другие — продукт разложения традиционного общества.

История интеллигенции напрямую связана с эпохой модернизации. Модернизация — это переход от традиционного общества к индустриальному.

И интеллигенция, и мещане — наследники сословия аристократии, которое заложило основы, получившие дальнейшее развитие. Только если интеллигенция переняла такие характеристики, как кодекс чести, мессианскую функцию, приверженность духовным ценностям и веру в общественный прогресс; то для мещан стали характерны практичность, семейные устои, ценность комфорта. Мещанские представления о красоте сугубо утилитарны, образец искусства для них — мещанская или буржуазная драма. Г. В. Плеханов писал, что «героем буржуазной драмы является тогдашний “человек среднего состояния”, более или менее идеализированный тогдашними идеологами буржуазии... буржуазная драма <...> проповедует буржуазные семейные добродетели»⁵.

Возникшей социокультурной группе интеллигенции нужно было как-то самоопределиться, и это делалось путём соотнесения себя с мещанами и полным отрицанием их образа жизни, традиций и устоев. «Важнейшая черта интеллигенции — её индивидуализм, приоритет личности <...> борьба с вековечным злом человеческой жизни: узостью, посредственностью и безличностью», — замечал В. И. Иванов-Разумник⁶. Соответственно «...мещанство — узость формы, плоскость содержания, безличность духа»⁷. Интеллигенция самоопределяется как «антимещанство».

Интеллигенцию как особую социокультурную группу можно описать, учитывая два обстоятельства: объективные условия её существования в социальной структуре и культурную среду, ею созданную, поскольку и по сей день «интеллигенция, как жизненная реальность, находится в постоянном развитии...»⁸.

К появлению интеллигенции привело разложение сословного строя. Русский термин «разночинцы» очень точно выражает её социальный генезис. Разночинцы, а именно люди разного чина и звания, — это та межсословная, юридически не вполне оформленная категория населения в Российском государстве, которая не принадлежит ни к одному из установленных сословий.

Лица, которые получили образование, в повседневной жизни именовались разночинцами. К ним относились выходцы

из духовенства, купечества, мещанства, крестьянства, мелкого чиновничества.

Разночинцы получали образование, но не находились на государственной службе и были вынуждены существовать на доходы от своих личных занятий, в основном от умственного труда. В этом смысле термин «разночинцы» употреблялся в XIX веке как синоним термина интеллигенция. Значительная часть интеллигентов была разночинцами, таким образом сформировался слой разночинной интеллигенции. Они выступали не только как новый социальный слой, но и как носители новой идеологии — демократической, либеральной или революционной.

Интеллигенция полагает, что своей энергией и активностью ума она обязана способствовать возвышению культуры и её чистых, подлинных образцов. Интеллигенты считали себя призванными направлять свою духовную энергию на сохранение культурных ценностей и нравственного климата в России, вносить идеи гуманизма в сознание народа, изменять мышление людей, обогащать нравственную атмосферу общества. Подлинное искусство, с точки зрения интеллигенции, не соотносимо с коммерцией.

Мещанство, напротив, придерживается «культуры комфорта» — китча. Слово «китч» — калька с немецкого языка. Под китчем мы понимаем объект эстетически низкопробного производства, который массово тиражируется, опирается только на повторение условностей и шаблонов и лишён творческого начала и подлинности, демонстрируемых истинным искусством. Собственно китч — это и есть предвестник современного нам гламура.

Гламур как явление зародился в США. Первая эпоха гламура Америки, каким мы его знаем сейчас, началась в 1930-е годы XX века. Связано это было с расцветом Голливуда, который являлся настоящей фабрикой по производству звёзд. Грета Гарбо, Луиза Брукс, Марлен Дитрих — первые представительницы этого стиля. Плавные движения, драпировки, мундштуки, джаз — кинематограф требовал выразительности и четких линий в макияже, причёске, одежде.

«По бульварам этого провинциального городка рыскают стаи молодых девушек с удивительно красивыми телами и удивительно злыми глазами», — писали о Голливуде попавшие туда в начале 30-х годов прошлого века советские писатели Ильф и Петров.

«Фабрика звёзд была фабрикой в полном смысле этого слова. В начале конвейера стоял агент с томами портфолио провинциалок с красивыми телами и злыми глазами. Отобранная им заготовка попадала в руки стилиста, который отшлифовывал её, а потом надевал на неё меховое манто. Следующим был визажист, который подводил ей губы и брови; потом шёл фотограф, который делал чувственные съёмки для открыток и журналов. Наконец, наступала очередь режиссёра, который снимал старлетку в красивом кино про красивую жизнь... И рождалась звезда, которой зритель рукоплескал не как вчерашней “пэтэушнице”, а как символу совсем другой жизни — такой светской и такой недостижимой. Тем самым фактически рукоплещая абсолютно искусственному, замещающему реальность продукту. А продукт тем временем, как и полагалось, эффективно стимулировал потребление. В том числе — и со стороны самой же рукотворной звезды, которая теперь всем строем личной жизни была вынуждена соответствовать созданному ей же на киноэкране образу»⁹. В приведённом тексте отчётливо постулируется сущностная характеристика гламура. Гламур — это не конкретная вещь (-и), гламур — это образ.

Позже, в 1940-х годах гламур обосновался в Европе, изуродованной войной, где тоже была потребность в «красоте». Женщина скинула серые тряпки военных лет и снова стала воздушной и ухоженной, надела каблуки, поехала в сверкающем автомобиле. Появился стиль «нюу лук», который Симона де Бовуар считала доступным только обеспеченным людям.

А ещё позже гламур стал достаточно привычным явлением. Это связано с появлением музыкального направления — глэм-рока — гламурный стиль «вышел на улицу» и стал ироничным, гибким, доступным.

В России гламур приобрёл гипертрофированные формы. В российскую повседневность понятие о гламуре просочилось около десяти лет назад, благодаря российским средствам массовой информации — журналам, газетам, телевидению. В 1994 году журнал «Cosmopolitan» впервые выходит на русском языке. Это первая «библия гламура». В средствах массовой информации гламур именуется «глянцем». «Глянец — блестящее покрытие тиражируемой картинки, постоянно воспроизводимой ТВ: в рек-

ламе, в клипе, в сериале... Глянец гримирует изображение, и так уже выделанное, представленное в определённом ракурсе. Глянец — красота для бедных»¹⁰.

В современном нам, обыденном миропонимании «гламур» выступает как оценочное понятие (оценка в данном случае может быть как положительной, так и отрицательной в зависимости от взглядов говорящего). В дискурсе интеллигентов «гламур» (как и реклама) — бранное слово.

Если определять рамки гламура, то мы понимаем под ним всё то, что с определённой частотностью и регулярностью транслируется средствами массовой информации. Гламур на сегодняшний день — это продукт медийных технологий.

Обратимся к понятию рецепции, вынесенному в название статьи. Как известно, рецепция — это усвоение и приспособление данным обществом социологических и культурных форм, возникших в другой общественной среде. Каким образом происходит рецепция явления «гламур» на российской почве? В России гламур возникает в конкретно-исторической «ситуации шторма». В 90-е годы общество пребывает в совершенно нестабильном состоянии, интеллигенция находится в поиске новых гуманитарных ценностей, прежние моральные устои заметно пошатнулись, нужна какая-то определённость, хотя бы эстетическая. И в этом смысле гламур, как новая эстетическая форма, очень удобен во всех смыслах.

Лев Рубинштейн охарактеризовал гламур как «новую идеологию... как официальный культурный язык, который отвечает основному направлению в сфере политики, принятым способам представления власти в медиа, позволяет конструировать облегчённый образ мира, где нет проблем, где не требуется усилий, даёт возможность создавать сглаженную репрезентацию жизни, где “всё будет хорошо”, где царит вечный праздник»¹¹.

Россия берёт западные образцы и трансформирует их. И в этом смысле гламур всех мегаполисов сходен. Причины его зарождения различны, а суть едина. Основные потребители гламура — бизнес-сообщество и офис-сообщество. Это тот средний класс, который представляет собой достаточно широкую прослойку в США и достаточно узкую в России.

В целом потребители продукции гламура — это класс «людей знания», занятых преимущественно производством и распределением этих символических знаний. У них есть общие классовые интересы и общая классовая культура¹².

Стиль жизни среднего класса заключается в обретении респектабельности, в том числе и в глазах зарубежных контрагентов, через брендовое потребление. Российская элита в массе своей — не люди постмодерна, которые заявляют свою «самость» через тонкую потребительскую «игру в знаки». Гламурное современное искусство ориентировано на отстаивание институциональной и рыночной стабильности, на создание инертных и продажных (во всех смыслах) социокультурных моделей. Риторика гламура превозносит отказ от социальных преодолений, эстетических прорывов и этического вопрошания.

Остатки советской интеллигенции, желающие сохранить свою идентичность в новых условиях, вынуждены самоопределяться по отношению к «новому мещанству» — среднему классу, и к его философии — философии гламура.

Интеллигентность — предполагает хорошее воспитание, манеры, у «нюю-мещанства» всё это заменяется гламурным образом жизни. Таким образом, интеллигентский образ жизни противопоставлен гламурному образу жизни. Российская интеллигенция, а точнее те люди, которые остались ещё от прослойки «советской» интеллигенции, противостоит современным потребителям гламура — среднему классу. Российская интеллигенция самоопределяется в новых условиях, порицая и отрицая явление гламура и его носителей.

Собственно и средний класс приписывает интеллигенции на страницах своих изданий такие качества, как «неумение» жить, пассивность, утопизм, внешнюю непривлекательность и внутреннюю несостоятельность. В российском журнале «Glamur» в разделе «Карьера» ведущими выступают сугубо практические темы. Вот только некоторые из них: как получить должность и зарплату, которой вы достойны; как правильно планировать свой рабочий день; как распорядиться своими деньгами в период финансового кризиса. Такие понятия, как удовольствие от работы, преданность выбранному делу, апологетами гламура порицаются

как экономически невыгодные и, следовательно, бесполезные и ненужные. Приведём некоторые выдержки из статей подобной направленности: «Методы работы людей старшего поколения, сформированные в 70-е и 80-е, устарели <...> Первейшая мотивация человека — заработать денег, чтобы удовлетворить базовые потребности: в пище, крове, одежде, безопасности. Без этого мы ни о чём другом думать не можем <...> Более того, во многих сферах деятельности вместо того, чтобы годами дожидаться повышения по службе в одной и той же конторе, рациональнее переходить из компании в компанию каждые два-три года — и таким образом находить свое место»¹³. Такое противостояние мы наблюдаем в современной нам повседневности.

Итак, в процессе модернизационных изменений сложились независимо друг от друга два полярных феномена — интеллигенция и гламур. Если интеллигенция выступает как носитель образцов высокого искусства и выражает приверженность духовным ценностям, то мещанство (и соответствующий ему современный средний класс) выступает за ценности материальные и искусство упрощённое и приниженное — гламур. И в то же время, интеллигенция и гламур как «положительный» и «отрицательный» заряды притягиваются друг к другу в том смысле, что самоопределение обоих явлений происходит через «отталкивание» от своей противоположности, т. е. самоопределение строится через отрицание сущности противоположного явления.

Примечания

¹ *Смирнова А.* «Подсудимый не всегда и не везде был таким гадом...» // Критическая масса. 2004. № 4.

URL: <http://www.polit.ru/culture/2005/02/14/morevidunia.html>.

² *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2.

URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/lihachev.txt>.

³ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2006. С. 5.

⁴ Термин, введенный Ж. Бодрийяром.

⁵ *Плеханов Г. В.* Собрание сочинений : в 24 т. Т. 14.

URL: <http://www.plekhanovfound.ru/library/24t.htm>.

⁶ *Иванов-Разумник В. И.* Литературная энциклопедия. Т. 4.

URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le4/le4-4102.htm>.

⁷ Там же.

- ⁸ Меметов В. С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 20.
- ⁹ Бондарь Б. Не дорог квас, дорога изюминка к квасу // Порто-Франко. 2006. № 14. URL: http://4friends.od.ua/~portofr/index.php?art_num=art033&year=2006&nnumb=14.
- ¹⁰ Иванова Н. Гламурно-глянцевая революция уже произошла // Полит.ру. 2009. 25 апр. URL: <http://www.polit.ru/culture/2006/03/13/revoljucia.html>.
- ¹¹ См.: Зверева В. Позывные гламура // Искусство кино. 2006. № 11. URL: <http://www.kinoart.ru/magazine/11-2006/now/vera1106>.
- ¹² См. об этом подробнее: Бергер П. Капиталистическая революция. М., 1994.
- ¹³ Поднять ставки // Glamur. 2007. 20 дек. URL: <http://www.glamour.ru/g-point/career/47295/>.

С. М. Усманов, А. А. Соловьёв, А. В. Зябликов

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ В КОСТРОМЕ

2 ноября 2010 года в Костромской областной универсальной научной библиотеке состоялось обсуждение коллективной монографии «Интеллигенция: вопросы теории и методологии». Данная монография, подготовленная НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете под редакцией доктора исторических наук, профессора В. С. Меметова, вышла в свет осенью 2010 года. И, таким образом, научная дискуссия в Костроме стала первым серьёзным обсуждением нового коллективного труда интеллигентоведов. Организаторами обсуждения книги «Интеллигенция: вопросы теории и методологии» выступили известные костромские учёные — доктора исторических наук Андрей Авенирович Соловьёв и Алексей Вячеславович Зябликов, которые вошли в число авторов обсуждаемого коллективного исследования.

© Усманов С. М., Соловьёв А. А., Зябликов А. В., 2011

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

Соловьёв Андрей Авенирович — доктор исторических наук, профессор, декан Гуманитарного факультета Костромского государственного технологического университета. anh@kostroma.ru

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, зам. декана Гуманитарного факультета Костромского государственного технологического университета. (4942) 31-48-14 доб. 169

Вёл встречу **А. В. Зябликов**. Он отметил, что выпуск данной монографии стал итогом многолетних изысканий, проводившихся НИИ интеллигентоведения под руководством профессора В. С. Меметова. Авторский коллектив составили 12 учёных из Иванова, Костромы и Перми.

Когда речь заходит об истории интеллигенции, заметил А. В. Зябликов, то обычно тут же появляется какая-то нервозность, ненужная горячность. Феномен интеллигенции очень сложен и неоднозначен, и уже поэтому он требует к себе пристального внимания историков, философов, культурологов и специалистов других гуманитарных дисциплин. Родовыми чертами именно русской интеллигенции выступающий назвал способность порождать и лелеять идеологические иллюзии; готовность жертвовать этими иллюзиями в пользу иных, не менее спорных идей; склонность не ощущать реальности за виртуальными общественными идеалами; развитие в своей среде какой-то умственной глухоты к тем предостережениям, которые высказывались представителями творческой элиты России.

Спор западников и славянофилов профессор А. В. Зябликов считает очень характерным для нашей интеллигенции: трудно, например, представить себе наших «политических братьев» — норвежцев, на десятилетия озабоченных выбором между «норманнским» или «франко-германским» путями развития. Затем у русской интеллигенции во второй половине XIX века появляются уже революционно-бунтарские черты. 1905 год породил в русской интеллигенции новые самообманы, сменившиеся, как водится, сомнениями и страхами. В эти годы была плохо услышана мудрая интонация сборника «Вехи». Иллюзиям 1917 года положили конец октябрьские события, которые бывший марксист Петр Струве назвал национальным банкротством и мировым позором.

После этого, продолжал профессор А. В. Зябликов, интеллигенции уже не оставалось ничего иного, как попытаться увидеть в большевике черты справедливого мироустроителя, как-то примириться с происходящим, оправдав его исторической необходимостью. Так что 1937 год кладёт черту под диалогом власти и, так называемой, сочувствующей интеллигенции. Произведён-

ный в 1956 году скромный переучёт идеологических ценностей возродил в интеллигенции воспоминания о её традиционной оппозиционности режиму, породив «шестидесятников», которые соблазнились мыслью «очеловечить» коммунистическое правление. Но, как выразился профессор А. В. Зябликов, «лязгающий гусеницами танков 1968 год раздавил своей нерассуждающей тяжестью пробудившиеся было надежды».

В 1985 году, в связи с начавшейся перестройкой, умы захватила новая эйфория. Наступал звёздный час интеллигенции. Ей позволялось открыто критиковать какие-то отдельные недостатки жизни, ругать наиболее одиозных «красных вождей». Но на этот раз власть переоценила свои силы — и в том, что касается способности удержать под своим влиянием интеллигенцию, и в своих возможностях сохранения всей советской системы.

Смутный полуголодный 1991 год стал триумфом российской интеллигенции и одновременно началом её упадка. Либеральная интеллигенция захлебнулась собственной велеречивостью, утратила предоставленный ей историей шанс.

Сегодня интеллигенция вынуждена, как бывало и раньше, возвращать новые иллюзии. Не желая отказываться от роли духовной наставницы, она в очередной раз пытается разглядеть нового спасителя в персонажах буржуа, олигарха, президента, телемагната. Однако сегодня слово интеллигента тонет в массмедийных прениях, комментариях, заведомых фальсификациях.

XXI столетие оставляет интеллигенции очень мало шансов, что у нового поколения политиков будет уважение к её сединам, что к её слову будут прислушиваться всерьёз. В устах новой политической элиты, подчеркнул профессор А. В. Зябликов, слово «интеллигенция» мы вообще не услышим.

Данный исторический экскурс, как объяснил А. В. Зябликов, понадобился ему для того, чтобы показать трудности разговора об интеллигенции. В таком дискурсе можно выявить те болевые точки, которые порождают эту нервозность и горячность чуть ли не в любом обсуждении судеб интеллигенции. Обсуждаемая монография как раз призвана выявить причины этой ненужной нервозности, попытаться выйти на путь здравомыслия.

В этой связи профессор А. В. Зябликов особо отметил ту характерную ошибку, которую допускают исследователи, когда они смешивают смысловые модели: «дефиниции» и «разновидности». Интеллигенция ведь и родовое понятие, и видовое. Хотя и то и другое обозначается одним и тем же словом «интеллигенция». Например, ставится знак равенства между понятиями «интеллигенция» и «либеральная интеллигенция». «Убежден, это далеко не одно и то же», — заявил А. В. Зябликов. Выход из этого тупика, по его мнению, лежит в поиске новых теоретических концепций и моделей.

Начиная свое выступление, **А. А. Соловьёв** задался вопросом: о чём эта книга? На его взгляд, монография «Интеллигенция: вопросы теории и методологии» посвящена не столько истории интеллигенции, сколько изучению различных подходов к пониманию такого сложного явления, как интеллигенция. Скорее, в книге представлено изложение перспективных путей, по которым может пойти изучение интеллигенции как таковой. Касаясь своей главы об осмыслении взаимоотношений интеллигенции и Церкви, А. А. Соловьёв обратил внимание прежде всего на методологические дискурсы в интеллектуальном поле интеллигентоведения. Так, говоря о семиотическом подходе, профессор А. А. Соловьёв в этой связи охарактеризовал интеллигенцию как своего рода «место памяти», как хранилище определённых традиций. Семиотический подход поэтому позволяет рассмотреть внутренние духовные миры отдельных слоёв и даже личностей внутри интеллигенции.

Не менее интересен, по мнению профессора А. А. Соловьёва, и феноменологический подход к изучению интеллигенции. Он позволяет выйти не только к чему-то уже воплощённому, но и к феноменам, которые лишь наместились. Здесь особенно интересны те точки бифуркации, от которых пошли новые пути развития. Это особенно важно именно в истории мысли, в интеллектуальной истории. Феноменологический подход может быть соединён с микроисторией, так как история интеллигенции напрямую выходит на деятельность тех или иных личностей. Тут появляется возможность выявления различных интенций — не всегда осуществлявшихся, а иногда лишь только задуманных. Интеллигент, являясь квинтэссенцией культуры своего времени, вместе с

тем так или иначе принадлежит к какой-то определённой группе. Хотя здесь речь не идёт о сословиях. Не стоит и всю интеллигенцию рассматривать как своеобразное сословие. Интеллигенция, конечно, есть определённая общность, но совершенно особого рода. В этой связи мы можем применить к её изучению и просопографический подход — с тем чтобы получить её «коллективный портрет», «нарисовав» образы разных её групп. В таком контексте можно говорить об основных сущностных чертах интеллигенции в целом.

Размышляя далее об истории интеллигенции, профессор А. А. Соловьёв особенно выделил послепетровскую эпоху в истории России, которая была вместе с тем Синодальным периодом в жизни Русской Церкви. В это время русская интеллигенция является уже вполне сложившимся социокультурным феноменом, это во многом — «обретённое время» и для светской, и для церковной интеллигенции. Вообще, деление на «светских» и «церковных» интеллигентов часто формально и мало что даёт для исследователя. Профессор А. А. Соловьёв также особо подчеркнул необходимость применения междисциплинарного подхода в интеллигентоведении, что очень поможет как поставить новые вопросы, так и выйти на новые ответы в интеллигентоведческом дискурсе. Вместе с тем выступающий весьма критически оценил возможности применения социологического подхода в современном интеллигентоведении. Было время, когда такой подход давал хорошие результаты, но сейчас это уже далеко не так. Зато использование достижений православной антропологии, экклесиологии и даже эсхатологии вполне возможно и плодотворно в наших дальнейших исследованиях.

Подводя итог своему выступлению, профессор А. А. Соловьёв высказался против излишней идеологизации истории и других гуманитарных наук: «В конце концов, наука интересна в том числе и ради самой науки, так же как искусство ради самого искусства».

Затем к собравшимся обратился доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Интеллигенция и мир» **С. М. Усманов**. Он начал своё выступление с приглашения собравшимся в зале костромским интеллигентам активно сотрудничать с журналом «Интеллигенция и мир», предоставляя на его

страницы свои исследования, наблюдения, рецензии и другие материалы. Ведь Кострома — это прекрасный город, замечательный уголок России. Он ещё и царский город, где, как известно, начиналась история династии Романовых. В этой связи С. М. Усманов высказал предположение, что предстоящий 400-летний юбилей утверждения на российском престоле рода Романовых будет своего рода стимулом и для костромских учёных. Само участие в обсуждаемой монографии костромских учёных А. А. Соловьёва и А. В. Зябликова является особо ценным, поскольку оба исследуют критически важную для истории России эпоху — начало XX столетия, столь значимую и для российской интеллигенции. Изучать её, как и многие другие этапы развития нашей интеллигенции, действительно нужно — изучать не субъективно, а очень основательно, действительно с научной глубиной и всесторонностью.

С. М. Усманов обратил внимание присутствующих на то, что обсуждаемая коллективная монография об интеллигенции является уже второй комплексной работой НИИ интеллигентоведения. Первая вышла в 2008 году и называлась «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции». Многие принципиальные, важнейшие для авторского коллектива соображения были высказаны уже на её страницах. Именно в первой совместной монографии и было, прежде всего, выражено понимание главных существенных проблем происхождения и развития интеллигенции как особого феномена в истории и жизни человечества, причём это понимание неоднозначно. Разные авторы высказали собственные представления о судьбах интеллигенции, показав её бытие по-своему, с различных точек зрения. И здесь заслугой профессора В. С. Меметова было то, что он не навязывал какого-то одного мнения, одного взгляда научным сотрудникам НИИ интеллигентоведения, подчеркнул выступающий. Такой стиль руководства дал свои результаты, что подтверждает уже двадцатилетний опыт работы. Материалы проведённых конференций, защищённые докторские и кандидатские диссертации, наконец, обе коллективные монографии НИИ интеллигентоведения — это те реальные плоды, которые вполне можно представлять на обсуждение с надеждами на то, что они не исчезнут просто так в потоке времени.

Конечно, продолжал профессор С. М. Усманов, об интеллигенции написано очень много, и никого особенно не затрудня-

ет сказать «несколько слов» по данной тематике. На самом деле эта огромная тема очень сложна и неоднозначна. И потому, что очень трудна для её глубокого постижения, и потому даже, что быть интеллигентом не просто. Так, один известный учёный ещё в начале 90-х годов прошлого века в своём интервью очень нервно провозгласил, что он больше не хочет быть интеллигентом. Он много рассуждал о негативных качествах интеллигенции, её ошибках и заблуждениях и закончил заявлением, что отныне он — только интеллектуал. Но такой подход, как полагает С. М. Усманов, не выход из положения.

Принадлежность к интеллигенции — это призвание, от которого нельзя отказываться. Если твоя судьба быть интеллигентом, то нужно без надрывов и истерик добросовестно нести свое служение.

Однако, отметил профессор С. М. Усманов, необходимо не только осознавать свою принадлежность к интеллигенции, надо и исследовать реальный опыт интеллигенции, её прошлое и настоящее, а также и возможные альтернативы на будущее. И здесь действительно не обойтись без качественной методологии, которая только и может дать основательные ориентиры в исследовательском поиске. Нельзя же просто ограничиться эмпирическими наблюдениями и субъективными ощущениями. Их в разговорах об интеллигенции и так уже слишком много.

Хотя, считает С. М. Усманов, может, и нужно изучать интеллигентский дискурс, как это и сделано, в частности, профессорами В. П. Раковым, Ю. М. Вороновым, Г. С. Смирновым и некоторыми другими авторами обсуждаемой монографии. Изучение этого дискурса позволяет по итогам, по тем результатам, которые даёт деятельность интеллигентов, попытаться оценить — куда идёт интеллигенция, чего она достигает или не достигает.

В заключение выступления профессор С. М. Усманов изложил свой взгляд на исторический опыт русской интеллигенции. Он заметил, что сейчас зачастую этот опыт оценивается весьма и весьма критически — в противоположность той апологетике трудов русской интеллигенции, которая была столь характерна для XIX и XX столетий. Так или иначе отечественная интеллигенция очень часто выступала против власти как «реакционной», «антинародной», защищая «униженных» и «оскорблённых», заботясь о

народе, доказывая необходимость «сметь своё суждение иметь». И это была не лучшая позиция, потому что интеллигенции стоило бы не столько выступать против чего-то, сколько за что-то. Она должна отстаивать нечто содержательное, ценное и значимое. А именно — то, что переживёт своё время, да, может быть, и саму интеллигенцию, по крайней мере, данную её генерацию.

Наверное, имея свои идеалы, интеллигенция всегда должна искать истину, в этом её особенность и известные преимущества перед многими другими слоями общества. А кроме того, она должна служить своей Родине. Вот действительно высокие цели, наверное, их трудно оспорить. И в этом — очень серьёзный урок исторического опыта нашей интеллигенции, отметил профессор С. М. Усманов.

В состоявшейся затем дискуссии свои впечатления и мнения высказали некоторые из участников встречи в библиотеке. Как полагает кандидат философских наук, доцент Костромского государственного технологического университета **В. А. Зайцев**, интеллигенция — это всё-таки достаточно узкое понятие. Для интеллигента характерна обострённая нравственная впечатлительность, очень показателен здесь случай Радищева. А вот обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев уже не интеллигент, он — скорее интеллектуал. Вероятно, в обсуждаемой книге понятие «интеллигенция» трактуется слишком расширительно. Интеллигент ведь не ищет истину, он знает истину. Конечно, это глубокое заблуждение, но оно характерно для России.

Декан исторического факультета Костромского государственного университета, доктор исторических наук, профессор **А. М. Белов** подчеркнул, что в российской провинции интеллигенция как таковая по-настоящему являет себя только в эпоху так называемых Великих реформ, т. е. лишь во второй половине XIX века. И здесь судьба интеллигенции такова же, как и у других сословий. Она появляется, а потом сходит с исторической арены. При этом интеллигенция выступает как одно из наиболее творческих сословий. Собственно, великая русская культура столетия является во многом продуктом её деятельности. Ведь интеллигенция и призвана рождать нечто новое, подпитывать общество. А творческий потенциал интеллигенции наилучшим образом раскрывается в самые трудные периоды истории, например в недемо-

кратической самодержавной России. А теперь, когда наступила демократия, мы видим нечто иное, полагает профессор А. М. Белов. Ведь еще недавно, в эпоху перестройки, как горячо здесь, в этой библиотеке обсуждали «Детей Арбата». А вот сейчас, что мы читаем? Поэтому объектом изучения исследователей должны стать условия, которые действительно способствуют расцвету интеллигенции, успехам её деятельности. А это поможет и в наши дни создать условия для творчества, чтобы люди были независимы и думали о главном, а не о решении трудных повседневных проблем. Эти условия должна создать существующая власть.

С. С. Павлов поблагодарил авторов обсуждаемого исследования за то, что они подняли очень важные и актуальные темы. Конечно, сказал выступающий, интеллигенция — это «класс умирающий». И вряд ли он будет востребован XXI веком. Оратор согласился с прозвучавшими уже ранее мнениями о том, что не следует чрезмерно расширять понятие «интеллигенция». В этом отношении, по мнению С. С. Павлова, приходится принять оценку А. И. Солженицына, когда он говорил об «образованщине». Действительно, многие люди, имеющие высшее образование, на деле интеллигентами не являются. Здесь интеллигентов можно сравнить в определённой мере со священнослужителями. В центре мировидения интеллигентов начиная с эпохи Просвещения XVIII века стоит разум. Для них наука — главная основа, которая «сияет как некое высшее и бессмертное существо». Именно поэтому интеллигенты давали обществу моральные нормы, но в своём светском измерении. Только те, кто пытаются создать новую идеологию для общества, а не «плывёт как щепка в ручье», и могут считаться интеллигентами.

Взявший затем слово для реплики **С. М. Усманов** выразил удовлетворение, что в ходе обсуждения заинтересованно рассматривались вопросы о критериях, позволяющих выявить интеллигенцию среди других слоёв и групп общества. В интеллигентоведении об этом уже очень многое сказано, многое написано. Есть известные исследователи, которые приводят весьма серьёзные доводы в пользу более широкого понимания границ интеллигенции. С этой точки зрения, если человек получил образование врача, если он профессор университета, библиотекарь и т. д., значит, он — интеллигент по определению.

Но есть и более узкая трактовка понятия «интеллигенция», сужающая социальные границы. Это — действительно научная проблема, и её надо изучать дальше. Субъективными пристрастиями здесь сделать ничего нельзя, тут нужны действительно научные аргументы и доказательства. В наших монографиях представлены оба подхода, отметил профессор С. М. Усманов.

Главный редактор журнала «Страницы времён» **Н. В. Муренин** напомнил, что и в старой России, и в советскую эпоху интеллигенция решала немаловажные проблемы. А сейчас, сказал выступающий, она не решает ничего, сейчас всё решает «элита». Абрамович, Мамут и многие другие лица как раз и занимаются «обустройством России»; тут всё определяют деньги и власть. Конечно, русская интеллигенция есть, но она мало что решает, и это — очень печальная картина.

Откликаясь на высказывания участников встречи, **А. В. Зябликов** заметил, что мы чувствуем боль интеллигенции, связанную со всеми тревогами и проблемами нашего времени. Мы не боимся об этом говорить, а это доказывает, что интеллигенция в России есть. Мы ощущаем обеспокоенность за молодое поколение, за судьбу русской культуры. И если эта обеспокоенность есть в человеке, значит, он — действительно интеллигент.

Весьма эмоциональным было выступление кандидата философских наук, доцента Костромской государственной сельскохозяйственной академии **О. Е. Малой**. Она говорила о противоречивости сознания российского интеллигента нашего времени, который может быть во многом весьма интеллигентным и вместе с тем ругаться матом, грязно и страшно. Сложно назвать интеллигентом, например, Виктора Ерофеева, сказала О. Е. Малая, хотя он известный прозаик, ведёт передачу «Апокриф» (где много интересных людей). Да, в его романе «Русская красавица» много мата, но не это делает его грязным, там есть что-то ещё. Уж скорее интеллигентом можно назвать его однофамильца — «Веничку» Ерофеева. И ещё, нынешние интеллигенты очень боятся пафоса, а потому часто уходят в самоиронию.

В этой связи ведущий встречу **А. В. Зябликов** высказал мнение, что сама по себе ирония может вести к саморазрушению личности. Но самоирония для интеллигента — хорошее качество, оно доказывает способность взглянуть на себя со стороны. Более

того, когда человек бьёт себя в грудь и заявляет, что он интеллигент, — это едва ли интеллигент.

На встрече присутствовал ещё один участник из Иванова — директор Православной гимназии и Морского кадетского корпуса, главный редактор газеты «Семейный круг» **А. М. Алябьев**. Он выразил желание высказать нечто позитивное, так как за словом должно всегда идти дело. Далее А. М. Алябьев, говоря об отношениях интеллигенции и власти, напомнил, что, если человек является христианином, он саму власть понимает отнюдь не рационально. Так говорится, например, в книге о святых VI века преподобных Варсанофии и Иоанне. Автор книги пишет, что он знает четырёх людей, молитвами которых стоит мир. Также и настоящий интеллигент, считает А. М. Алябьев, есть тот человек, который понимает, что от его личной позиции в этом мире многое зависит: а именно — от его поступков, мыслей, чувств, от его воли. И в этом смысле никакая власть, никакая элита не может противостоять тому человеку, который по-настоящему живёт верой, который стоит в добре. Возьмите преподобного Сергия Радонежского. Он жил в уединении, в лесу, работал на земле. Никому не навязывался со своими советами. Но он — до сих пор не случайно называется «игуменом Земли Русской». Так что подлинный интеллигент в современном мире — это тот человек, который несёт в себе положительный духовный заряд и активно противостоит всем вызовам. И такая позиция непременно даёт хорошие плоды, приносит свои результаты, сделал вывод А. М. Алябьев.

Завершая обсуждение монографии ученых-интеллигентоведов, **А. В. Зябликов** выразил благодарность всем участникам обсуждения, всем собравшимся за состоявшееся общение. Наверное, сказал он, всё-таки не так всё безнадежно, как подчас нам это кажется. И каждый интеллигент, несмотря ни на что, вправе оставаться самим собой, исповедовать свои убеждения, активно творить добро. Давайте это делать, заключил встречу профессор А. В. Зябликов.

Стоит также отметить, что встреча интеллигентоведов вызвала немалый интерес костромской общественности. Её освещало Костромское областное радио, на встрече присутствовали корреспонденты газет «Северная правда» и «Костромские ведомости».

О. Л. Рябченко

«ФРАГМЕНТЫ МУЧИТЕЛЬНЫХ ПОИСКОВ...»

В 2009 году увидела свет монография А. В. Квакина и Е. С. Постникова «“Завоевание высшей школы”. Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 — конец 1930-х годов)»¹. Несколько мыслей по поводу данной книги.

Современный период изучения истории интеллигенции отличается появлением живой истории, истинно гуманитарной науки, где мыслят и действуют живые люди с присущими именно им характерами, потребностями и интересами. И это живое знание из истории интеллигенции XX столетия, как справедливо подчёркивают авторы монографии, обязано не только разрушить старые догматические схемы борьбы «белого» и «красного» партийно-политических лагерей за массы, не только ответить на традиционные вопросы «Что делать?», «Кто виноват?», оно должно помочь представить многочисленные факты и описания, которые содержатся в исторических работах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки — «постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании рядом с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать» (с. 58).

Проблема «интеллигенция и власть» никогда не выпадала из поля зрения исследователей, в последнее время она стала приоритетной, но много ведущих историков отмечают слабую разработанность как отдельных исторических сюжетов, так и всей истории интеллигенции XX столетия в целом. С 1990-х годов на первый план вышли те её составляющие, которые раньше не анализировались — политика социальной дискриминации и социальной типологии интеллигенции, что и позволило рассматривать

© Рябченко О. Л., 2011

Рябченко Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и культурологии Харьковской национальной академии городского хозяйства. lerche555@mail.ru.

интеллигенцию как функциональный орган любого общества, как самореконструирующуюся социальную систему (с. 44, 48). И даже серьёзные научные исследования последних лет показывают, что отказ от старых догматических схем, введение в обращение новых документов, применение новых методов всё же не позволили осуществить решительный исследовательский прорыв. Поэтому сегодня становится понятной необходимость не только разрушения старых догматических схем, но и использование и упорядочение богатейшего фактического материала предыдущих исследований, что и позволит приблизиться к решению задачи, поставленной современными историками. В этом плане знаковой работой является коллективная монография А. В. Квакина и Е. С. Постникова «Завоевание высшей школы», что, без преувеличения, стало событием для исследователей истории и теории изучения интеллигенции.

Следует отметить, что в окончательном варианте книга создавалась одним автором — доктором исторических наук, профессором МГУ им. М. В. Ломоносова А. В. Квакиным, но частично с использованием материалов и замыслов доктора исторических наук Е. С. Постникова, отошедшего в вечность в 2002 году.

Авторы поставили, казалось бы, непосильную задачу: «войти в положение» интеллигенции того времени, «влезть в шкуру» «внутреннего коллаборанта», который сотрудничает с «предателями Родины — большевиками» (с. 62), и разобраться в людях 1920—30-х годов и их поступках, что само собой чрезвычайно тяжело, поскольку «чаще всего мы знаем лишь фрагменты их мучительных поисков» (с. 64). Цель и смысл этой работы видится авторам именно в установлении диалога современной интеллигенции с русской интеллигенцией того времени.

В соответствии с целью были очерчены и хронологические рамки исследования — 1917 год — конец 1930-х годов. При этом следует отметить, что в основном в монографии рассматриваются процессы, характерные для развития высшей школы России с 1917 года до конца следующего десятилетия. Проблемы и противоречия 1930-х годов так и остались без внимания авторов.

Структурно книга состоит из вступления, где основательно рассматриваются методологические, историографические и источниковедческие проблемы исследования истории и теории ин-

теллигенции, трёх разделов — «После прихода большевиков к власти», «Думая о будущем России», «“Великий перелом” и “пролетарские кадры” высшей школы» и выводов. Важным дополнением к содержанию монографии стали многочисленные таблицы, в которых сведён значительный массив цифрового материала относительно материального обеспечения студентов (с. 124), количества русских студентов в зарубежных вузах (с. 269—270), социального состава студенчества (с. 359, 361, 367—368, 374—376, 378, 387—389) и мн. др.

Исследователи, анализируя состояние имеющейся литературы по проблематике интеллигенции, выделили приоритетные направления её изучения в разные периоды нашего исторического прошлого, на основе которых и разворачивается историографический сюжет. Анализируя и используя в книге широкий круг литературы по указанной тематике, удивляет отсутствие важных для понимания проблемы публикаций, в том числе и монографий последних лет довольно известных русских исследователей, в частности по истории студенчества 1920-х годов — А. Рожкова, А. Маркова, Е. Платовой и др.² Тем не менее, в целом, как отмечает автор, исследование продолжает и дополняет предыдущие работы, в которых подробно рассматривались не только исторические, но и теоретико-методологические, историографические и источниковедческие аспекты темы (с. 63).

Источниковая база исследования, в соответствии со спецификой предмета исследования и с учётом подходов современных источниковедов, состоит из нескольких блоков значительного комплекса материалов. Авторы отмечают, что тенденция деления источников на «свои» и «чужие», «правильные» и «неправильные», отбрасывание «чужих» документов, которыми до недавнего времени были материалы антисоветского, антибольшевистского партийно-политического лагеря, а в последнее время материалов советско-коммунистического партийно-политического лагеря, не дают возможности двигаться по пути честного и непредубеждённого анализа и приблизиться к объективному пониманию нашего прошлого (с. 56). Отбрасывая ту или другую часть источников, мы искусственно разрываем нить диалога, субъективно отсеивая значительное количество участников исторического процесса.

Полноценное обеспечение исследования источниками есть довольно сложная задача, поскольку авторы старались установить интеллектуальный диалог между интеллигенцией 1920—30-х годов и современными исследователями. Материалы для её решения чрезвычайно фрагментарны и рассредоточены, поэтому требовалась многолетняя тщательная поисковая работа как в отечественных (центральных и местных), так и зарубежных, в основном американских, архивах и библиотеках.

Важно, что стараясь избежать прямого или опосредованного давления на читателя, авторы предлагают исследователям «не отфильтрованные выдержки из документов в соответствии с авторской концепцией», а дают возможность самим делать выводы, полностью публикуя наиболее интересные и редчайшие сведения из прошлого.

В первом разделе, где определены такие составляющие, как «Вопрос о взаимодействии Советской власти и коллективов высшей школы», «Профессорские забастовки» и «После окончания гражданской войны в России», исследователи анализируют главные проблемы, с которыми столкнулись вузовские коллективы после прихода к власти большевиков, поскольку среди их лидеров не было единых взглядов на пути развития высшей школы. Авторы отмечают, что подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава и студенчества отрицательно относилось к захвату власти большевиками и продолжало отстаивать автономию высшей школы (с. 70). Это сказалось, в частности, в бойкоте Второго Всероссийского совещания по реформе высшей школы (Москва, 4—8 сентября 1918 г.), в провале большевистских проектов, что побуждало Советское правительство к другим методам «завоевания высшей школы», в частности к назначению правительственных комиссаров с правом вето на все решения ректора или Правления (с. 72).

Особое внимание заслуживает материал, посвящённый протестам профессуры, которые нередко поддерживали и студенты, против политики реформирования высшей школы. На конкретных фактах доказано, что профессорские протесты до конца 1921 года стали приобретать более организованный и массовый характер, довольно часто неудовольствие реформами соединялось с жалобами на материальные трудности преподавателей и

финансовый кризис самих вузов (с. 106). Кульминацией стали так называемые «профессорские забастовки» в феврале 1922 года, которые заставили власть обратить внимание на проблемы высшей школы, но, как отмечают авторы, «уступки власти профессуре не носили принципиального характера. Уступив в отдельных вопросах, последние сохранили контроль над вузами. Не отказалась власть и от репрессивных действий, лишь отложив их на некоторое время» (с. 116). Таким образом, административный переворот в российских вузах стал первым успешным шагом среди попыток Советской власти трансформировать их.

Аргументированным представляется вывод о том, что декреты большевиков так и не смогли убрать самого главного препятствия на пути получения высшего образования рабоче-крестьянскими массами и тем самым по «завоеванию высшей школы» — рабоче-крестьянская молодёжь в преобладающем своём большинстве не была подготовлена к обучению и не могла успешно воспринимать дисциплины, что и было причиной отсева части «пролетарского» студенчества (с. 78).

К положительным моментам работы следует отнести основательный анализ одной из самых трагичных страниц в истории русской интеллигенции XX века — административной высылки большевистским правительством больше сотни известных представителей интеллектуальной элиты общества. Авторы подчёркивают, что для большевиков это был инновационный проект — вместо расстрела классовых врагов им предлагалось временно оставить рабоче-крестьянское государство. А. В. Квакин убедительно доказывает, что, несмотря на большую работу, проведённую в последнее время по выявлению новых исторических документов и изучению этого акта Советской власти, в современной литературе ещё нет основательного осмысления целого ряда аспектов этой высылки. В частности, не исследованы не только политические и идеологические, но и глубинные общекультурные предпосылки такой экспатриации (с. 152). Эта акция Советского правительства никогда бы не осуществилась, если бы она не опиралась на массовое сознание. Административная высылка была возможной лишь в условиях существования идеи врага и стала последовательным шагом в деле «завоевания высшей школы»,

поскольку профессорско-преподавательские коллективы вузов остались без основных идеологов (с. 180).

Второй раздел посвящён проблемам эмиграции «первой волны» и состоит из двух параграфов. Первый — «Интеллигенция Русского Зарубежья и создание русских академических организаций» — посвящён проблемам организационного оформления и развития русской науки и культуры за рубежом. Второй — «Русское Зарубежье и студенческая молодёжь» — раскрывает драматические страницы жизни и обучения эмигрантской молодёжи, которая разделила судьбу всех беженцев. Авторы последовательно рассмотрели принципиальные моменты создания и цель деятельности русских академических организаций, союзов и других объединений, убедительно показали, что эта деятельность во многом была реакцией на политику Советской власти по уничтожению «старой» академической науки и замене её «новой», «пролетарской» наукой (с. 189). Исследователи отмечают, что эти взгляды совпадали с идеями западных мыслителей и общественных деятелей, которые видели в большевизме угрозу для европейской культуры и мировой цивилизации, с идеей спасения европейской цивилизации от гибели. При этом они аргументированно доказали, что в целом русская интеллигенция в эмиграции поставила перед собой цель сохранить и приумножить русскую культуру для будущей России.

На основе богатого фактического материала авторы прослеживают судьбу студенчества в эмиграции, которое находилось в чрезвычайно тяжёлых материальных и моральных условиях (с. 299). Некоторым удалось продолжить образование благодаря помощи разнообразных организаций. Молодёжь жила идеями служения России и верила в возвращение на родину, но в конце 1920-х — начале 1930-х годов эти надежды становились невыполнимыми. Важно, что учёные поднимают малоисследованную страницу истории эмигрантской молодёжи — идейные и духовные искания русского студенчества за границей. Авторы отмечают, что одна часть беженства продолжала верить в сословную монархию, другая — меньшая, связывала свою судьбу с демократической Россией (с. 333). Духовные же поиски беженства носили и религиозный, и, в большей мере, культурно-просветительский характер (с. 335).

Третий раздел состоит из трёх параграфов: «“Пролетаризация кадров” и её последствия», «Подготовка “пролетарских кадров” и ломка высшей школы», «Идейно-политическое единство студенческой молодёжи: миф или реальность?».

Обращаясь к проблеме сущности академических проверок («чисток»), исследователи отмечают, что эти мероприятия проводились с целью не только ликвидации нерабочего балласта или разгрузки вузов, но и для удаления из высших школ тех студентов, чьё социальное положение и политические позиции не отвечали общему направлению перестройки (с. 369). Большевистская партия, регулируя социальный состав студенчества, сузила сферу влияния своих оппонентов. В ходе перманентных «чисток» сторонники эсеров, меньшевиков, анархистов оказались вне учебных аудиторий. Анализируя социальный состав студенчества и отмечая увеличение пролетарской прослойки, авторы замечают такую тенденцию, как попытки представить в отчётах как можно больше студенчества «пролетарским», что довольно часто искажало картину истинного положения в вузах (с. 377). Низким был и процент выпуска из вузов студентов рабоче-крестьянского происхождения, поскольку к последнему курсу доходила сравнительно небольшая их часть. Вместе с тем «пролетаризация» означала разрыв с такой традицией дореволюционного общества, как наследственность высшего образования (с. 417).

Не осталась без внимания авторов и проблема морально-этического облика партийно-комсомольской прослойки. Её искусственное наращивание вело к формализму, бюрократизму в студенческой среде, формировало чувство превосходства над товарищами по обучению, воспитывало карьеристов, которые душили всё светлое, что вынашивало в себе поколение, искренне верующее в идеалы социализма (с. 389).

Одной из ключевых проблем, которые поднимаются в монографии, является проблема установления политического контроля над студенчеством, воспроизведены каналы этого контроля, на конкретных фактах доказано, что именно благодаря подобным мероприятиям студенческая жизнь регулировалась в интересах социалистического строительства (с. 475). Как отмечают исследователи, победа над идейными противниками большевиков в

студенческой среде была обеспечена в первую очередь методами административного, идеологического и репрессивного давления.

Интересен и аргументирован вывод авторов о том, что с конца 1920-х годов уже невозможно говорить о какой-либо идейно-политической дифференциации отечественной интеллигенции, поскольку она искусственно была смешана с бюрократами, служащими, «выдвиженцами», потеряла свои основополагающие черты и фактически перестала существовать как бывшая социальная группа. Тем не менее, в деформированной отечественной высшей школе через профессорско-преподавательский состав шло воспитание новых поколений интеллигенции, которая, несмотря на существенные отличия от дореволюционной, особенно по социальному и национальному составу, всё же не смогла избежать этого влияния (с. 518). Уроки 20—30-х годов показывают, что радикальные ломки и непродуманные реформы наносят большой вред отечественному высшему образованию.

Эксперимент большевиков по «завоеванию высшей школы» был грандиозной попыткой разорвать её исторические традиции. Исследователи утверждают, что большевики не были в этом отношении оригинальными — консервативные силы и правящая элита на протяжении столетий стараются набросить на систему высшего образования хомут контроля и жёсткой опеки с целью использования вузов как фабрики верноподданных кадров. Но коллективы высших школ даже в тягчайших условиях стараются сохранить и приумножить традиции интеллигенции и её главного детища — вузовской системы подготовки кадров специалистов. Интеллигенция как саморазвивающаяся система с помощью высшей школы и её традиций смогла сохранить базовые компоненты отечественного высшего образования и многие свои основополагающие признаки.

Профессорско-преподавательский состав во взаимодействии со студентами был особым пространством, отличным от жизни других представителей интеллигенции. Сама идея соединить эти два мира прекрасна, поскольку как преподавателей без студентов, так и наоборот, нельзя воспринимать всесторонне и полноценно. К сожалению, авторам эту задачу выполнить до конца так и не удалось — в монографии прекрасно очерчены два разных, параллельных мира, а самого объедине-

ния, сотрудничества и противостояния этих миров в советских вузах проследить не удаётся.

Монография написана живым языком, с уместно вкрапленными яркими образными сравнениями, которые делают чтение легким и интересным. К сожалению, при всём этом она, как и любое издание, имеет отдельные недостатки технического характера, которые отнюдь не влияют на её общую положительную оценку.

Книгу выгодно отличает старание авторов не только проанализировать собранные факты, но и предоставить возможность читателю самому делать заключения на основе многочисленных документов, приведённых в тексте. Основательный анализ значительного количества свидетельств участников исторических событий 1920—30-х годов, при сопоставлении со многими другими объективными наблюдениями, дал возможность в конечном результате увидеть реальные процессы, которые происходили в сознании интеллигенции и которые по-разному отразились на личном опыте конкретных людей того времени.

Безусловно, монография является оригинальным исследованием из истории социальных процессов первых советских десятилетий и будет полезной не только специалистам, но и всем, кому небезразличны страницы новейшей советской истории.

Примечания

¹ *Квакин А. В., Постников Е. С.* «Завоевание высшей школы»: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 — конец 1930-х годов). М.: Изд. дом «Ветераны спецслужб»; науч. журн. «Экономика — Право — Политика — Безопасность», 2009. 528 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.

² *Марков А.* Что значит быть студентом: работы 1995—2002 гг. М., 2005; *Платова Е.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. 1917—1927 гг. СПб., 2001; *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Краснодар, 2002.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

АННОТАЦИИ

Сибиряков И. В. Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века

Ключевые понятия: террор, интеллигенция, миф, политическая мораль, исторический опыт.

Исследуются некоторые особенности восприятия политического террора различными группами российской интеллигенции в начале XX века. Проанализированы механизмы идеологической модернизации системы оправдания террора, проведённой радикальными политическими партиями России в начале XX в.

Корнилов А. А. Российская интеллигенция и мир перемещённых лиц стран Европы

Ключевые понятия: перемещённые лица, российская интеллигенция, эмиграция, лагерная гимназия, издательская деятельность, культура.

Изучаются причины сосредоточения российской интеллигенции в лагерях перемещённых лиц Германии, Австрии, Италии после Второй мировой войны. Рассматривается культурная, издательская, образовательная, политическая жизнь в лагерях Ди-Пи. Исследуются результаты политической, культурно-воспитательной работы интеллигенции. Оценивается вклад интеллигенции в развитие послевоенной российской эмиграции.

Чугунова Т. В. Античность и тип интеллигентной личности

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентная личность, античность, дискурс, интеллигентское сознание, логос, культура, интеллигентский этос.

Рассматриваются доминирующие значения концепта «интеллигенция», имеющие основания в античности как культурном коде цивилизации, которые входят в ментальность интеллигенции и отличают её от других социальных групп.

Павлова Т. В. Самоорганизация общества глазами русской интеллигенции конца XIX — начала XX в.

Ключевые понятия: интеллигенция, самоорганизация общества, земское самоуправление, Парижские секции, Парижская коммуна.

В центре внимания статьи — взгляд русской интеллигенции на проблемы местного самоуправления в России в конце XIX — начале XX в. в связи с аналогичными проблемами в истории Франции конца XVIII в., которые упорно и результативно штудировал профессор Н. И. Кареев. Обращается внимание на альтернативы развития российского самоуправления, предлагаемые научным сообществом историков и земской интеллигенцией.

Ермушин М. В. Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие в годы НЭПа: проблема взаимоотношений

Ключевые понятия: инженерно-техническая интеллигенция, инженерно-технические работники, квалифицированные рабочие, новые рабочие, ролевые конфликты, спецеобразование.

Анализируются взаимоотношения инженерно-технической интеллигенции и рабочих в контексте социальных изменений, происшедших в среде рабочих, и интеграции непролетарских слоёв в новое общество.

Смирнов Д. А. Интеллигенция Советской России конца 20-х — начала 30-х годов XX века глазами немецкого интеллектуала

Ключевые понятия: В. Беньямин, советская интеллигенция, интеллектуал.

Анализируется взгляд немецкого мыслителя Вальтера Беньямина на деятельность советской интеллигенции и её поддержку государства в первые годы большевизма, а также заинтересованность в ней с стороны последнего, что предоставило Беньямину факты для оппонирования с разнородной массой европейских левых интеллектуалов.

Семёнов В. Л. Оценочный аспект деятельности российской интеллигенции

Ключевые понятия: генезис интеллигенции, структура интеллигенции, диссидентская интеллигенция, российская интеллигенция как выразитель идей альтернативного постиндустриализма.

Предпринимается попытка осветить оценочную функцию интеллигенции, как она выражалась в крупнейших событиях российской истории XIX—XX веков. Показывается различие оценочной функции интеллигенции в тех революционных движениях, где она терпела поражение, и в тех, где революционное движение одерживало победу. Оценивается возможная позиция российской интеллигенции относительно будущего развития России.

***Ветошкина Ю. В.* Интеллигентская рецепция гламура**

Ключевые понятия: гламур, китч, интеллигенция, мещанство, средний класс.

Рассматриваются явление «интеллигенции» и феномен «гламура», даётся определение этих понятий; выявляется, что они противопоставлены друг другу как по внутреннему содержанию, так и по форме проявления.

Sibiryakov I. V. Intelligentsia and terror: historical experience in Russia at the beginning of the 20th century

Key notions: terror, intelligentsia, myth, political moral, historical experience.

Several peculiarities of political terror perception by different groups of Russian intelligentsia at the beginning of the 20th century are studied in the article. Mechanisms of ideological modernization of system of terror justification carried out by radical political parties of Russia at the beginning of the 20th century are analyzed by the author.

Kornilov A. A. Russian intelligentsia and the world of the moved persons of European countries

Key notions: the moved persons, Russian intelligentsia, emigration, camp grammar-school, publishing, culture.

The reasons of Russian intelligentsia concentration in the camps of the moved persons of Germany, Austria, Italy after the World War II are studied in the article. The cultural, publishing, educational, political life in the camps of DP is shown. The results of political, cultural-educational work of intelligentsia are researched. The intelligentsia contribution to the development of the after-war Russian emigration is analyzed.

Chugunova T. V. Antiquity and the type of intelligent personality

Key notions: intelligentsia, intelligent personality, antiquity, discourse, consciousness of intelligentsia, logos, culture, intelligentsia etos.

The article shows the dominating meanings of the concept intelligentsia basing in antiquity as in cultural code of civilization that are present in mentality of intelligentsia and make it different from other social groups.

Pavlova T. V. Self-organization of society from the view of Russian intelligentsia at the end of the 19th — the beginning of the 20th century

Key notions: intelligentsia, self-organization of society, land self-government, Paris sections, Paris commune.

The article analyses the Russian intelligentsia's view of the local government in Russia at the end of the 19th — the beginning of the 20th century, in connection with the same problems in the history of France at the end of the 18th century that were thoroughly examined by professor N. I. Kareev. Much attention is paid to the alternatives of the Russian local government development that were suggested by the scientific society and land intelligentsia.

Ermushin M. V. Engineer-technical intelligentsia and workers in the years of New Economic Policy: the problem of relationship

Key notions: engineer-technical intelligentsia, engineer-technical workers, qualified workers, new workers, role conflicts.

The article analyses the relationship of engineer-technical intelligentsia with workers in the context of social changes taking place in the sphere of workers and integration of non-proletariat members into the new society.

Smirnov D. A. Intelligentsia of Soviet Russia (at the end of the 20^s — the beginning of the 30^s of the 20th century) from the view of a German intellectual

Key notions: V. Benyamin, Soviet intelligentsia, intellectual.

One of the first authors who chose to research the intelligentsia of Soviet Russia at the end of the 20^s — the beginning of the 30^s of the 20th century was a German scientist Walter Benyamin. The activity of Soviet intelligentsia and its support to the government in the first years of Bolshevism as well as the Bolshevism interest to this activity gave Benyamin the facts for opposing with heterogeneous mass of European left-intellectuals.

Semyonov V. L. Evaluative aspect of Russian intelligentsia activity

Key notions: genesis of intelligentsia, structure of intelligentsia, dissident intelligentsia, Russian intelligentsia as an exponent of alternative post-industrialism ideas.

An attempt to show the evaluative function of intelligentsia, how it was expressed in important events of the history of Russia in the 19th—20th

centuries is made in the article. The author shows the difference of the evaluative function of intelligentsia in those revolutionary movements where it failed and where the revolutionary movement scored a victory. The possible position of Russian intelligentsia concerning the future development of Russia is evaluated in the article.

Vetoshkina Y. V. Intelligentsia's reception of glamour

Key notions: glamour, conceit, intelligentsia, lower middle class, middle class.

The article shows the phenomenon of «intelligentsia» and the phenomenon of «glamour». The author gives the definitions of these notions and concludes that both phenomena are opposed to each other by contents and by manifestation form.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2011 № 1

Подписано в печать 17.03.2011 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru